

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

ЧУЖОЙ ГОСТЬ

Василисе шестнадцать лет и ей кажется, что всё в прошлом, а жизнь закончена: мать переехала из столицы Ярославской области в мелкий умирающий городок провинции. Остаётся чахнуть в тоске, заканчивая школу... Глеб — девятнадцатилетний лейтенант бронепехоты, из иного времени или пространства. Он готовился принять свой последний бой всего в двух шагах от исполнения своей мечты. Пехота всегда встречает врага первой, даже если шансов уцелеть почти нет. Но ведь не зря же подружка перед переездом нагадала: всё в жизни Василисы теперь изменится, и ждут её новые встречи и незабываемые события.

В окружавшей их пустыне царил мёртвая тишина. На всём видимом пространстве бесконечной буро-жёлтой равнины не было видно ни одного живого существа. Ящерицы-падальщики и те пропали. Видимо, даже для этих вездесущих противных вредителей здесь было слишком сухо. Или докучливых тварей по всей округе вывели ещё керхеры, когда полторы сотни лет назад пытались закрепиться на Опале... Эта раса чужих славилась надёжностью своей техники. Скорее всего, пусть без присмотра и ремонта, но смонтированная ими система очистки работала до сих пор. А это означало, что база не сгорела в атомном пламени, как утверждалось во всех хрониках Города, сохранилась и работает. Во всяком случае, только этот вариант и оставлял им хоть какой-то шанс выжить. Как ещё шла Ирма, Глеб не представлял: без скафандра, в обычной одежде жителей пустыни, с минимумом воды. На одной воле... впрочем, будь она человеком — тогда можно бы и удивиться. А пока оставалось лишь удивляться выносливости организма чистокровных людей. Захваченное Ирмой тело девушки не имело никаких улучшений.

Глеб облизнул пересохшие губы. Вода у них закончилась вчера. Климат-система в бронескафандре тоже почти сдохла. Но если распечатать аварийный резерв аккумуляторов, перераспределить энергию на кондиционер и выжать из него хоть немного холодного воздуха — Глеб лишится боеспособности. Без брони, голым, даже со всей своей подготовкой он много не навоюет. Особенно если стая завроидов не отстала, а идёт по следам Глеба и Ирмы. Шестое чувство на неприятности, без которого рискуешь сгинуть в первом же рейде, упорно нащёптывало, что стоит рассчитывать на самый худший вариант. Ужасом пустыни этих зверюг прозвали не просто так.

— Ну как, мальчик? Идёшь? Своё обещание не забыл?

Глеб усмехнулся. То ли Ирма понемногу вспоминала себя-прежнюю, какой она была до того, как стать неживой программой искусственного интеллекта, то ли разобралась в остатках личности захваченного тела. Но последние несколько дней «девушка» всё больше и больше походила на человека, а не на андроида в биологической оболочке.

— Не забыл, красавица. Готов нести до места.

— Себя сначала донеси. И была красавица, да вышла.

С этим спорить не получалось. Когда они покидали лагерь, Ирма без преувеличения выглядела как очень привлекательная девушка. Сейчас гладкая загорелая кожа стала похожа на коричнево-бурую, обгоревшую на солнце кору. Золотисто-лньяные волосы скатались в паклю непонятного цвета. Округлое лицо и женственная фигура исхудали — ещё не скелет, но уже кожа и кости.

— Не вышла, а дошла. Плевать, в каком виде. Если про керхеров не врут, будет тебе новое тело. Главное...

Заканчивать фразу Глеб не рискнул, чтобы не сглазить. Если хотя бы часть заводских комплексов и складов сырья сохранилась, на их основе можно развернуть небольшой островок искусственной биосферы. А потом он станет... Нет, так далеко лучше не заглядывать.

Остатки бетонных укреплений, противотанковые рвы, траншеи, взорванные радарные станции, оплавленные лазерные отражатели и разбитые протонные орудия появились неожиданно. Вроде бы только что впереди утомляли глаз одни лишь барханы вездесущего

песка — с какого-то мига и шага можно понять, что намело жёлто-бурые россыпи не случайно, а вокруг очередной развалины. Глеб, не замедляя шага, включил тактический анализатор. И впервые порадовался технологическому упадку, с каждым годом всё крепче сжимавшим стальную хватку на колонии. Настройки и программное обеспечение брони не меняли со времён Великой войны. Попросту не рисковали вмешиваться в отрегулированные ещё сто лет назад производственные циклы. Зато сейчас компьютер фонтанировал информацией. Пояснял назначение того или иного здания и раз за разом выносил не утешающий вердикт: «Защитное поле — ноль. Функциональность — ноль. Статус угрозы — серый».

Высокая пирамида сначала показалась миражом. Глеб даже засомневался и заподозрил, что тактический компьютер начал помирать вслед за климат-контролем. Вместо изображения местности проецирует на забрало запись из базы данных. Ибо перед ними к белёсо-голубому небу вздымалась удача, на которую Глеб не рассчитывал в самых смелых мечтах. Яркие жёлтые, не палевых оттенков песка, а цвета солнца боковые плоскости пирамиды выглядели ровными, без щербин от попаданий. То есть на самом деле они были слегка вогнутыми эллипсоидами, но издали казались идеальными плоскостями четырёхгранной пирамиды. И тут же анализатор сообщил: «Врата. Силовое поле — пятнадцать единиц. Функциональность — сто. Статус?» — «Зелёный», — торопливо ввёл команду Глеб. Не хватало ещё, чтобы в бронескафандре сработала автоматика огня, посчитав, что боец не стреляет по враждебным устройствам инопланетян, так как не в состоянии вести бой из-за ранения.

— Мать всего космоса, это же Врата! И действующие.

— Полностью, — хрипло рассмеялась Ирма. — И пустые. Именно сюда должны были отступить правители-архонты. Думали, что мы про это место не знаем. В Прайме они сумели подбить почти все боеголовки. Нам всё равно хватило снести периметр, — Ирма давно стала бездушным неживым компьютерным интеллектом. Но сейчас в голосе всё равно отчётливо были слышны нотки гордости, доставшейся ей от основы — капитана Ольги Лихачёвой. — Архонты до последнего верили, что выиграли. Пока мы штурмуем Прайм, они уйдут сюда. А сюда пришли Псы.

Ирма закашлялась и замолчала, стоило побереечь силы, а не тратить их на разговоры. Но остальное Глеб сообразил и сам. Оба штурмовых отряда людей были фанатиками-смертниками. Дивизия Ольги Лихачёвой нахваталась радиации, поскольку шли в атаку через горячую зону сразу после атомных взрывов, пока враг не успел залатать бреши в оборонном периметре. Такой самоубийственный вариант керхеры, склонные к логике в ущерб эмоциям, даже не рассматривали. И это сейчас, спустя полтора года, стало счастливым лотерейным билетом. И Глеба, и колонии. Ибо только сумасшедший фанатик вроде той же капитана Лихачёвой предпочтёт вместо смерти существовать в уродливом облике киб-системы подбитого танка. Ты непрерывно, час за часом и год за годом умираешь и теряешь себя. Перерождаешься в неживой компьютерный интеллект, смысл существования которого следить за ветшающим железом, искать в развалинах энергию, ремонтировать центральный компьютер. И всё это лишь бы сохранить для потомков запрятанную в блоки памяти информацию. И ведь сохранила!

А сюда пришли Боевые псы. Небольшой отряд, потому их и не обнаружили. Элита элит армии людей, поэтому хватило нескольких сотен. Да, они не уничтожили запасную базу до конца, но заставили ядро второй колонии на время отключиться. Заблокировали мост

свёртки пространства между Вратами. Архонты и правящие касты погибли вместе с Праймом, великие предки Глеба разгромили врага. На Опале остались жить только чистокровные люди, представители расы хомо сапиенс... Отныне затерянная в глубинах внешних секторов деградирующая колония, замкнувшаяся в границах первого на планете города, так и оставшегося единственным. Слишком много ресурсов съела победа. Но когда удастся взять под контроль колонизационный модуль-ядро, они не то что малое поселение, ещё один город здесь построят!

Издали пирамида казалась игрушечной, вблизи была огромной и росла с каждым шагом. Когда до неё осталось не больше километра, а здание уже закрыло полнеба, истошно заорал тактический анализатор: «Тревога! Сквэд завроидов! Дистанция пять километров!» Не будь перед ним действующего ядра колонии чужих, в то, что вернулось ещё одно страшное наследие эпохи войны, Глеб не поверил бы. Списал на сбой в работе систем брони.

— Ирма. Бегом, внутрь и запускаешь оборону. Нас догоняет сквэд завроидов.

Дитя войны, Ирма поняла сразу, и без слов кинулась в сторону пирамиды. Сейчас она больше не пыталась изображать человека, движения лишились присущей живому организму мягкости и плавности, стали механическим шагом двуногой машины. Для неё ситуация была привычной. Бронепехота стоит в заслоне, пока бронетанковые части ломают периметр и высаживают в глубине вражеской базы десант автономных дронов. И не имело значения, что пехотинец всего один, а под командой Ирмы больше нет грозной робо-крепости.

Глеб торопливо прогнал через анализатор топосъёмку окружающей местности и прикинул, как понемногу во время боя начнёт отступать к зданию. Даже пока они были просто одичавшими зверьми, завроиды, плод генной инженерии многих поколений войны, оставались совершенной машиной убийства. А сейчас, когда соединилось несколько стай, и число особей достигло критической величины, звери объединили нервную систему в биокомпьютер. Запустилась древняя боевая программа, превратила стаю в подразделение типа сквэд... И этот отряд биороботов будет сражаться как единое целое, наплевав на гибель отдельной тактической единицы. Начнёт атаковать, пока в зоне действия его сенсоров остаётся хоть один человек, керхер или их строение. Окажись тут хотя бы десятка три бронепехотинцев, от единственного сквада они бы отбились. Для одиночки сражение со сквадом — это смерть... Но ему ведь достаточно продержаться, чтобы Ирма успела добежать до контрольного зала и запустила оборонную автоматику? Должно же здесь за столько лет хоть что-то восстановиться?

Часть I. Здесь

Утро сегодня словно решило поиздеваться: яркое солнце, прозрачное голубое небо, Яндекс-Алиса в телефоне радостно сообщила, что на улице летняя погода, можно гулять и попутно поздравила с первым днём учебного года. Настроение из-за этого, и так паршивое — всю ночь Василиса задыхалась, ей снился кошмар, что она бредёт по бесконечной раскалённой пустыне — окончательно испортилось. Вдобавок мама уже перед выходом пожелала «побыстрее найти себе подходящих друзей в новом месте», и всю дорогу до школы Василиса представляла, как на неё станут пялиться во время линейки. Как же, одиннадцатый класс — и вдруг пришла новенькая. Когда уже показалась решётка школьного забора, ноги предательски дрогнули и сами повернули в сторону калитки. Василиса решила, что так тому и быть. Ничего страшного не случится, если торжественное построение она пропустит.

По случаю первого сентября и линейки класс был пуст: все покидали сумки и отправились скучать под бдительным надзором учителей. Василиса осторожно вошла и осмотрелась. Последняя парта в ряду возле окна оказалась не занятой. По крайней мере, ничьих вещей на стуле не лежало. И это радовало. Отсюда можно спокойно изучать, с кем ей придётся иметь дело весь последний учебный год в новой школе. Никто же не будет прямо во время урока оглядываться назад?

Стоило усесться за парту, как древний стул опасливо скрипнул под весом девушки. Взгляд сразу зацепился за обшарпанную столешницу, и Василиса поняла, что краснеет. Кто-то нарисовал маркером похабную картинку, а ниже добавил с какого-то порносайта чуть ли не абзац текста, с матерками и подробным описанием сокоупления. В прежней школе за такое вышибли бы со скандалом, а тут за лето даже не закрасили!.. «Лучше бы меня отсюда выгнали, чем тут учиться!» — мысль мелькнула и мгновенно испуганно исчезла. Какая бы ни была школа, а с треском вылететь, не закончив одиннадцатый класс, врагу не пожелаешь.

Душу опять захлестнула ненависть, аж задрожали колени и похолодели кончики пальцев. Ненависть к отцу — после развода он согласился с доводами суда, и дочь осталась с матерью. А ведь мог бы подключить свои знакомства, похимичить... Так нет, принципиальный, честный. Ненависть к матери — импульсивная истеричка, которая всегда старалась всех и всё «держать под собой». Удивительно, как папа столько лет с ней прожил и ушёл к более молодой и привлекательной девушке только сейчас. А в результате «ради дочери» мать отказалась от квартиры в Ярославле, и месяц назад они переехали в этот маленький поганый городок. Рыбинск, «мамина родина». Что там подружка Василисе перед отъездом нагадала? Всё у тебя переменится, встретишь ты свою судьбу суженую... Ага, как же! Судьбу?

Век бы этот Рыбинск, дыру идиотскую, не видеть. Всё в городе было вроде как положено: дома-девятиэтажки, улицы и тротуары, школы и больницы, заставший наверняка ещё мамино детство кинотеатр и даже что-то похожее на торговый центр. Но выглядело это «всё» так, что раньше Василиса побоялась бы подойти к нему ближе, чем на десять метров. Тут же пришлось для справки в школу ходить по врачам в поликлинике... Когда прямо перед Василисой на пол и чуть не на голову упал увесистый кусок шпукатурки, она закатила истерику. Ну а мама, вместо того чтобы понять и утешить, сначала обругала прямо там, а потом дома отдельно устроила скандал — им здесь жить, а дочь их с первого же дня перед людьми позорит.

Захотелось плакать, но этого делать было нельзя. Пересесть Василиса тоже не успела. Класс быстро начал заполняться парнями и девушками: линейка, на которую Василиса не пошла, закончилась. На новенькую откровенно пялились, но хотя бы открытой ненависти не чувствовалось. Василиса стараниями родителей всегда училась в очень хороших гимназиях, зато про всякие «отстойники» для хулиганья или разные там провинциальные школы в интернете начиталась заранее. Надо же понять, куда её мать засунула? Если верить всяким статьям и форумам, вроде бы начало неплохое.

Классная руководительница вошла за последним учеником. Василиса торопливо раскрыла блокнотик, куда, не надеясь на память, на всякий случай записала имя: «Лариса Демидовна». Пока учительница грозно осматривала подведомственных ей учеников, так же внимательно Василиса осматривала и её вместе с классом. Средних лет женщина выглядела ухоженной — аккуратная укладка окрашенных в светлый цвет волос, модный маникюр. Общее впечатление немного портила некоторая полнота, которую она пыталась скрывать, и от этого платье сидело не очень удачно, мешковато. Как учил отец — наверное, в прошлой жизни — Василиса постаралась вычленить главное в своём первом впечатлении. Результат не понравился: ребятам классная руководительница отдавала однозначное предпочтение по сравнению с девочками. Впрочем, и было-то парней всего одиннадцать из тридцати.

И если проследить, на кого из учеников какие взгляды брошены, сразу понятно, кто в классе лидер и любимчик. Вон тот симпатичный шатен с модной короткой стрижкой. Василиса всмотрелась: действительно, внешностью не обижен, тонкие губы, прямой нос, большие синие глаза, спортивная фигура. А ещё белоснежная рубашка, галстук, школьный пиджак с иголочки, не то что расхристанный и не самый богатый вид у остальных парней. Наверняка все девчонки в классе за ним бегают, поэтому надо его обходить за километр. Тут и без форумов Василиса знала: побьют. Да и первое впечатление парень оставлял какое-то не очень приятное. И рот у него не закрывался, что нравилось сидевшим рядом девчонкам, но отталкивало Василису. Самой разной масти: одна вся конопатая и волосы кудряшками, две полноватых, четвёртая худая и высокая как жердь. Василиса сразу отметила, как они свысока поглядывают на остальных и посматривают на красавчика, внимая его трепотне. Всех остальных девчонок можно отнести в категорию «серых мышей», а от этой четвёрки надо держаться подальше. Ещё увидят в новенькой соперницу за внимание своего красавца.

Дальше наблюдать, прикинувшись «тише воды, ниже травы», не получилось. Лариса Демидовна грозно зыркнула и постучала указкой по столу. Дождалась, пока смолкнут разговоры, и вдохновенно начала:

— Прежде чем напомнить вам, что этот год ваш последний в школе, в конце одиннадцатого класса вы сдаёте Единый государственный экзамен, а дальше перед вами открывается дорога в жизнь — и от экзамена зависит, какая она будет, эта дорога, я хотела бы познакомить вас с новым учеником. Встань, пожалуйста, перед доской. Вашего нового товарища зовут Василиса Громова, она переехала к нам из Ярославля вместе с мамой. Школу она закончит вместе с нами. А теперь расскажи о себе.

— Я не знаю, что сказать, — растерялась Василиса.

— Не состоял, не привлекался, — кто-то решил подсказать.

Большая часть класса мгновенно отреагировала хихиканьем.

— Не обижайся, мы рады новому ученику, правда, ребята?

— «Она нежно подмигнула одной из девочек, и тут Глебу стало обидно». О, спалился! Точно, ты на неё запал и влюбился с первого взгляда. Вон морда стала красная, — громкий

голос какого-то парня раздался с самой дальней парты.

Василиса машинально отметила, что любимчика классной руководительницы и красавчика зовут Глебом: он невольно вздрогнул, когда шутник назвал его по имени. Дальше покраснел от злости и показал куда-то назад кулак.

— Транслирую мысли Глебчика дальше: «А я думал, ты сначала мне дашь», — громко продолжил всё тот же шутник. — Эй, Вася, ты какой ориентации? По девочкам, или по парням?

— Андрей, прекрати немедленно, — Лариса Демидовна начала сердиться, вперила грозный взгляд в самую последнюю парту в углу, за которой вальяжно развалился шутник. — Или завтра в школу ты вернёшься с родителями!

— А я чё? Вы же сказали: надо знакомиться. Вот я того, и знакомлюсь. Надо же узнать, какой она ориентации. Она себе место выбрала? Василиса Прекрасная. Прекрасно даёт. Ну вот надо же знать, кому она даёт? А вдруг у нас своя будет, розовая? Ты это, сразу колись, если что!

— Чугунов! Кажется, ты соскучился по нашему психологу? Анна Геннадьевна будет счастлива тебя видеть.

Эта угроза подействовала, хотя Василисе и показалось, что она услышала: «Испугала ежа голой жопой». Зато по всему классу снова пошли смешки, теперь намного громче и злее. И тут Василису прорвало. За все летние месяцы и новую дурацкую школу разом. За дуру классную, которая не может унять «Камчатку на задних партах»: в прошлой гимназии во время урока никто и пикнуть не смел. Там, если классная руководительница была недовольна, ученики вообще дышали через раз — а здесь с бардаком на уроках придётся жить весь год. И да, Василиса знала и про свою блондинистую внешность, и про роскошную косу, и про то, что лицом и фигурой напоминает ту самую Василису из советских фильмов-сказок. В старой-то гимназии прозвище терпеть не могла. А здесь, с таким намёком и на глазах у этой дуры Лариса Демидовна — стоит, ещё и улыбается... И плевать на последствия!

— Пусть остаётся, простим дурака. Только как тебя там, Андрей? Предупреждаю. Запомни. Василиса Премудрая. Напомнить, чем отличается? Сунешься — х...й оторву и на память замариную. На этом вопрос о моей ориентации считаю закрытым, — по классу прокатился настоящий хохот. — Можно, я вернусь за парту?

Не дожидаясь разрешения, Василиса вернулась на выбранное место, стараясь сохранять невозмутимый вид и успокаивая себя тем, что ей абсолютно безразлично, с кем учиться. Внутри же всё оборвалось и заглодело. Лариса Демидовна теперь сожрёт без соли, с классом отношения испорчены, не успев наладиться. Какой скандал дома устроит мать, лучше вообще не думать. Надо же было так неудачно выбрать парту, ясно с чего она стояла пустая.

— Да ладно вам. Наш пацан! — слова того самого хохмача Андрея Чугунова прозвучали для Василисы последним гвоздём в гром похороненных перспектив хоть как-то тихо и незаметно пересидеть последний год в новой школе.

Остаток дня стал кошмаром. Василиса костерила себя на все корки, обзывала самыми страшными ругательствами вплоть до «дура-блондинка» и «краса-тупая коса». Не просто сорваться, а матом — полное позорище. Да и отец всегда говорил, что нецензурной бранью щеголяют одни лишь идиоты, не умеющие свою мысль донести нормальными словами. А уж как станет вечером трепать нервы мать, особенно после визита к завучу по воспитанию...

Классная нажалуется обязательно, это как пить дать. И хоть домой не приходи. Вдобавок чуть ли не на каждой перемене рядом оказывался Глеб, то ли «клеился», то ли пытался «загладить вину». Так что от взглядов, которые Василиса несколько раз ловила от сидевших рядом с ним девчонок, нехорошо сосало под ложечкой. Конец первого учебного дня Василиса встретила как манну небесную. И специально решила чуть задержаться, пусть остальные уйдут. По крайней мере, если Глеб всё-таки пытался именно «клеиться», точно ждать не станет. А четвёрка поклонниц сообразит, что она на «их прелесть» не претендует.

Троица девчонок-воздыхательниц Глеба появилась внезапно. Как резкий порыв ветра посреди солнечной и ясной погоды. Вроде бы в коридоре никого — Василиса специально посмотрела, прежде чем войти в гардероб за ветровкой и сменкой обуви — и вот уже стоят на пороге. Брезгливый взгляд, которым девушки окинули соперницу с ног до головы, прошёлся свинцовыми волнами неприязни по телу. На секунду остановившись глазами на толстой и роскошной косе, конопатая плотоядно улыбнулась.

— И что он в тебе нашёл? Подобие одно, а не девушка. Не зря Чугун тебя за парня принял. За трансвестита, — обе толстушки, у которых уже была не только округлая поженски фигура, но и большая грудь, противно захихикали.

— П-простите? — переспросила ошарашенная Василиса, и почувствовала, что у неё дрожат коленки.

Кажется, реакция «мстительниц» позабавила. Откинув со лба завитые тугими кольцами волосы, конопатая хищно оскалилась.

— Понаехала, и сразу чужих парней отбивать. Думает раз из большого города и папик богатый — всё можно? А у нас всё не так.

В её голосе так и сквозили нотки разочарования, презрения и желания не просто отвадить соперницу, а унизить. Конопатая нагло схватила жертву за подбородок, как будто та какая-то чудная зверюшка, и начала с любопытством разглядывать. Надо было оттолкнуть или ударить, но Василиса не могла пошевелить руками и ногами, те стали словно ватные.

— Ну, девочки, поучим?

В это мгновение в коридоре спасительно хлопнула дверь, и зацокали чьи-то каблукки. Продолжать драку с риском попасться кому-то из учителей троица не стала. Конопатая развернулась:

— Ладно, пошли, девочки, — и, уходя, бросила через плечо: — Очень тебе не советую, мымра, болтаться у нас под ногами. Рискнёшь ещё раз отбивать чужих парней...

Оставшись в гардеробе одна, Василиса сползла по стене на пол, будто в теле не осталось ни одной кости, её заколотило от пережитого страха. Чудом ведь не избили. Чтобы не разреветься прямо на месте, девушка схватила ветровку и мешок с обувью, не переодеваясь, прямо в школьных босоножках выскочила на улицу. Забравшись с ногами на скамейку в углу школьной территории, со всех четырёх сторон спрятанной высокими кустами, медленно принялась дышать, стараясь успокоиться и не зареветь. И тут до сознания дошла странность: а почему их было трое? Вчетвером бить сподручнее, вдруг жертва не испугается и начнёт сопротивляться. Да и камера в углу раздевалки висит, жаль звук не пишет... Развели как последнюю лохушку! Те шаги в коридоре принадлежали той, четвёртой. Только идиот будет устраивать драку на территории школы, да ещё под камеру. Зато где новенькая живёт и каким путём ходит, они ещё не знают. А вот так пугануть и потом проследить — запросто.

Рот наполнился противным кислым привкусом. Если сейчас кинуться домой — четвёрка запросто или по дороге прямо сегодня, или завтра-послезавтра поймают. И драку

они устроят по-настоящему. А дома мама, ей уже наверняка из школы настучали и про то, что дочка не явилась на торжественную линейку, и как она потом «вливалась в новый коллектив». Скандал гарантирован, причём не один. И непонятно, что хуже — четыре ревнивые дуры из класса, или мамины истерики. Не раздумывая, Василиса упихала мешок с запасной обувью в сумку, и плевать, что изящный фирменный «городской» рюкзачок от этого превратился в страшный мешок. Подхватила ветровку и пошла совсем в другую от дома сторону. «С городом познакомлюсь», — начала убеждать себя девушка.

Шла Василиса долго и бесцельно. То брела по улице, то заходила в какой-нибудь магазин, и неважно в какой и на что пялиться. Хоть на сотовые телефоны, хоть на порошки. Потом снова шла куда-то в сторону Волги. Всё дальше и дальше от знакомых мест, которые не получалось называть «своими» — хотя именно такими они и грозили отныне стать надолго. И с каждым шагом Василиса ощущала, как они с городом похожи. И здесь тоже всё самое лучшее, слава и хорошая жизнь осталась во вчерашнем дне. Сегодня же лишь память о прежнем счастье и медленное увядание в тиши ненужности на обочине жизни.

— О! Вася! Василиса! А ты здесь откуда? — неожиданный возглас со спины заставил вздрогнуть.

Обернувшись, девушка с удивлением обнаружила Андрея Чугунова. Того самого, который сначала острил в её адрес насчёт ориентации, а потом сказал, что она «свой парень». Сейчас удалось его рассмотреть повнимательнее. Здоров и широкоплеч, наверняка силён, нос картошкой и когда-то сломан в драке, круглое лицо простое, бесхитростное — легко обманешься, посчитав парня за глупого дурачка. На руках какие-то синие татуировки от запястья и выше уходили под рукава футболки.

— Дай угадаю. Домой нельзя, будут нервы мочалить. За сегодняшнее, — Василиса кивнула. Угадать нетрудно, но сейчас Андрей как-то не вязался с тем образом хулигана и гопника, который она нарисовала себе утром. Даже говорил правильно и чисто, без мата и разных словечек. — Есть место, до утра пустят без вопросов и откуда тебя не выцарапают. Я сейчас как раз туда, по одному делу. Пошли тогда со мной, перекантуешься. Я попрошу, со мной пустят.

Идти пришлось совсем недалеко. Возле подъезда потрёпанной жизнью длинной советской девятиэтажки на скамейке стояли и сидели несколько парней лет по восемнадцать-двадцать, не торопясь курили и вели тихую беседу между собой. На Василису посмотрели внимательно, оценивающе, так что девушка почувствовала себя немного неуютно. Но Андрея, судя по всему, тут знали хорошо, здоровались с ним как с равным за руку и посторонились, пропуская к двери, без вопросов.

Дверь квартиры открыл крепкий и плечистый парень лет двадцати пяти, с широким лицом и длинными вьющимися рыжеватого оттенка волосами. Андрей дал знак спутнице подождать возле лифта, сам что-то негромко объяснил. Хозяин квартиры кивнул и сделал шаг назад в прихожую, Андрей же призывно махнул рукой. Квартира оказалась типичной восьмидесятых годов трёшкой, в зале на побитом временем советских времён диване сидели ещё двое. Парень — ровесник Василисы и Андрея, явно родственник хозяина, похоже, младший брат. У него на коленях расположилась высокая и стройная, с длинными ногами, брюнетка. Причём юбка у девушки сбилась, обнажая колено и угрожая чуть ли не открыть трусы, но той, похоже, было без разницы.

— Познакомьтесь, это моя, — Андрей сделал ударение на этом слове, — школьная подруга Василиса. — Это Стас, Паша и на коленях у него Света.

— Здорово! Пиво пьёшь? — не вставая с дивана, поинтересовался Стас.

— Ч-честно говоря, нет.

— Может, что покрепче?

— Вообще-то, я не пью.

— Классная у тебя подруга, — заключил Стас.

— А я тебе уже не нравлюсь? — кокетничая, встряла в разговор Света. Для пущей убедительности она подобрала свою юбку до самого верха, что на бледной коже аж ненадолго мелькнула чёрная ткань трусиков, и покачала ножкой. — Ну как я тебе, а?

— Ты лучше всех, — категорично отрезал Стас.

— Может, попробуешь пивка? — стал уговаривать новую гостью Паша.

— Я, честно, даже не знаю. Может, попозже? — растерялась Василиса

Андрей её привёл, познакомил и куда-то пропал. У него, вроде бы, тут были какие-то дела? И как тогда вести себя ей, ибо в таком месте и в такой компании она была первый раз? Разумнее было бы сразу развернуться и уйти, по крайней мере мама, объясняя про подобные места и всякие «вписки», всегда учила именно так. Воспоминание о маминых наставлениях тут же подняло в душе новую волну раздражения, у Василисы аж уши зачесались. Ну уйдёт она сейчас. И куда? Домой, в очередной скандал про её поведение, слушать очередную истерику? Да никогда. И в конце концов, не глухой лес, город, соседи кругом. Как человек разумный и взрослый, она в состоянии оценить возможные риски. Силой к ней здесь никто не полезет, но если дело примет нехороший оборот, она всегда успеет свалить. Всё-таки самый идеальный вариант, если удастся вернуться домой только утром, когда мать уже уйдёт: компания на квартире не самая подходящая, но ради такого дела можно и потерпеть.

— Попозже нам, может, и самим мало будет, — подхватил Стас, — так что угощайся, пока мы тебе предлагаем. — С этими словами он протянул Василисе высокий стакан, до краёв наполненный пенящимся янтарным напитком.

Чтобы не обидеть, пришлось взять и немного отхлебнуть. С непривычки — дома всегда на стол ставили вино, а пиво Василиса пробовала первый раз — вкус показался странным.

— Пашок, ты Димону не звонил? — поинтересовался Стас.

— Он чутка попозже обещал подвалить. Он к какой-то подруге, что ли, заскочить хотел. Кстати, Димон сказал, что пузырь принесёт.

— А что за подруга такая? А то пусть к нам приводит, интересней будет.

— Стас, блин, тебе что здесь, ещё и баб не хватает? — язвительно отозвалась Света.

— Так я ж это, для компании, а ты у меня самая лучшая, зайчик, — Стас прижал сидевшую у него на коленях девушку к себе и начал целовать её в губы.

— То-то я заметила, как ты всё на чьи-то ножки пялился, — и Света увлечённо продолжила целоваться.

Василиса поняла, что краснеет и понадеялась — остальные решат это от пива. А ещё не получалось понять, нравится ли ей такой вот комплимент насчёт красоты и от такой компании, или нет.

— Вы чё, пацаны, после пива по водке хотите? — удивлённо спросила Света.

— А ты с нами не будешь? — озадачился Пашка, — кстати, ну и как тебе «Балтика»? — он переключил своё внимание на Василису.

— Да так, хорошо вроде, только водку я не буду, — с тревогой заметила она. — И пива мне хватит.

— Светка, а ты? Ещё пивка?

— Водку я тоже не буду. А вот от джин-тоника не отказалась бы. Паша, звякни этому своему Димону, может он лучше джин-тоник купит?

— Лады, если у него капуста есть, — тут раздался звонок, сквозь «картонную» дверь из коридора донеслись голоса. — О! Поздняк звонить.

Паша отправился открывать в дверь, пока её не снесли — кроме звонка гость ещё и пнул её ногой. Вскоре из прихожей раздалось:

— Здорово, Димон. Ты чё, один пришёл?

— Да ну её, эту Юльку, ломаться стала. А чё, вас много тут, что ль? — голос Димона был грубый и самоуверенный.

— Мы со Стасом, его Светка, и одна девчонка, Чугун привёл. Лёха ещё обещал подвалить.

— О, Чугун здесь, — Василисе показалось, что радости от этого пока неведомый Димон не испытывает. — Девчонка-то хорошая?

— Увидишь.

— А что, больше баб не будет?

— Машка ещё обещала. В нашем дворе живёт, ты её видел, под рыжую перекрасилась.

— А-а-а, эта.

Василиса машинально отхлебнула из своего бокала пива, а дальше всё происходящее как-то начало размазываться, рассыпаться на осколки. Вот Стас уже взасос целовался со Светой под смутно знакомый поп-хит сезона. Света сидела на нём верхом, лицом к лицу, обхватив колени парня своими ногами, её чёрная юбка сбилась на талии, полностью обнажив ноги и бельё, а руки Стаса обхватывали её спину, наполовину задрав вверх блузку. Вот уже Паша сел рядом с Василисой и попробовал её поцеловать, но она отказалась... кажется. Зато ей налили ещё бокал пива, но неудачно, облив Василисе юбку, а какая-то крашенная в рыжий цвет девушка повела её в ванну юбку застирывать.

Вернулась обратно в комнату Василиса, обмотав себя вокруг пояса полотенцем, так что получилось нечто вроде набедренной повязки. И вот она уже, непонятно в какой момент сидела на полу чужой квартиры и держала в руках бутылку тёплого пива в окружении незнакомых людей. Какая это была по счёту, она уже и не помнила. Может пятая, а может и десятая. Люди пили, курили и громко говорили, орала музыка. Несколько раз приходил сосед с криками, что сейчас вызовет полицию, если хозяин квартиры не прекратит шуметь. Всем было плевать. Света умудрилась на какое-то время исчезнуть со своим парнем, потом вернулась, очень довольная. Димон предложил девушкам потанцевать, Света и рыженькая принялись медленно кружиться в обнимку, потом Света вернулась на колени к Стасу, а её в танце заменила Василиса. Полотенце понемногу сползло то ли от движения, то ли оттого, что рядом пристроился Димон, чьи руки сначала гладили плечи, но бесцеремонно спускались всё ниже.

Последнее, то Василиса запомнила, перед тем как провалиться в чёрное беспмятство — это грозный рык Андрея Чугунова:

— Совсем охренели, мудаки? Приличную девушку с вами ненадолго оставить нельзя?! А тебе, Димон, последнее предупреждение. Я говорил, что она со мной... И дальше ты меня знаешь.

Василисе опять снилось, что она бредёт по жаркой душной пустыне. И там, словно в огромном духовом шкафу, её поджаривают и высасывают влагу до последней капли.

Наконец липкий кошмар удалось отогнать и проснуться. Но легче от этого не стало. Голова гудела и пылала, как доменная печь. Или мартеновская? Правда, Василиса в жизни не видела ни ту ни другую, но везде читала, что жарит и гудит эта штука страшно. Вот примерно так, как и башка сейчас... Не открывая глаз, Василиса попыталась поменять позу, уложить голову по-другому — а вдруг поможет — но толку из этого оказалось мало. Боль только усилилась, прибавилась тяжесть в желудке. А во рту словно положили тонну какой-то химической дряни и потом сожгли, до того там было мерзко и сухо. Мышцы сотrudничать решительно не желали, и Василиса застонала с раздражением: вдобавок кто-то включил яркий свет.

Свет уходить не желал, и глаза пришлось открыть. От неожиданности девушка зажмурилась, оставались бы силы — вообще закрыла глаза ладонью. Но сил не было даже сжать веки. Если зрение не врало, она лежала на старенькой советских времён тахте, укрытая одеялом. И находилась тахта в таком же древнем советском гараже, приспособленном под жильё. Въевшийся в стены и крышу на века запах бензина и масла перепутать было нельзя. В углу тихо гудел древний холодильник марки «Свияга», под потолком светила и потрескивала лампочка, ввинченная в патрон прямо на проводе. Вдоль стены примостились полки со всяким барахлом, под которыми приютился дико смотревшийся в подобном антураже новенький керамический электрообогреватель-батарея. А над кроватью возвышался и ухмылялся мужчина лет тридцати. Его улыбка была ненормальной и какой-то пугающей. Будто перед Василисой стоял маньяк, который обнаружил очередную жертву и этому рад.

«Может, так оно и есть? Ой, мамочка...» — захотелось натянуть одеяло на голову, но остатки здравого смысла и головная боль, долбившаяся в затылок от любого движения, настоятельно утверждали, что таким способом прятаться бесполезно. Поэтому на всякий случай — хотя и не получалось сообразить, на какой именно — Василиса мужика принялась рассматривать внимательно. Он был высокий, кажется, выше Андрея, но уже в плечах. Тёмно-пепельные волосы торчали в разные стороны, а лицо обладало довольно аристократическими чертами, тёмно-зелёные глаза устало и колюче смотрели на девушку. А ещё почему-то, несмотря на жару в гараже, на мужике была рубашка с длинным рукавом.

— Т-ты кто? — заикаясь, решила спросить Василиса. — И где я? Ой... — в затылок ударило тупой болью.

— У девочки первое в жизни похмелье, — насмешливо ответил незнакомец. — По уму в воспитательных целях надо бы дать тебе его ощутить до конца, но времени нет. Юбка под подушкой, пей лекарство и одевайся. Вернись через пять минут. Не успеешь — придётся устраивать стриптиз передо мной.

Мужик сунул в руки стакан и вышел, а Василиса осталась, наливаясь густой краской стыда: это что же, её неизвестно куда и сколько так и тащили в одних трусах?

Вернулся хозяин гаража, как и обещал, ровно через пять минут. Достал с полки складную брезентовую табуретку и сел напротив тахты, опираясь спиной о стену и заложив ногу на ногу.

— Да, если что, меня зовут Виктор. И если что, в нашем Килька-граде я знаю всех и каждого. А если не знаю, то слышал. И по-хорошему такую эгоистичную дурочку, как ты, стоило бы пустить в свободное плавание. Не вляпалась вчера — вляпаешься через неделю. Или всё-таки по пьяни лишиться девственности, причём в групповухе, в твои планы не входило? — он хмыкнул. — Дошло, что вчера тебя чуть не пустили по кругу? Сначала по

одному, потом трахали бы сразу вдвоём, а то и втроём?

— Ой, мамочки... я-я-я... — побелела Василиса.

— Ага. Вижу, что доходит, и ты не совсем пропащая. Да и Андрюха за тебя просил.

Виктор говорил тихо и совершенно спокойно, но его голос с чего-то пугал до мурашек по коже, поэтому Василиса быстро закивала, соглашаясь со словами этого незнакомого мужчины.

— Тогда заруби себе на носу. Никогда не пей незнакомые напитки в незнакомой компании. Иначе обязательно окажешься — заметь, не можешь оказаться, а обязательно окажешься — в ситуации, когда групповуха с тремя-четырьмя парнями покажется милой ерундой.

— Со мной такое один раз... — сипло попробовала возразить Василиса: головная боль ушла, но слабость осталась.

— Если не возьмёшься за ум, то не один, а первый. А ума пока, смотрю, нет. Куда тебя, дуру, поведут, туда и пойдёшь. И не спорь, — голос Виктора неожиданно из страшного стал насмешливо-усталый. Именно это и заставило всё-таки слушать, хотя нравучения «от старших» Василиса не переваривала. — Для начала подумай, как ты здесь, в смысле в нашей дыре, оказалась.

— После развода суд меня к матери пихнул. А отец...

— Что отец? Тебе сколько лет? Пять? Или шестнадцать? Да, по закону ещё решает суд. А самой сказать? Выступить, пошевелиться, упереться? Нет, куда пнули ёжика — туда и полетела. Привыкла во всём полагаться на папу? До конца жизни? В школе то же самое. Ты по пьяни нам раз пять всё рассказала. Одного не пойму: что тебе мешало при всех этого донжуана сопливого послать с первого раза? Нет, опять пошла по течению. Он клеится, а ты вроде не при чём. То же самое и с мамой. Истерить будешь, а потом послушно делать, что она велит. Причём она-то всё прекрасно понимает, и думать будет в первую очередь о себе. И во вторую тоже о себе. Поверь, я не наговариваю. Твоя мать меня не помнит — а вот я её вполне неплохо. Просто так от бывшего мужа она не отстанет, пока не решит, что сумела получить всё, что ей нужно и что смогла. А ты для этого самый удобный инструмент.

— Расписал так, что краше в гроб кладут, — буркнула девушка. — Предлагаешь повеситься?

— О, как мы заговорили? А вот в гроб даже не думай, — Виктор внезапно резким движением закатал рукав рубашки, и Василиса сглотнула: вдоль вен там шёл старый длинный шрам. — Поверь опытному человеку. Который всю дурь опробовал на себе. Проблем твоих это не решит, как и водка с наркотой. И ссоры с родителями у меня были, и наркота, и резать себя пытался. Нашёлся золотой мужик, низкий поклон ему и пусть земля станет пухом. Врач скорой, который, когда меня с венами увёз, по дороге и в больнице потом сумел... в общем, вытацил он меня раньше, чем я с синтетики на героин перешёл. Но родителей в гроб я загнать успел, и брата потерял — он мне так и не простил.

— А мне что предлагаешь... предлагаете делать?

— Я? Ничего не предлагаю. Я по просьбе Андрюхи тебя приютил на ночь. Да нет, не живу я здесь, так, когда-то обустроил под одно дело. С тех пор иногда здесь сплю. И с тобой вожусь исключительно по просьбе Андрюхи, отсюда дважды повторять не буду. Во-первых, ухаживать он за тобой не собирался и не собирается. Во-вторых, чувствует себя виноватым за вчерашнее, что привёл тебя и оставил без присмотра.

— Мы в ответе за тех, кого приручили, — съязвила Василиса, радостно ощущая, как

силы понемногу возвращаются: руки-ноги уже не ватные.

— Банально звучит, но верно. И в третьих. Андрюха предложил тебе дружбу на равных, но нужна ли она тебе, решай сама. Даю пять минут на раздумья, потом запускаю его сюда.

Виктор смолк, словно в гараже он один, не глядя на собеседницу встал и вышел. Андрей с виноватым видом зашёл через несколько минут. Отвёл глаза в сторону.

— Извини. Не сообразил, что они так быстро начнут... развлекаться, — Василиса заметила, что на языке у него вертелось иное слово, но в последний момент удалось его заменить на что-то приличное. — Меня там знают, я предупреждал, что ты со мной и рассчитывал — успею вернуться. И не подумай, у Стаса обувать и разводить никого не принято, если кому и припёрло прямо там, они всегда отдельно в другую комнату уходят. Не думал, что Димон сегодня вообще туда завалится, гнида такая. А ещё решится после моего предупреждения всё равно вот так, да ещё побыстрее, пока меня нет...

Очень хотелось разрыдаться, до того было паршиво на душе. Ведь если по-честному, она сама виновата, никто её пить не заставлял. А ещё очень смущал вопрос: как её Андрей тащил и куда при этом смотрел... Но сейчас всё это было точно не к месту, потому Василиса заставила себя пожать Андрею руку «по-мужски».

— Извини. Это я тебя подставила. И спасибо. И за вчера, и что нашёл место... переночевать.

— Прорвёмся.

— Точно. Говорят, один друг прикрыть спину — это уже много.

Андрей заулыбался, и Василиса поняла, что угадала правильно. А ещё, кажется, сообразила, чем парень её привлекает. Он на удивление в любой компании умел подбирать нужные слова и быть своим. Что среди тех куривший парней вчера у подъезда, что во время попойки на «вписке», что сегодня с ней — стоило быть честной, девочкой из семьи обеспеченной и с рождения не имевшей проблем. А уж от встречи с «улицей» и обычной жизнью её стерегли почище золотого запаса страны.

— Виктор сказал, чтобы я тебя довёл до подъезда.

— Пока я ещё чего не учудила, — Василиса, сама от себя не ожидая, прыснула от смеха. — Тогда пошли, — она посмотрела на часы. — Школу мы оба промотали сегодня... ну и плевать. Скандал мне всё равно гарантирован. Получу за вчера и сегодня сразу. Не обидишься, если не до квартиры, а до двора? Мама точно дома, а окна во двор. Если нас увидят вдвоём...

— Замётано, — расхохотался Андрей. — Меня точно опять пихнут к Анне Геннадьевне. Это наш психолог школьный. Ты не пугайся, она мировая тётка и с пониманием. Пугать и мозги канифолить зазря не будет, — он вздохнул. — Потому и расстраивать её не хочется. Я обещал, что в школе беспокоить её больше не буду.

Оставшись одна, Василиса задрожала, пальцы набрали код домофона с третьего раза. Она медленно вошла в подъезд и также медленно, спотыкаясь на каждой ступеньке, поднялась на третий этаж, достала ключи из кармана и открыла дверь. В квартире было тихо, но радость — матери нет или она спит — не успела разгореться, как сразу погасла. Мама уже стояла на пороге прихожей и зала. Едва дочь вошла и закрыла уличную дверь, мама немедленно сорвалась в крик:

— Ах ты, паршивка! Ты где всю ночь шлялась?! Да ещё после того, как нас опозорила на всю школу и в первый же день. А сегодня вообще не пришла на уроки. И не ври, я уже звонила и спрашивала.

— Да, мам. У меня были обстоятельства. Прекрати, пожалуйста. — Василиса старательно и неторопливо повесила ветровку на плечики, плечики на вешалку, мешок с обувью лёг на полочку.

— Прекратить? Прекратить?! Что прекратить? Ты что мне вчера написала? Ты зачем телефон отключила?

— Я тебе писала, что у меня так сложились обстоятельства, и я задержусь.

— Я всю ночь не спала! Что-то сердце прихватило, — охнула мама.

В зале рядом с дверью на тумбочке лежали какие-то таблетки, уже вынутые из блистера, и стакан воды. Мама демонстративно проглотила одну, залпом выпила воду и посмотрела на дочь. Но то ли слова Виктора ещё продолжали действовать, то ли что-то изменилось в ней самой — на Василису спектакль не подействовал. То есть позавчера она бы испугалась, а сейчас подумала, что сердцем мать никогда не страдала, да и таблетки приготовлены картинно и заранее.

— Ты понимаешь, что своим поведением ты сейчас перечёркиваешь все десять лет прошлой учёбы, золотую медаль. Я столько вложила в тебя сил, чтобы ты выросла образованной, сумела поступить на хорошую специальность... — остальной монолог Василиса пропустила мимо ушей. Хорошо хоть успела ухватить последнюю фразу: — Не ври собственной матери! Немедленно рассказывай!

— А что рассказывать?

— Правду!

— Правду? Хорошо, как скажешь, — в душе вскипело бешенство. — Меня вчера прямо после школы попытались избить одноклассницы, за то, что я приезжая. Потом мы с моим другом пошли в одну компанию, там я лишнего хлебнула пива, проспала всю ночь и сейчас у меня похмелье. Так что будь добра, давай все истерики потом, когда голова не так станет болеть. Расскажешь и про душу, которая у тебя болит, не зря ты витамины пьёшь, — по нервно дёрнувшейся щеке Василиса поняла, что с таблетками попала в цель. — И про золотую медаль занюханной школы, куда ты меня упишала — всё потом. Лучше бы я с отцом осталась, чем с тобой. Он бы, по крайней мере, моё состояние понял.

После чего быстро спряталась в своей комнате. Уже захлопнув дверь на защёлку, Василиса подумала, что про отца она ляпнула всё-таки зря. Теперь мама взбесится ещё сильнее. Радовало одно: хотя дверь в комнату дочери была хлипкая, из «картона» — Василиса подозревала, что её специально выбрали именно такую, пусть легко прослушивается насквозь — ломать её мать не станет. Пожалеет денег на ремонт.

Дверь пропускала звуки в обе стороны, и подозрительная тишина за ней настораживала. Василиса сидела сколько могла, но дальше захотелось в туалет и есть... На кухне мама её и поймала. С улыбкой застегнула браслет на руке дочери и торжествующе оповестила:

— Я крайне недовольна твоим поведением. Отныне ты ходишь исключительно на уроки — и всё. Это браслет специально для детей. Он будет сообщать, где ты. И если ты ещё хоть раз попробуешь улизнуть к своим алкашам, буду водить тебя за руку и забирать сама, — Василиса сглотнула: позора в виде «в школу с мамой под ручку» ей точно не пережить. — Также ты лишаешься всех карманных денег. Включая те, которые тебе перечисляет отец.

Мама картинно достала из ящика стола ножницы и банковскую карту, разрешила карточку пополам. Одновременно внимательно смотрела на дочь, как та отреагирует. Василиса надеялась — она ничем себя не выдала, хотя внутри кипела настолько, что готова была мать даже ударить. И эта мысль с чего-то больше не ужасала ни капли. Та смела рытаться

в её вещах! Ведь карточка лежала отдельно и спрятанная. А счёт оформлен хоть и на имя дочери, но до восемнадцати лет он под управлением отца. И теперь пока до папы дозвонишься, пока он найдёт время заглянуть в банк и заказать новую карту, а та приедет в Рыбинск... И не факт, что получится карточку забрать, если мать ещё и паспорт спрятала. Надо бы попросить Андрея ещё раз сходить к этому загадочному Виктору — он как заранее знал, что случится, когда она вернётся домой. Поинтересоваться насчёт матери, ибо сколько она, оказывается, про неё не знает. Всё потом. Пока же Василиса холодно уточнила:

— Кормить меня будешь? Или вдобавок назначишь наказание голодом? К слову, мне тогда куда-то надо идти жаловаться? Или перейти на одноразовое питание в школьной столовой? Ты у нас теперь мать-одиночка, бесплатный обед мне положен.

Мать заиграла желваками, но путь к холодильнику освободила. А потом вообще вышла из кухни.

Наутро Андрей встретил Василису почти на том же месте на краю двора, где они расстались вчера. Пожал руку и объяснил:

— Глебу я вчера популярно всё объяснил, — парень сжал ладонь в кулак и разжал. — Нет, пока без мордобоя, но с обещанием, если он своих прилипал не прижмёт — поправлю ему ориентацию. Он божился, что сегодня же им всё и сам объяснит. Но пока я сам не увижу, как этим четырём альтернативно влюблённым мозги прополощут, мне спокойней будет, если ты от дома до школы дойдёшь...

— В составе охраняемого конвоя, — расхохоталась Василиса. — Всё равно меня посадили под домашний арест. А это браслет-трекер, — она показала руку и вздохнула. — Без суда и следствия, следит за каждым чихом. Шаг вправо-влево считается побегом, прыжок на месте попытка улететь. Тогда как в школу придём, чур, не удивляться и не спорить. Кое-что хочешь сделать, пусть подавятся. Лады?

— Тебе это слово не идёт. Больно ты правильная. Надо говорить «хорошо».

— От тебя дурных манер буду набираться.

— Лады, — рассмеялся Андрей.

Класс встретил друзей молчанием и оторопелыми взглядами: сразу после гардероба Василиса взяла парня под руку, так они вместе и дошли. Василиса села на заднюю парту по соседству с Андреем и подмигнула воздыхательницам Глеба. Андрей сумел удержать на лице спокойно-улыбчивое выражение, хотя и он был удивлён — пусть это заметила одна сидевшая рядом Василиса. Репутация в школе у Андрея не очень приличная? Зато он уже доказал, что друг настоящий. А уж выражение лица Ларисы Демидовны, когда она вошла провести классный час и увидела, где и с кем теперь сидит новенькая, стало достойной наградой за то поганое «знакомство с товарищами», которое учительница первого сентября устроила Василисе.

— Твоей матери, как пить дать, нажалуется, — шепнул Андрей. — У неё не зря прозвище «крыска Лариска».

— А плевать. Всё, что можно, мать у меня уже отобрала вчера. Теперь мне нечего терять, кроме своих цепей.

Просить Андрея проводить её после уроков обратно до дома Василиса не стала: у парня и свои дела есть. Хотя пока шла, всё время успокаивала себя, что она готова защищаться, сердце же бешено подпрыгивало от каждой тени и резкого звука. А вдруг Глеб не успел девчонок предупредить или те не послушаются? Дома выяснилось, что утренняя шутка

насчёт «лишили всего» оказалось правдой. Симка на телефоне была оформлена на маму, и лимит интернета она, конечно же, не пополнила. На свой компьютер мама поставила пароль, с ноутбуком дочери поступила просто — уходя, оставила включённым, а зарядку забрала с собой. Помаявшись с час и сделав уроки не только на завтра, но и всё, что вообще задано, Василиса достала мольберт, краски и лист акварельной бумаги. Библиотека почти целиком осталась у отца, и рисование оставалось единственным занятием. К тому же создавать картины ей всегда нравилось и, по словам учителей в художественной школе, получалось у Василисы отлично. Сделать несколько набросков. Подарить сначала Андрею, ему будет приятно. А потом намекнуть, что хорошо бы «отблагодарить» и Виктора. Преподнести ему парочку рисунков — вот и будет повод навеститься, поговорить насчёт прошлого.

Девушка поставила мольберт возле окна и решила для начала изобразить дворовый пейзаж. Точнее, тот кусок их «коробки», который просматривался из окна. Руки, управляемые краешком сознания, работали как бы сами по себе. Разводили краски, смачивали кисточки и укладывали мазки. Голову до отказа забили мысли, что же ей делать и как выстраивать отношения с мамой? Минимум год, пока Василиса не окончит школу, не поступит в университет и не уедет отсюда в Ярославль или в Москву, им придётся сосуществовать вместе. Лишь когда всё было закончено, пришлось грустные размышления отложить в сторону. Чтобы ещё влажный лист переложить на стол и не смазать рисунок, необходимо делать это аккуратно и внимательно.

— Ни хрена себе!

На листе был изображён вовсе не двор. Василиса внимательно посмотрела за окно — вдруг она чего-то пропустила? Но нет, там на жухлом пожелтевшем газоне играли в футбол мальчишки, в стороне резвилась стайка девочек лет десяти, а в песочнице, пользуясь последним скромным теплом осени, под присмотром мам возились малыши. На рисунке под небом, выцветшим от зноя, извивами охристых и жёлтых линий застыли раскалённые пески. В зените горело злое жгучее солнце, вдалеке у горизонта темнели скалы и загадкой чернели наполовину занесённые песком непонятные развалины. Василиса аж передёрнула плечами, до того удалась картина, стараясь ворваться в прохладу квартиры огнедышащим валом.

Гадая, как у неё это получилось, девушка аккуратно принялась снимать бумагу с мольберта. Стоило рисунку оказаться в руках, и комната пропала! Теперь Василиса стояла посреди огромной диспетчерской. Ничем иным зал с рядом кресел перед пультами и большими видеэкранами быть не мог. Сейчас зал пустовал, ни одно кресло не занято. Девушка пошевелила ногой и с удивлением обнаружила, что она «ощущает» себя в двух местах сразу. Жёсткий ботинок, под подошвой мягко легонько проминалась губчатая резина покрытия пола — и одновременно голые ступни ощущали ворс паласа у себя в комнате. Пол чуть-чуть проминался под ботинком, девушка могла потрогать и ощутить холодный пластик любого предмета. Стоило сделать с десяток шагов, как стало ясно, что если в диспетчерской Василиса перемещалась с места на место, то дома она замерла в неподвижности. В комнате она уже давно запнулась бы о стол, кровать или мольберт — в зале получалось ходить свободно. К тому же если ноги по-прежнему ощущали и домашний ковёр под голой подошвой, и стельку ботинка, руки и остальное тело чувствовало исключительно предметы в диспетчерской.

Глаза, наконец, привыкли к здешнему густо-медовому освещению, так что получилось разобрать детали. Зал был не из современности, а из далёкого будущего. В этом обожавшая

фантастику Василиса ошибиться не могла, не существует на Земле таких вот огромных бесшовных объёмных видеоэкранов и сенс-панелей. Как не существует и голографических проекторов: они рисовали для оператора кусок пустыни, что-то вроде застывшего кратера вулкана и картинку из космоса. Да и в остальном вокруг сплошной металл и пластик, ни грамма бетона, краски или дерева. А ещё зал ощущался не очень человеческим. Создателям, похоже, нравились исключительно жёлтый и синий, никаких других цветов в дизайне они явно не признавали. Не нравились здешним творцам ещё прямые углы и полукруги. Если угол — то вместо двух сходящихся плоскостей будет как «фаска» третья плоскость, если нужен полукруг, его сделают из нескольких десятков отрезков. Плюс стоило занять ближайшее кресло, как ощутилось, что хотя сидеть и можно, но не очень удобно. Создано под более высокую и худую фигуру, причём с гораздо более длинными руками.

— Прошу разрешения на синхронизацию, — противно зазвенел в голове сухой металлический голос. — Прошу разрешения на синхронизацию. Прошу разрешения на синхронизацию, — Василиса встала из кресла — голос пропал. Села — внутри черепа опять загудело: — Прошу разрешения на синхронизацию. Прошу разрешения на синхронизацию.

— Чёрт с тобой, синхронизируйся.

От макушки до пяток прошла щекочущая волна, почему-то в нос ударил запах горячего шоколада.

— Степень сведения информационных баз пятьдесят процентов. Степень связи девяносто эргов. Степень синхронизации три четвёртых доли. Отклонения параметров в пределах синего допуска. Начать смену?

— Да.

Василиса ничего не понимала, но решила поступать так, как читала в книжках. То есть соглашаться и подыгрывать. Наверное, не просто так она сюда попала?

— Смена начата. Число активных операторов на текущий момент — один. Ваш допуск — синий. Число операторов жёлтого допуска на текущий момент — ноль. Внимание, красная тревога! На время тревоги ваш допуск повышен до жёлтого. Найдены союзники. Количество союзников одна тактическая единица. Внимание, атака. Внимание, атака. Обнаружены зверлинги. Тип — завройд. Сто двадцать единиц. Дать развёрнутую информацию? Дать локальную информацию?

— Да!

— Принято. Даю локальную информацию.

— Ч-чёрт, железяка тупая, — успела ругнуться Василиса.

И оказалась, что она уже смотрит на ту самую пустыню со своей картины. Как бы стоит на балконе на уровне третьего этажа. Внизу за грудой то ли развалин то ли камней залёг человек в самом настоящем бронескафандре: если хоть раз смотрел космические боевики и аниме или видел иллюстрации к фантастике, ошибиться невозможно. Сейчас броня почти сливалась с жёлто-бурым песком. Если бы не слабый голубой ореол вокруг фигуры, Василиса её вообще бы не заметила. А ещё человек отстреливался, огрызаясь короткими очередями в сторону подбиравшихся тварей. Они то ползли, то перебежали на четырёх или двух лапах. Покрытые мелкими чешуйками завроиды, как их обозвал здешний компьютер, напоминали одновременно змею с бронированной головой и доисторического ящера, сразу за короткой шеей находился широкий костяной воротник как у трицератопса. Твари всё ближе подбирались к человеку. И, похоже, не имели инстинкта самосохранения, ибо на песке валялось не меньше трёх десятков дохлых туш, но гадины упорно лезли.

— Развёрнутую давай!

Василиса снова сидела в кресле, на экране, словно глядишь сквозь окно на объёмный макет, появилась жёлтая пирамида, несколько серых непонятных полуразрушенных зданий — и одинокая синяя точка, которую вот-вот захлестнёт море красных. На самом краю макета внимание Василисы привлекли два жёлтых кружка.

— Статус! — сообразила приказать девушка и ткнула пальцем в кружки.

— Орудийные платформы второго класса, восстановлены на шестьдесят пять единиц. Силовые поля десять единиц. Активировать поддержку? — в металлическом голосе слышались сомнения.

— Да!

— Предупреждаю оператора. Ваш постоянный статус — синий. В случае превышения степени полномочий и признания Советом архонтов планеты неправомер...

— Огонь! И локальную информацию мне.

— Принято.

Василиса снова «стояла на балкончике». В двух точках на расстоянии полутора километров взметнулись фонтаны песка. Поднялись две сверкающие шестерни, над каждой загорелся ослепительно яркий шарик и полетел в ближайшее скопление завроидов. Раздались два взрыва, поползла туча пыли. Солдат внизу мгновенно этим воспользовался. Длинной очередью он расстрелял трёх зверюг, закопавшихся в песок и мешавших отступить, а сам метнулся к зданию и занял позицию уже в проходе. Но и завроиды не растерялись. Они мгновенно разделились на три группы. Два отряда атаковали пушки, которые теперь защищал прозрачный голубоватый купол. На расстоянии пары метров завроиды выстреливали из своего бронированного тела колючки, которые осыпали землю вокруг подобно смертоносному дождю, дальше подбегали и царапали преграду двумя выступавшими из тела возле хребта дополнительными конечностями, которые заканчивались похожими на косы опасными лезвиями. От этого купол на глазах бледнел. Третий же отряд по-прежнему старался добраться до человека.

— Внимание. Завроиды атакуют Врата. Внимание. Завроиды атакуют Врата. Силовые поля орудийных платформ — осталось две единицы. Начинаем заукливание Врат. Жёлтому персоналу эвакуация, процесс несовместим с биологическими компонентами. Синему персоналу оставаться на местах.

— Он же погибнет!

— Неверная команда. Приоритет синего персонала гарантировать сохранение работоспособности Врат.

— Тупая железка! Человек там погибнет!

— Нет инструкций, — засомневался голос. — Включить союзника в число жёлтого допуска?

— Да.

— Предупреждаю оператора. Ваш постоянный статус — синий. В случае превышения степени полномочий и признания Советом архонтов планеты неправомер...

— Вытаскивай нас обоих, робот идиотский! Как там правильно? Эвакуация союзника.

— Принято.

На сколько-то мгновений девушку окутала темнота, не хватало воздуха, словно в нос и рот напихали мокрой ваты. И вот уже всё пропало. Василиса стояла в своей комнате. А на полу у её ног без движения вытянулась фигура в сине-сизом бронескафандре.

Почти сразу фигура начала таять, растворяться в воздухе. И если бы не остававшийся висеть в воздухе запах пустыни, непонятной химии и густого звериного мускуса, Василиса решила бы, что ей всё привиделось. Девушка опустилась на колени коснулась рукой — вот он гость, лежит как лежал. Просто включился какой-то камуфляж. Ведь и «там» во время боя на песке его не было видно, пока робот с металлическим голосом не подрисовывал контур.

Гость резким движением ухватил руку хозяйки возле запястья. Броня тут же потеряла прозрачность, вернула прежний сине-сизый цвет с металлическим отблеском. Василиса зашипела — больно, синяк останется. Но пришелец уже сообразил сам. Ослабил хватку, потом вообще руку отпустил. Опираясь на стол и мольберт, он встал. Следом напротив него поднялась и, не отрывая любопытного взгляда, замерла Василиса. Одновременно пыталась смотреть чужаку в глаза — или где они должны располагаться под шлемом, и обежать взглядом фигуру в броне от широких плеч до кончиков ног и выглядывавшего из-за спины то ли автомата, то ли короткой винтовки. Пауза затянулась, тем временем взгляд художника вычленил, что еле заметные линии на броне примерно делят её на шлем, наплечники, грудной отдел. Рукава, брюки и сапоги. Но одновременно ни одного просвета, будто перед ней фигурка пластмассового солдатика, на котором при отливке условно разделили детали.

Чужак медленно обернулся вокруг. Осматривал комнату? Снова встал забралом к Василисе. Сорвал шлем, лицо под ним было красным, молодой парень-ровесник Василисы судорожно заглывал воздух. Резким движением притянул девушку к себе, больно хватанув за спину. И поцеловал. У Василисы бешено застучало сердце, по голове словно молотком ударили, в глазах потемнело до черноты. Потому-то она и не увидела, что инопланетянин упал на пол, лишь услышала глухой звук. Когда зрение вернулось, чужак лежал на полу без сознания.

Несколько секунд Василиса не могла прийти в себя, её бил озноб, бросало то в жар, то в холод. Если это то самое из книжек «соприкосновение истиной пары из иного мира» — в гробу она видела и эту самую «пару», и всё остальное. Или это она на поцелуй так позорно отреагировала? Она, конечно, целовалась и раньше... но с чего взгляд так упорно тянет к поясу парня, примерно где под бронескафандром спряталось?.. Василиса покраснела, продолжая логическую цепочку, очень уж не вовремя всплыли в голове некоторые обязательные пикантные моменты из фантастических романов про попаданок. Дальше удалось взять эмоции под контроль, и девушка себя обругала полной дурой, начитавшейся идиотских книжек. Информацию этот чужак ей передал. Видимо, ему нужен был контакт кожа-кожа, и не лбами же стучаться с разбега? А к поясу её тянет, потому что там, если она правильно поняла, аварийный ключ. Он поможет снять броню снаружи и оказать гостю помощь.

Василиса встала на колени. Торопливо провела ладонью в указанном месте: там от брони и в самом деле отделилось что-то вроде толстой шариковой ручки. Экспериментировать Василиса решила с наиболее безопасной части тела. Провела кончиком «ручки» по шву сапога. В одном месте появился небольшой проём. Стоило ухватиться за него пальцами, как остальной шов разошёлся словно липучка. Сапог получилось снять. Под ним оказалась самая обычная нога в носке и серебристом трико. Дальше дело пошло. Второй сапог, «брюки». Когда пришёл черёд нагрудника, Василиса заодно, наконец, внимательно рассмотрела своего гостя. «Ручка» выскользнула из ослабевших пальцев на пол. Перед ней было лицо её одноклассника Глеба!

Секунду спустя тренированный глаз художника отметил, что она всё-таки ошиблась. И дело не только в глубоком загаре, худом лице и небольшом шраме на щеке — в книжках любили писать про всякие «петли времени», да и волосы могли выгореть на солнце, сменив оттенок на тон светлее. Но пришелец выше её одноклассника примерно сантиметров на десять. Василиса на всякий случай немедленно в этом убедилась: прилегла рядом, вытянулась и сопоставила свой рост и рост гостя. Но парень никак не хотел приходить в сознание, не помогли ни лёгкое похлопывание по щекам, ни срочно найденный в аптечке нашатырный спирт. Василиса сняла с гостя остатки брони. Потом, кряхтя, взвалила его на свою кровать: чужак оказался на удивление тяжёлым. Дальше Василиса села напротив кровати на пол, обхватив колени руками, и лихорадочно начала обдумывать ситуацию.

Маме она пришельца отдавать не собиралась. Но тогда у неё три часа до её возвращения, чтоб всё устроить. И тут рецепты из книжек отказывали напрочь, ибо там героиня всегда была взрослая, самостоятельная и обязательно одиноко живущая. Была бы она дома в Ярославле... Хотя себе-то можно не врать. Нет и никогда не было у неё там настоящих друзей, сплошь одобренные родителями положительные подружки. Таких, как Андрей, без раздумья готовых полезть за тобой куда угодно, просто потому что тебе нужна помощь — раньше не было. С другой стороны, и Андрея-то она знает три дня. Мало, чтобы проверить по-настоящему. Но лучше нет. Да и интуиция шептала — лучше и не надо, Андрей уже всё доказал. Решено!

Номер Андрея в телефоне, естественно, записан не был, но на память Василиса не жаловалась и сейчас набрала нужные цифры с первого раза.

— Привет. Можешь говорить? Слушай, можешь прямо сейчас ко мне подъехать? У меня проблемы, — и даже не пришлось изображать испуг, голос и сам по себе задрожал. — Нет, не мама, хуже. И номер квартиры знаешь? Да. Её сейчас нет, так что давай сразу наверх.

Андрей находился где-то неподалёку, звонок в дверь раздался всего минут через двадцать. Парень вошёл, аккуратно и плотно закрыл дверь, защёлкнул замок и только потом спросил:

— Что случилось?

— Вот, — Василиса ткнула пальцем на разложенные на полу зала бронескафандр и винтовку. — И это не бутафория. Хозяин в отключке лежит у меня в комнате.

Андрей подошёл к деталям, взял и покрутил в руках винтовку.

— Ни х... То есть ни хрена себе. Рассказывай.

— На кухню пошли, чаю хоть налью. С конфетами или с вареньем?

— С конфетами. Если есть, лучше шоколадные, — ничуть не постеснялся Андрей.

— Тогда сейчас. Можешь пока на этого, на гостя посмотреть.

— Нет уж. Давай сначала объясни.

Ради друга Василиса не постеснялась залезть на мамину полку, достав оттуда запрятанные шоколадки. И улыбнулась своей правильной догадке, глядя на то, как загорелись глаза Андрея — шоколад он явно обожал. Дальше разлила чай и начала пересказывать события, иллюстрируя карандашными набросками в альбоме, которые успела сделать, пока ждала. Шоколада как раз хватило на весь разговор.

— Ты шикарно рисуешь.

— Спасибо, — Василиса вздохнула и не удержалась похвалиться. — Красный диплом художки и второе место на конкурсе по городу. А с этим что делать? У меня его оставлять нельзя.

— Это точно. Вот тебе соображения. Первое. Я правильно не пошёл к нему без тебя. Есть у меня друган, хорошо успел на Кавказе повоевать. Не, он нормальный, дурь, если что, терпеть не может. Но вот неожиданно будить его, особенно если он слегка в неадеквате, например, с вечера посидели хорошо... В общем, от неожиданности может не сообразить и руку сломать. Это я к тому, что по твоему рассказу, этот парень тоже из таких. Тебе он с чего-то доверяет, а вот кому другому, как очнётся, сначала запросто в морду даст. Так что хорошо бы, когда его перетащим, ты с нами была.

— Ты про браслет? Да начхать мне на него. И пусть попробует «в школу за руку», я ей при всех такое устрою! Тут такое творится! Думаешь, я просто так уйду?

Андрей аж вздрогнул, до того бурно и с энтузиазмом говорила и жестикулировала подруга.

— Тогда соображение второе. Надо звать на помощь Виктора. Других достаточно надёжных людей я не знаю, а жить «этому» где-то надо пока. У меня тоже не вариант. Да и везти надо на машине, так что без Виктора тоже не обойтись.

— Согласна, — Василиса не стала раздумывать. И Андрей вроде за Виктора поручился, и заодно теперь не надо искать повод поговорить насчёт прошлого.

— Тогда третье. Деньги. Одеть, накормить.

— А-а-а, ну это вообще ерунда. Да не смотри ты как на дурочку, которая думает, что булки на деревьях растут, а деньги из кармана папа достаёт. Отец, когда родители разошлись, большую часть денег переводит не матери, а мне лично и на мой счёт. А ещё папа у меня умнее, чем я думала. Или догадывался, чем неизбежно кончится. Карточку мать вчера порезала, но там оформили ещё и доступ по биометрии. Я точно знаю, что три «Сбера» в центре по морде лица работают, специально узнала, ещё когда приехали.

— Тогда я звоню Виктору, и пошли смотреть на настоящего пришельца.

Виктор ехал больше часа. За это время Андрей невозмутимо выпил целый чайник и догрыз вторую порцию шоколада, ради которой пришлось окончательно разорить мамины запасы. А Василиса извелась до такого состояния, что поймала себя на том, что пыталась обкусывать ногти — чего не позволяла себе делать класса с шестого. Виктор сумел Василису удивить: по оставшемуся у неё с прошлого раза впечатлению она не ждала, что тот придет в костюме и при галстуке. Как и Андрей, он сначала тщательно прикрыл дверь, осмотрелся — Василиса отметила, что квартира ему точно знакома, сейчас гость именно сравнивал, что изменилось за годы. Дальше последовал вопрос:

— Что случилось? Да ещё, — он грустно улыбнулся, — в такой компании?

— У меня в комнате пришелец лежит.

— Не смешно.

— Нам самим не смешно, — скривился Андрей. — Но именно пришелец и именно лежит поленом на кровати. Это не шутка. Сам смотри, — и сунул в руки Виктору шлем.

Тот прошёлся пальцем по краю шва, повертел шлем и посмотрел край на свет, удивлённо прошептал: «Микроконтакты!»

— А теперь дайте разуться, подробный рассказ и показываете.

Василиса повторила историю с демонстрацией рисунков, дальше пересказала план, который они уже успели продумать вдвоём. Виктор слушал, не задавая вопросов. Когда осматривал чужака, не ограничился взглядами, а заодно пощупал руку, потом зачем-то коснулся губами лба.

— Вы упустили ещё один момент. У парня лихорадка. И если его срочно не лечить, он

просто загнётся. Для начала, везём его ко мне. В гараж, в гараж. А ты, Андрей, молчать, гусар.

Василиса заинтересованно и непонимающе посмотрела на мужчин и так забавно хлопала ресницами, что Виктор сначала рассмеялся, потом сжалился и соизволил объяснить.

— Я живу один и к себе домой баб не таскаю принципиально и никогда. Для этого тот сарай и обустроен. Но так получилось, что год назад Андрею пару месяцев пришлось жить у меня, холодновато в гараже зимой в минус тридцать. Ну и поползли слухи, что я голубой, а у меня живёт сама понимаешь кто. Вон, смотри, до сих пор наш герой багровеет, едва вспомнит. Хотя кулаки он за эти слухи тогда почесал знатно. Зато теперь некоторые соседи меня обходят за километр. А это что?

Пока Виктор рассказывал, Василиса успела пошарить в секретере в зале и достать стопку листочков рецептов. Теперь быстро их перебрала, отложила штук пять, остальные сунула обратно.

— Это рецепты. Нам же нужны антибиотики? А просто так их в аптеке не продают.

— И как ты их собираешься покупать по прошлогодним рецептам, — всмотрелся Виктор, — да ещё по рецептам на капли от кашля?

— Проблема-то, — фыркнула девушка. — У меня интернет кончился, продиктуйте кто-нибудь название.

Дальше на глазах ошеломлённых товарищей Василиса под диктовку вписала в один из рецептов нужные лекарства и поправила дату. Теперь он получался выписанным всего неделю назад.

— Тихо шифером шурша, крыша что-то не спеша, — помотал головой Виктор. — Не видел бы сам — не поверил. Андрюха, мотай на ус. Вот до чего женщину доводит энтузиазм, если ей очень надо. А ещё вчера была такой тихой затюканной пай-девочкой.

— Да ну, что вы на пустом месте ерунду городите. Элементарно же. Красный диплом лучшей художки города. Профессиональному художнику почерк подделать раз плюнуть. Не на экспертизу же потащим? Если уж я папе помогала отчёты переписывать, он терпеть не мог от руки их писать, а с него регулярно требовали. Тут вообще плёвое дело.

— Тогда хватит болтать, тащим. Да, Виктор, у тебя в машине кусачки есть? И не смотрите так. Василиса, ты про свой браслет забыла? Хочешь, чтобы нас сразу выследили и спалили? Тогда будем ломать, и сунешь потом куда-нибудь поглубже.

В гараже чужака переложили на кровать, после чего Василиса раскомандовалась:

— А теперь ему надо срочно дать лекарства.

— Слушаюсь, товарищ генерал. И как? — с насмешкой поинтересовался Виктор. — Пациент без сознания, таблетки глотать не может. И это хорошо, а то ещё доказывать бы пришлось, что не отравы. На тебе бы продемонстрировали сначала как вариант.

— Ну... Ну... — Василиса разом растеряла половину энтузиазма. — У нас же шприц есть. Мы же не зря в растворе купили... — и осеклась: Виктор сунул ей упаковку со шприцами и флакон с антибиотиком.

— Делай.

— Я... Я... — девушка растеряно оглянулась и посмотрела на Андрея, ища у него поддержки. Но тот скрестил руки на груди и молча осклабился в усмешке, наслаждаясь ситуацией. — Я не умею... — жалобно выдавила из себя Василиса.

— А раз не умеешь и не знаешь, тогда не лезь с ценными советами. Я умею делать

уколы, — Виктор вздохнул. — Хотя какая-то польза от дурной молодости. Так. Андрей, поможешь. А ты, дорогая, подождёшь на улице. Чтобы не мешала советами и маленькая ещё смотреть.

Что ответить Василиса не нашлась, и пулей вылетела наружу, пока над ней не начали смеяться вслух. Гаражи стояли двумя не очень длинными рядами позеленевшего от времени белого силикатного кирпича. И все вместе они прятались от жилых домов за сосновой рощей, в которую от гаражей ныряла старая плотно набитая грунтовка. Гараж Виктора был крайним в ряду, землю вокруг усыпали старые иголки, сквозь них пробивалась свежая трава и незнакомые цветы — машинами в здешних местах давно и не пахло. Зато пахло терпкими ароматами и хвоей, а солнечный свет, растекавшийся по золотистым стволам, казался жидким мёдом. Город здесь не слышался и не чувствовался совсем, гулко жужжали запоздалые осенние насекомые. Звонким серебром гудел в небе над головой ветер. И от этой умиротворяющей картины Василиса не находила себе места ещё сильнее.

— Заходи, — голос Виктора за спиной заставил вздрогнуть. — Лихорадку мы ему сбили пока, но по хорошему его бы настоящему врачу показать.

— Не дам! Знаю я вас. Сначала врачу, потом отдать на благо страны, высокие технологии, а его запрут где-то. Нет уж, он ко мне вывалился.

— Начиталась, — расхохотался Виктор. — Книжек и интернетов. Конфликт ценностей поколений. Вроде умно, а на деле глупость, извини. Как недоучившийся инженер я тебе скажу, что отдавать эту его броню и оружие просто нет смысла. Это как Ломоносову вручить современный ударный беспилотник. Он мужик был гениальный во всех смыслах, но не сообразил бы ни хрена. В его время про электричество ничего толком не знали, про радио и не догадывались — до их понимания одной математике расти ещё лет двести. Про электронику вообще молчу. Так и эта броня: столетия прогресса по готовому изделию не обманешь. Но в чём-то ты права. Если про твоего гостя узнают, жизнь парню испортят. Ладно. Я пока смотаюсь за вещами для него на первое время, а вы посидите. Насчёт врача пока сала в голове нет, но придумаем.

— Книжки ещё с картинками надо, — в последний момент вспомнила Василиса. — Какие-нибудь игрушки там говорящие для детей, которые говорить учатся. Или на мониторе показывают и слово произносят. Вам денег хватит?

— Понял. И хватит, ты тогда сняла — слона обеспечить можно. Как говорится, «шоб я так жил». Если что — звоните.

Когда Василиса зашла в гараж, чужак по-прежнему лежал на кровати, но уже не в забытии, как минут пятнадцать назад: обморок перешёл в сон. Андрей приютился на знакомой складной табуретке. Заметив подругу, снял со стеллажа ещё одну такую же табуретку, выдвинул из угла небольшой столик и поставил две чашки. На холодильнике, оказывается, стоял и уже вскипел чайник, только заливай пакетики.

— Чёрный? Зелёный?

— Зелёный терпеть не могу. Больно полезен для здоровья.

— А я наоборот. И чем заниматься будем, пока Виктор мотается?

— Буду на тебя положительно влиять. Ты, смотрю, удачно сумку со школы таскаешь, — Андрей поморщился. — Да ладно, я уже в курсе твоих предпочтений. Девчонки у нас не представляешь, какие сплетницы. Как вчера нас увидели вдвоём, всё-всё про тебя рассказали. Математику и физику к тебе полкласса списать напрашиваются, а остальную лабудень ты не перевариваешь. Так что давай тетради и показывай образцы. Я уже дома всё

сделала, осталось тебе переписать.

Следующие полчаса Андрей с восторгом наблюдал, как тетради, включая обещанные ещё с прошлого учебного года долги в виде сочинений по литературе, заполняются его почерком — даже с точно такими же кляксами и помарками. Разве что иногда приходилось поправлять смысл, сам он в жизни бы не написал именно так, и это могло их выдать. Василиса замечания принимала и вообще вся отдалась работе, очень уж ей хотелось уязвить Ларису Демидовну и дальше: могла бы отнестись с пониманием и с первого дня матери не жаловаться. Оба настолько увлеклись, что не заметили, как гость очнулся. Лишь когда ему надоело смотреть, и он присел, нарочно шумя, друзья обернулись.

— Ой! Я — Василиса, — она ткнула пальцем себя в грудь. — Это Андрей. А ты?

— Глеб, — прозвучало с акцентом, но разборчиво. А вот следующие слова оказались непонятны, но по интонации можно было сообразить, что спрашивают «где я».

— У друзей. Всё хорошо. Ты ко мне попал и...

Гость резким движением поднялся, крепко девушку поцеловал, аж губы обожгло. И тут же без сил опустился на кровать, оставив Василису судорожно заглывать воздух и краснеть — то ли от поцелуя, то ли отреагировав приливом крови к лицу на обрушившийся поток информации.

— Шоб я так жил, как говорит наш общий знакомый, — восхитился Андрей.

— Это он сообщение передавал.

— Так и я о том же. Ухаживаешь за красивой девушкой, поцеловался — и всё сразу всем понятно. Приятное с полезным.

Василиса покраснела ещё сильнее и показала Андрею кулак. Хотелось то же самое сделать и гостю, но вдруг он не понимает, чего творит? Хотя нет, улыбается, всё эта зараза понимает.

— Ему в... в... в туалет ему надо. И он хотел выйти, осмотреться. А насчёт одежды и учебников я угадала.

— Понял. Подожди пару минут снаружи. Потом поможешь его вывести. Кстати. Обрати внимание. Выглядит он как наш красавчик, и имя звучит один в один. Зуб даю — не просто так.

На улицу вели чужака под руки вдвоём, Василиса больше придерживала, и то порадовалась, что Андрей и сам парень здоровый — как чужак один раз опёрся на неё всем своим весом, так девушка аж крикнула и присела. А на вид не так чтобы толстый... На улице чужак встал. Опираясь на стену гаража, глядя на сосны улыбнулся. Дальше повернул голову в сторону остальной линии гаражей — и с экспрессией высказал какую-то фразу, похоже, выругался. И глаза у него стали донельзя удивлёнными, про такие обычно говорится «по пять рублей каждый». Василиса проследила за линией взгляда. Ну высовывается из-за деревьев верхушка одной из немногих здешних четырнадцатиэтажек. И что в ней такого? Вполне прилично выглядит, даже покрашена не так давно. Но тут гостю стало хуже, он начал заваливаться, и друзья поспешили его уложить обратно в постель.

Дверь гаража с металлическим лязгом открылась, и почти сразу следом вошёл Виктор.

— Смотрю, гуляете?

— Да. Только вот этот с чего-то обычной многоэтажки испугался, — пожала плечами Василиса.

— Может ему просто от наших сосен и зелени плохо стало? — предположил Андрей. — Сама говорила, у них там пустыня. Может там везде так, и он деревья никогда не видел.

Сплошные аксакалы растут.

— Саксаулы, — машинально поправила Василиса.

— Какая разница? Всё равно дубы, — рассмеялся Виктор. — Так. Я верю, что ты отличница и не надо мне говорить про разницу. Кино ты вряд ли смотрела и анекдота не поймёшь. Помогите мне всё притащить из машины, а дальше я тебя отвезу домой. Потом у меня не будет времени, а с твоей мамой мне стоит поговорить. На будущее.

— А я схожу за врачом. Есть идея. Да не смотри ты на меня так, не сдам я нашего пришельца. Помнишь, я про Анну Геннадьевну говорил? У неё первый диплом до психолога — терапевт. А ещё она надёжный человек. Нет, я ей ничего говорить не буду. Но попрошу просто зайти и посмотреть, без вопросов. Я думаю, она согласится. Объясни этому, чтобы молчал, пока его смотрят?

— Это вы о чём? — удивился Виктор. — И с чего это дама у нас так краснеет?

— Чугун ты. Бесчувственный!

— Он её поцелует — и у них через это полное взаимопонимание, как в сказках. Она ему всё объяснит, он ей чего надо.

— Нет, ребята, вы друг друга стоите. И не спорьте, девушка, вы точно с Андрюхой два сапога пара. Вот уж послала судьба на мою голову. Вы часом не родственники? Ладно, мы снаружи подождём, ты давай объясняй, и поехали.

Всю дорогу до дома Василиса молчала, у неё горели щёки, хотелось Андрея треснуть чем-нибудь тяжёлым. И почему-то упорно лезла в голову мысль, что вообще-то целуется гость лучше всех, с кем она гуляла и целовалась в прошлой школе. Дверь подъезда Василиса рванула так, что не будь та железной, вырвала бы с корнем, до нужного этажа взлетела. Но перед дверью квартиры решимости убавилось разом втрое, да и Виктор с чего-то приотстал, встав на середине лестницы.

— Ты звони, звони. Я тут, никуда не пропаду. Если меня в глазок увидят — запросто не откроют, и ночевать тебе в подъезде. Запасная кровать у нас, если помнишь, занята.

Трель звонка разорвала тишину трубным гласом подступающего Конца света. С громовым грохотом распахнулась дверь и на пороге замерла мама. В бешенстве она зашипела:

— Дожили! Срезала браслет, ушла к своим дружкам. Надеюсь, хоть в подоле ты никого не принесёшь? Отдала мне ключи и марш в свою комнату. Завтра же поставлю на окна решётку. Отныне из квартиры ты выходишь исключительно со мной.

Василиса хоть и вздрогнула — если мама не орала, а вот так вот шипела сквозь зубы, это было очень нехорошим признаком — но не сдвинулась с места. Присутствие Виктора придавало сил, да и за последнее время случилось столько всего, что мамины угрозы уже как-то не воспринимались чем-то серьёзным.

— Я бы позвонила, что мне срочно понадобилось уехать. Но кто-то, — Василиса постаралась добавить побольше яду в голос, — не заплатил мне за телефон. Только входящие, а вызывать тебя через кнопку «спаси меня» на браслете я побоялась. У тебя сердце слабое.

— Ах ты, паршивка! Да как у тебя язык поворачивается шутить над моим здоровьем. И это после всего, что я для тебя сделала. Чего замерла? Домой, я кому сказала!

Ухватить дочь за руку и поволочь силой женщина не успела: на площадку поднялся Виктор.

— Здравствуй, Надя.

— Не может... не може... н-не может быть, — мама замерла на середине движения, побледнела и перекрестилась. — Саша? Ты всё такой же...

— Немного ошиблась. Я его младший брат, Виктор. Но да, мне всегда говорили, что мы очень похожи. Я рад, что ты нас ещё не забыла.

— Чего тебе надо? — мама поджала губы и говорила сухо, вроде бы без прежнего страха, хотя руки и продолжали мелко подрагивать. — Я не желаю тебя видеть. Ни тебя, ни... Василиса, иди к себе. Иди отсюда, я сказала!

— Охотно верю, что не хочешь. Сашка после вашей ссоры выбил себе назначение в Благовещенск и с тех пор ни разу не приезжал. Но к твоему несчастью, я остался. В здравом уме и очень хорошей памяти. И я хочу поговорить.

— А я не хочу!

— Зря. Тогда я вынужден буду поговорить с твоей дочерью. Про мамину бурную молодость. Например, как она встречалась сразу с двумя и спала сразу с двумя. В итоге решила, что зелёный курсант и перспектива жены лейтенанта по гарнизонам тебя не устраивает. Продолжать здесь? Или?

— Не надо. Заходи, поговорим.

— Хорошо. Василиса, будь добра. Посиди в своей комнате с полчаса, ладно?

Девушка испуганным зайцем метнулась в свою комнату, закрыла дверь и замерла, не в силах унять взбесившееся сердце. Виктор не знает, а она никогда не задумывалась над тем, что между свадьбой родителей и её рождением прошло всего полгода. Василиса замотала головой, прогоняя нехорошие мысли, и продолжать цепочку возможных рассуждений себе запретила. Нет. Совпадение, и не больше.

Ровно через тридцать минут Виктор позвал Василису обратно и вслух проговорил условия. Василиса соблюдает «правила общежития». Предупреждает, когда задерживается после школы по своим делам, ночует всегда дома. Если по каким-то причинам приходит домой вечером достаточно поздно, её обязательно сопровождают Виктор или Андрей. Взамен мать не следит за каждым шагом дочери, не устраивает по любому поводу истерики и не ограничивает дочь в выборе знакомых. Капитуляция выходила почётная, но именно капитуляция, и Василиса немедленно пообещала выполнять свою часть обязательств. Когда Виктор ушёл, мать за вечер не проронила больше ни слова. Василиса же сказала себе, что не хочет даже подозревать, чем маме выкрутили руки — и тоже молчала.

Следующим утром в город пришла осень. И пусть воздух ещё оставался тёплым, ветровку пришлось снять и нести в руках, но ветерок уже весело играл на асфальте с первыми опавшими листьями и лениво качал головками запоздавших пожухлых цветов в клумбе возле подъезда. Большая рябина в центре двора хвалилась сочными оранжевыми гроздьями на ветках и стыдливо прятала за зелёной гущей первую жёлто-багряную седину в кроне. Пахло туманом, мягкой осенней сыростью, влагой приближавшихся дождей.

Возле школы Василиса встретила конопатую заводилу четвёрки, которая всего несколько дней назад собиралась её бить. Девчонка мазнула по «конкурентке» высокомерно-презрительным взглядом, а Василиса вдруг поняла, что не боится теперь ни капельки. И не заступничество Андрея причиной. И тут же Василиса задвинула неприятную встречу куда-то на задворки воспоминаний. Донельзя хотелось бросить всё и проверить гостя, но школа входила в один из пунктов вчерашнего соглашения с мамой. Придётся сидеть от и до.

Андрей уже был на месте. Стоило сесть рядом, как он одними губами шепнул:

— Была вчера. Всё в порядке. Кое-что дописать надо.

Василиса молча открыла блокнот, куда в обложку были вложены оставшиеся рецепты.

Тут в класс вошла учитель литературы, и стало не до разговоров.

— Чугунов. И что ты мне скажешь хорошего? — парень молча отдал сочинения.

Учитель быстро их просмотрела. — Я смотрю, новая соседка на тебя очень положительно влияет. Как минимум, переписывал ты их сам, надеюсь, в голове хоть что-то останется.

Каким чудом Василисе удалось всю тираду просидеть с каменным выражением лица, она и сама не знала.

К середине дня солнце спряталось, небосвод нахмурился и посерел, угрожая обвалиться проливным дождём. Ветер из тёпло-игривого стал раздражённым, колючим и злым. По дороге до гаража Василиса раз пять за себя порадовалась, что не стала утром возвращаться и оставлять ветровку. Андрей оказался менее предусмотрительным, в одном школьном пиджаке промёрз, и, войдя в гараж, сразу же достал чашки, чай и плеснул себе кипятку. Даже не посмотрел, что гость сегодня не лежал, а сидел с образовательной игрушкой в руках, проложив подушку между спиной и стеной. Василиса, наоборот, это заметила сразу, повесила на крючок пакет с лекарствами — ещё раздавят ненароком. Поздоровалась, потом на всякий случай легонько поклонилась, как видела в японских аниме: кто этих пришельцев знает, какой у них этикет?

— Ничего себе он пожрать, — Андрей запнулся о ведро с мусором, полное упаковок. — Я столько за четыре дня не съем, а он за ночь и утро умял. Если он и дальше так будет, проще пристрелить, чем прокормить.

— Между прочим, так говорить невежливо. Хорошо, он не понимает...

— Удивительно, насколько живучая идиома. Столько веков прошла без изменений, — голос был приятный, мягкий пусть и хриплый, с акцентом, но понять можно.

— Он говорит!

Андрей среагировал мгновенно, занял позицию между девушкой и кроватью с чужаком.

— Говорит. А вчера молчал. Выучил за ночь?

— Совершенно верно, — торопливо заговорил чужак. — Не идеать... не идеан... Не очень хорошо и быстро говорить. Говорю. Имплантат-биопроектор. У Пса. У всех Псов есть имплантаты. Книжки понять основы. Дальше подключился в сеть. Она у вас медленная, зато защиты нет. Чем медленнее говорю, тем правильнее. Практика надо.

— Да уж. А я Виктору не поверила. Он вчера говорил про разницу в технологиях. Ну да ему отсюда до какого-нибудь вайфая дотянуться и в сеть пролезть — раз плюнуть.

— А заправлялся пирожками, лапшой и котлетами.

— Большой расход энергия. Энергии. Биопроектор. Пока он как перевод. Чем больше говорю, тем лучше учить... учу сам. Ваш язык похож на мой.

— Точно из будущего! — загорелась Василиса. — Или эти, как их, параллельные миры. Я про такое читала. И смотрела в аниме.

— Параллельные что? — оба парня спросили одновременно.

— Миры. Ну это. В какой-то момент миры разделились, один пошёл так, другой эдак. У нас Пётр Первый победил, в соседнем мире его сестра убила. А где-то римляне не развалились и в космос вышли.

Андрей налил себе чаю, глотнул, обжёгшись, ругнулся и высунул язык. Поставил чашку остужаться, и вынес вердикт:

— Не сходится с твоими параллельными мирами. Как тебя зовут? Глеб?

— Да.

— Имя русское. Язык, сам сказал, похож, так чтобы за день пусть с процессором, но разобраться. Если бы римляне были в космосе, они бы на латыни говорили. А если и там русские — слишком большая разница. Ты давай-ка, колись. Кто и откуда. И говори лучше медленнее, но понятней.

Андрей ждал, что чужак переспросит, но и эта идиома, похоже, Глебу оказалась знакома.

— На «кто» я вам отвечу. Боевой пёс. Мы элитные солдаты. Я состою в шестой роте полка рейдеров Пустынной бригады. То есть, скорее всего, состоял. Остальных сожрали завроиды.

— Те твари! Они тебя там окружили. Точно, ты же не знаешь. В общем, я нарисовала...

— Я считал из твоей памяти. Извини, перебил. И ещё раз извини, что сделал тогда без разрешения.

— Но очень было надо, — хмыкнул Андрей. — Понимаю. И способ приятный. А язык так выучить нельзя? Э... меня целовать не надо, — он демонстративно отодвинулся: Глеб как раз чуть наклонился вперёд, поправить сползшую подушку.

— Нет. Не хватит ёмкости канала. С тобой не получится, я уже пробовал. Только с... Василисой. Можно обойтись просто контактом головы, кожа к коже.

— Ах ты! — девушка вскочила и гневно зашарила глазами по гаражу, ища, чем бы ударить. Чтобы не зашибить, но больно. — Контакт ему!

— Красивую и привлекательную девушку целовать очень приятно. Я решил воспользоваться моментом.

— Ах вы! — Василиса гневно посмотрела на хохотавшего в голос Андрея. — Все вы, мужики, одинаковые! — и покраснела, не к месту вернулась вчерашняя мысль, что целовался этот Глеб лучше всех.

— Я продолжу?

— Продолжай. А ты хватит ржать, не лошадь. Лучше печенье поищи, там точно есть. Мы вчера много купили. Хоть что-то, но должно остаться. А ты давай, говори. Нарбатывай навык, — и застыла на своём табурете в королевской позе, не обращая внимания на бурчание Андрея.

— Рассказ будет короткий. Мой мир называется Опал. Мы колония Земли. У нас девятьсот семидесятый год от выхода в космос. По-вашему, это две тысячи девятьсот двадцать седьмой. Планету кроме нас заселили несколько инопланетных рас: удобное сочетание кислородного мира с пригодной биосферой и богатейших запасов ископаемых. Началась драка. Понятно пока?

— Да.

— Чтобы построить полноценные транспортные ворота, нужно время и ресурсы. Зверлинги враги всем, с другими чужими то союз, то война, но у нас каждый захотел Опал лишь для себя. Война шла исключительно на местных ресурсах. Мы победили, но регулярной связи с Землёй пока не будет. Мы отстраиваемся и развиваемся, но самый... Самая? Самое плохой, что Опал — это сплошная пустыня. Есть подземные моря, там, где они выходят на поверхность, редкие оазисы. Люди могут жить только там. И в городе, там искусственные скважины. Пустыня очень опасна. И местные хищные виды, и от зверлингов остались. Они были большие любители выращивать на подножном корму живое оружие. Несколько видов

уцелели, хотя и одичали.

— Те песчаные динозавры! Эти, как их? Робот в зале назвал их завроидами.

— Самый страшный ужас пустыни. Хищники. Живучие и сообразительные. А тут соединилось несколько стай. Зверлинги не рассчитывали на удалённое управление в бою. Каждая особь у них всегда была кирпичиком нейросети. Число особей достигло критической величины, они объединили нервную систему в компьютер, и запустилась древняя боевая программа. Всё. Были звери — стали боевые автоматы. Отряд погиб, нас с Ирмой догнали у Ворот.

— А тебе сколько лет? А Ирма это...

— Девятнадцать. Ирма была моя напарница. Ты на неё похожа. Очень. И возраст, и внешность.

Глаза у Василисы немедленно загорелись. Ну точно как в прочитанных книжках. Возлюбленная погибла, а она похожа и должна занять место и выполнить предназначение! Глеб заметил состояние девушки, усмехнулся и тут же уточнил:

— Именно напарница. Сложно ухаживать за андроидом впятеро старше тебя, даже если её биологической оболочке всего семнадцать лет. На планете один единственный город. Заводы, эко-купол, вокруг пояс поселений. Во время войны нашли базу керхеров. Они были очень умелыми, ряд их технологий нам не доступны до сих пор. Тогда сообщить про базу не смог никто. Сейчас узнали, направили экспедицию исследователей. Ирма должна была стать ключом, который запустит систему управления.

— А оказалась я. В будущем.

— Не знаю. То есть... в общем, когда нашу экспедицию догнали завроиды, Ирма отправилась внутрь. Запустить оборонительные системы нам в помощь. Точно дошла до контрольного зала, но что-то пошло не так. Слишком долго она там была, реакции ноль. И тут как-то попала ты. У меня гипотеза. Керхеры освоили технологии вершителей — очень древняя раса, последние вершители исчезли самое меньшее за десять миллионов лет до появления людей как вида и каменного века. В нашем случае Врата помимо всего остального позволяют изгибать пространство, соединяя ненадолго две точки внутри планетарной системы. А тут по какой-то причине в тело Ирмы попала ты. Дальше запустила от спячки процессор Врат, потом перенесла меня сюда. Я сначала подумал, что мы внутри эко-купола. Просто на другой колонии. А когда увидел высокий дом... под куполом таких не построишь, да и небо настоящее. Но путешествия во времени согласно нашей науке невозможны. И при этом вы однозначно наши предки. Язык, идиомы. Слишком много для совпадения.

— Мало ли чего учёные говорили про «невозможно», — развёл руками Андрей и допил чай одним глотком. — Ты же здесь, в прошлом? И сам сказал, между нами тыща лет.

Домой Василиса вернулась в самом радужном настроении. И тут же удача к ней словно повернулась другой стороной. Утром, включив телефон, девушка заметила, что встроенной памяти на карте смартфона стало меньше. Где-то у основания черепа сразу зашевелился нехороший червячок, но времени проверять уже не было. Зато в школе, пользуясь тем, что сидит она на самой дальней парте, Василиса начала разбираться. Новых ярлыков не добавилось, но в списке активных программ в памяти висел какой-то трекер.

— З-зараза. Мне мать на телефон маяк повесила. И не снести. Через родительский контроль ставили.

— Тогда тебе сегодня нельзя.

— Но...

— Я как раз после уроков опять насчёт врача договорился. Давай так. Как разберёшься, звони. Я скажу, можно уже приходить или нет.

— Громова, Чугунов, хватит болтать и играть с телефоном. Смотрю, ты на новенькую плохо влияешь? Может вас рассадить?

Пришлось оставить телефон в покое. Но и на перемене программу снести не удалось. В сердцах Василиса попросту сбросила настройки системы «по умолчанию» в исходное заводское состояние... В результате смартфон перестал видеть сим-карту. Андрей же к тому моменту уже ушёл. Пришлось возвращаться домой, цеплять телефон к ноутбуку и, лазить по форумам, вспоминая, как эта проблема решалась в прошлый раз. И никак не получалось подобрать нужную прошивку, гнев плохой помощник: мама нашла способ обойти договорённости, не нарушая своего слова. Василиса ни минуты не сомневалась, что это только первая ласточка их долгой войны. В итоге закончила она возиться как раз к возвращению мамы.

— Ты зачем опять отключаешь телефон?! — грозный оклик полетел прямо из прихожей.

— А затем, что кто-то без спроса поставил на него следилку, телефон помер, и я полдня его реанимировала, — огрызнулась девушка.

С минуту мать и дочь метали друг в друга молнии взглядами, затем разошлись и остаток вечера не разговаривали. Не получилось съездить и на завтра: сразу после уроков Василису поймала классная руководительница.

— Так, Громова. Я поговорила с твоей мамой, она сказала, что ты готова загладить своё поведение первого числа. Ты хорошо рисуешь, сможешь оформить стенгазету. Тогда сложим пятёрку, даже две пятёрки, с твоей двойкой. И в итоге выйдет четвёрка.

Глядя на улыбающуюся Ларису Демидовну, Василиса обречённо подумала: «быстро спелась», и выдавила из себя:

— Ватман нужен, и краски. Я завтра захвачу или лучше за воскресенье дома нарисую.

— Ну как же. Нам надо в субботу, к тому же стенгазета — это совместный труд, который сближает с одноклассниками. Ватман у нас есть, твоя мама завезла по моей просьбе краски. Два товарища тебе помогут.

Хорошие оценки входили в соглашение, поэтому Василиса, стиснув зубы, предупредила Андрея и пошла обратно в класс. Уже на месте тоскливо подумала: «Лучше бы отказалась». Мама по незнанию, конечно же, вместо бросовой краски передала коробку лучшей акварели. На стенгазету такую расходовать — как мусорный бак из золота отливать, но придётся. Вдобавок в «помощь» Лариса Демидовна отрядила своего любимчика и одну из его подпевал. Опасения подтвердились уже через полчаса. Главный красавец школы всё время говорил, сыпал комплименты и рассуждал о совместном труде. Руки при этом у него росли не из того места, так что когда он запорол рисунок, начав писать прямо по непросохшей краске, Василиса категорично потребовала, чтобы «сидел в углу и не лез под руку». Через пятнадцать минут туда отправилась и вторая «помощница» — она постоянно отвлекалась, слушая и поглядывая на предмет своих мечтаний, что уронила готовую часть на пол и чуть не встала на ватман грязной туфлей. В итоге два дня парень давал советы, одноклассница млела, что всё его внимание только ей одной, а Василиса работала. Домой приползала под вечер и без сил. В субботу, когда газету после уроков торжественно повесили, а Лариса

Демидовна двоих поблагодарила поимённо, а третью рабочую лошадь упомянула как «новенькую», сил не оставалось даже съязвить. Лишь на автопилоте дотопать до дома и завалиться спать.

Зато утром воскресенья Василиса проснулась бодрая и счастливая. Деревья за окном уже пожелтели, но температура воздуха была плюс девятнадцать. Наспех в себя что-то закинув, девушка ненадолго задумалась — ветровку всё же решила поверх джинсов и блузки накинуть — и убежала. Уже на пороге её догнал грозный окрик:

— Ты куда?

— Я на твои хотелки весь остаток недели пахала. Сегодня имею право на личную жизнь, буду вечером.

И не дав ответить, захлопнула входную дверь. Настроение от этого подросло ещё сильнее, девушка казалась себе воздушным шариком — тронь слегка, и полетишь. Не остановило и то, что дороги к запасному «лежбищу» Виктора в среду Василиса не запомнила. Быстро по яндекс-карте она нашла, где рядом с сосновой рощей есть многоэтажка, и заказала такси. А уже на месте без труда отыскались гаражи.

Глеба она встретила на улице. Он очистил от шишек и иголок небольшой пяточок и делал разминку.

— О, тебе уже всё разрешили?

— Я — Боевой пёс. У меня полно биоимплантов на регенерацию и много чего ещё. К тому же у вас хорошая вода, не хуже эко-купола.

— Тогда раз здоров, пошли, прогуляемся. Покажу город.

— Но...

— Не бойсь, по телефону найдут. Позвонят и спросят. Город маленький, далеко не уйдём.

— Хорошо.

Первое время Василиса, опять же вспомнив книжки, и как гость отреагировал на высотку, боялась, что инопланетянин себя выдаст. Вряд ли он видел земные города. Но Глеб дорогам, машинам и девятиэтажкам ничуть не удивился. По сторонам хоть и осматривался, но не больше чем если бы как турист приехал в соседнюю область. Хотя вопросов задавал много, например, его удивляло, как можно парковаться и мусорить на газонах. Под эко-куполом, где воду приходилось фильтровать, растения были ценностью, без них никакие машины не смогли бы обеспечить оптимального микроклимата. Единственное же настоящее недоумение у него вызвал магазин: зачем один и тот же товар идентичного качества делать в стольких вариантах упаковки и дизайна, когда достаточно единственного.

— Ну... реклама. Конкуренция, — попробовала объяснить Василиса.

— Читал, — признался Глеб. — И никогда не мог понять такой бессмысленной траты ресурса. Вдобавок это усложняет жизнь. Подходишь к полке и пытаешься сообразить, где нужный тебе продукт.

А ещё Глеб оказался намного более неутомимым ходоком, чем девушка. И три часа спустя оставался бодр и неутомим, тогда как у Василисы ноги гудели.

— Передохнём? Бананы, сок, пирожки и во двор на лавочку. А потом покажу тебе зрелище, которое ты, гарантирую, в жизни никогда не видел.

— Не возражаю.

Во дворе их и настигли неприятности. Стоило с удобством разместиться и разложить еду, как во двор вошла компания парней. Заметив Глеба и Василису, тут же направились к

ним, один вступил вперёд.

— Чугун узнает, с кем его девушка ходит, — с гневом начал вожак, — тебя, шлюшка, уроет. А ты, козёл, ведь предупреждали. За тобой должок. Кстати.

— Не трогайте его, — Василиса встала и загородила Глеба. — Во-первых, Андрей в курсе, а во-вторых вы ошибаетесь. Это наш общий друг, приехал из другого города. Я ему город показываю.

— Будем знакомы,

Глеб тоже встал, деликатно пододвинул девушку в сторону и пожал заводиле руку. Тот не ожидал, отодвинуться не успел, а после рукопожатия затряс кистью руки.

— Здоров, — сказано было уже с нотками интереса и уважения. Видимо, Глеб-одноклассник так не мог.

— Отойдём? Переговорить надо. Василиса. Подожди здесь.

— Отойдём.

Парни все вместе переместились в другой угол двора, минут десять о чём-то беседовали — Василиса аж извелась — потом вернулись. Причём обратно Глеб шёл с ними как равный. Заводила пожал девушке руку:

— Извини, обознались. Но похож. Чугуну привет.

— Без обид, — согласился Глеб. А когда они остались снова вдвоём, задумчиво сказал: — Спасибо. Ты, не раздумывая, меня пыталась защищать. Я... в общем, спасибо. И всё-таки не может это быть просто совпадением. Ты похожа на Ирму, я на твоего одноклассника.

— Виктор? Андрей?

Глеб не ответил, а Василиса вдруг почувствовала во всём теле слабость, её начала колотить дрожь. Выброс гормонов как реакция на несостоявшуюся драку. Остро захотелось стресс чем-то погасить, например, что-то купить. Но вместе Глебом мотаться по магазинам было стыдно, да и здешний торговый центр внушал опасения и брезгливость. И тут она удачно вспомнила, что совсем недавно они проходили мимо магазинчика для художников. Вернуться туда показалось самым мудрым решением. И купить что-то можно, не стыдясь перед гостем, и рисование всегда успокаивало.

— Пошли. Я тебе обещала интересное зрелище? Но перед этим давай красок купим. У меня из-за маминой придури всё закончилось, а так я заодно порисую.

Магазин пустовал. Василиса сразу устремилась к стенду с «премиальными» красками и кистями, деловито отбила атаку продавщицы, которая попробовала всучить самый дорогой, но при этом не самый лучший набор. Ехидно прочитала короткую лекцию «раз уж торгуете, стоит ознакомиться с товаром». И вышла обратно совершенно счастливая с пакетом, где лежал отличный набор красок и кисти. Сзади пыхтел Глеб, нагруженный бумагой и переносным малым этюдником — старый остался в Ярославле, как раз хотела покупать здесь новый, а тут заодно носильщик подвернулся.

Ехать пришлось на автобусе, и Василиса невольно порадовалась, что они удачно зашли за этюдником. Очень уж нервировали снисходительные взгляды, которые на них все бросали поначалу — ещё одна романтическая парочка молодых людей. Но дальше замечали ватман и этюдник, и взгляд мгновенно становился равнодушным: а-а-а, это с художественной школы на пленэр едут. Всё равно, едва в динамиках автобуса прозвучало «остановка Кабельный завод», из салона на улицу Василиса чуть ли не выпрыгнула, к мосту двинулась быстрым шагом.

Дорога поначалу шла мимо лесополосы, отделявшей промзону, и Василиса специально

заговаривала зубы так, чтобы Глеб всё время смотрел именно туда. Ему с одной стороны зрелище вроде привычное, в эко-куполе леса росли, а с другой стороны совершенно одичавшие заросли деревьев и кустарников, густо усеянные высохшей травой и жёлтыми листьями, парня заворожили. Естественный процесс смены времён года он наблюдал первый раз в жизни.

— А теперь обернись налево.

Ветер как раз стих, зеркальная гладь Рыбинского водохранилища матово сверкала куском прозрачного серовато-зелёного хрусталя. Солнце бросало в водяную зыбь мелкие медово-жёлтые кругляши, собиравшиеся в широкое золотое монисто солнечной дорожки. Вернулся ветер, осторожно потрогал воду, солнечные монетки запрыгали с одного бурунчика на другой, утопая в серебристой пене.

— Это... это вода? Как красиво... Никогда в жизни не видел столько воды. Читал, но даже представить не мог.

— Во-от. Наш мир в этом получше твоего будет. Ладно, смотри, а я пока рисовать стану.

Первые несколько листов Василиса рисовала то просто пейзаж, то пейзаж и жадно смотревшего на Волгу парня. Заодно, пользуясь тем, что от зрелища Глеб словно немного опьянел, понемногу выпрашивала у него про его родину. И наконец, решила сделать подарок. Глеб как раз рассказывал, как первый раз уже после училища участвовал в рейде по старым бункерам — после войны с керхерами, особенно возле бывших стартовых столов, осталось немало заброшенных построек и развалин. На очередном листе Василиса решила изобразить услышанную историю. Светило в зените белесого неба обдаст жгучею волной. Безжалостное око глядит на знойную пустыню. Нагроможденье жёлто-бурых песков, сотворённые ветрами извилистые дюны под ногами душными волнами разбиваются о развалины. Взгляд подавлен пустотой и безлюдной тишиной, в каждой песчинке витает забытый дух пустынных призраков отгремевшей войны. Живые здесь одни тощие колючки и шипокобры — похожи на вытянутых очень длинных ящериц, но стоит их напугать, как прячут лапки, поднимают верхнюю часть туловища и раздувают капюшон иголок — очень похоже на королевскую кобру перед броском. И одинокий, бредущий в изнеможенье путник, которому мерещатся миражи зелёных островов.

— Ай!

По глазам на мгновенье мазнуло липкой чернотой, и сразу в лицо дохнуло раскалённым сухим воздухом. В глаза ударил нестерпимо-яркий свет: они находились посреди пустыни, точь-в-точь как на картине, всё ещё лежавшей на этюднике. И больше ничего родного и знакомого, один Глеб в двух шагах всё так же сжимал в руках пакет и несколько упаковок листов ватмана для акварелей.

— Мы на Опале. Непонятно как, — голос у Глеба был под стать окружающему воздуху, такой же сухой и безжизненный.

В этот момент девушку догнали ощущения с остальных органов чувств. Кожу рук обожгло солнцем, в уши ворвался шорох и шелест мириадов трущихся песчинок, кроссовки на песке стояли не как на утопанной земле твёрдо, а упруго будто на резине. В нос ударил тухло-гнилостный аромат разложения.

— Фу, воняет.

— Не поворачивайся! — окрик Глеба запоздал.

Василиса обернулась к источнику запаха — и завизжала. Там лежали остатки человека. Чернобородая голова с выбитой нижней челюстью, рядом валялись оторванные рука и нога,

на концах у них махрились мясо и кожа. Остальное тело разодрали в лохмотья, на куски, обглодали и бросили. Темнело огромное бурое пятно крови, завершали зрелище разбросанные вокруг обгрызенные кости с остатками мяса и клочками одежды. И шипели, распушив иголки «капюшона» три шипокобры. Девушку вырвало сначала остатками обеда, потом одной желчью.

Испуганно убежать сломя голову Василисе не дал Глеб. Поймал — хватка у него оказалась железная, пару секунд держал, дальше силой крепко поцеловал. И тут же содрал с девушки блузку. Василиса задохнулась от возмущения, труп был забыт.

— Так. Спокойно. Говорят, от истерики пощёчины помогают, но и так неплохо вышло. Блузку на голову от солнца, повторяй за мной. Ветровку как халат. Иначе сгоришь. Получилось? А теперь медленно, не оборачиваясь, идёшь за мной.

Кругом царило гнетущее безмолвие. Глеб шёл впереди, выдерживая одному ему известное направление, словно держал в руках компас, Василиса брела позади него. В горле мгновенно пересохло, глаза слепило от солнца, золотистого блеска под ногами и мелкого песка. Иногда попадались занесённые песком обломки и невысокие развалины, но Василисе было не до них. Наконец обнаружился вход в какой-то тоннель, и они вошли туда. Воздух здесь был такой же сухой, но хоть какое-то убежище от зноя. Пол, напоминавший растрескавшийся бетон, был покрыт мелким песком, зато из глубины тоннеля по ощущениям тянуло прохладой.

— Подожди меня здесь. Вглубь не заходи. Я должен осмотреться. Подождёшь?

Глеб пристально посмотрел в лицо девушке, явно опасаясь новой истерики и просьб её не оставлять одну. Заорать и в самом деле хотелось, но, не понимая где, без еды и воды они умрут в пустыне. И очень быстро. Труп же означал, что где-то поблизости хоть плохие, но люди. Василиса стиснула зубы и выдавила из себя:

— Иди. Я... Я дождусь.

Девушка села прямо на пол, обхватив колени. Едва Глеб растворился в сиянии пустыни, как страхи и сомнения захлестнули Василису с головой. Правильно ли она поступила? Дождётся ли она Глеба? А если с ним что-то случится? Если нападёт какая-нибудь тварь вроде тех, что она видела в прошлый раз? Воображение раз за разом рисовало такое же растерзанное тело, только вместо чернобородого на песке валялась голова Глеба. Зубы с каждой минутой стучали всё сильнее, ощутимо дрожали колени. И всё сильнее хотелось выглянуть и посмотреть. Василиса уговаривала себя так не делать, но с каждой секундой голос разума звучал всё тише. Может, она, в конце концов, встала бы и вышла наружу, но силы утекали ещё быстрее.

— Держи.

Голос Глеба заставил Василису подскочить и распрямиться как сжатую пружину. Ни капли не стесняясь, что стоит перед ним полуголая и сквозь распахнувшуюся ветровку виден плотно облегающий грудь бюстгальтер телесного цвета, девушка крепко парня обняла и прижалась к нему. И то, что горячая рука сейчас гладила голую спину, ни капли не казалось неприличным.

— Всё хорошо, ты молодец. Я боялся, что не выдержишь и высунешься. На, — он сунул в руки бутылку из непрозрачного пластика, отливавшего металлическим серебром. — Пить медленно, мелкими глотками.

Воды внутри оказалось мало, с непонятным привкусом и горячей, но это была вода. С каждым глотком Василиса ощущала, как понемногу оживает. Пропала слабость, и появилась

жажда деятельности.

— Откуда?

— Не переживай, не с трупа. Нашёл его стоянку. Запасной одежды нет, зато кое-что осталось.

— И куда мы дальше? — Василиса решила сделать вид, мол, поверила. Правду выяснять не особо хотелось.

— Сначала понять, где мы. И как вернулись. Ты рисовала. Что?

— В-вот. Сюрприз хотела тебе сделать. Ты говорил, я по твоим словам рисовала.

Глеб внимательно всмотрелся в листок, покачал головой.

— Можно считать доказанным, что наше перемещение как-то связано с твоими рисунками. Что-то знакомое, действительно чем-то похоже на Старую бойню. Так называется район ракетных стартов, возле которых сожгли армию керхеров. Но не она. Понимаешь, колония расположена на невысоком плато. Возле одного из спусков и расположена Старая бойня, а ни тут, ни на рисунке гор нет. Они невысокие, стоят по периметру плато. Их также видно из Города и ближних к нему построек. А дальше, в глубину плато, песка меньше, там каменистая пустыня. Значит, мы на одной из линий внешних укреплений.

— Это хорошо?

— Не знаю. Дальний периметр подковой охватывает плато с Городом. Очень много развалин. Некоторые бункеры и старые посёлки обжиты, если поблизости оазис, или сохранилась скважина. По таким идут торговые тропы пустынников. Это люди, которые живут и кочуют в песках. Остальные бункеры и поселения давно пусты и мертвы, хотя есть охотники, которые шарят по развалинам. Иногда в них попадают ценные вещи. Предкам они были не нужны, их бросали в бою или при отступлении, а сегодня... В общем, дорого стоят.

— Т-тот человек, — к горлу подкатила тошнота, стоило вспомнить растерзанное тело.

— Да. Не хотелось бы тебя пугать, но это был один из таких охотников. Что за тварь его сожрала, я не знаю.

— Врёшь, — пристально посмотрела ему в глаза Василиса. — Я тебя хорошо уже знаю. Врёшь.

— Вру. Точнее, не договариваю. Есть два варианта. Один весьма вероятный и для нас безопасный. Это был песчаный лев. Охотится на шипокобр, попасть в его ловушку может разве что полный идиот или если под кайфом. Этот лев тварь довольно трусливая, своим появлением мы его спугнули. Второй вариант настолько маловероятен, что я его пока не озвучу. Но на всякий случай на, — Глеб сунул в руку Василисе пистолет. — Неважно, что стрелять не умеешь. Это предохранитель, сдвигаешь вот так и нажимаешь на спусковой крючок. Пистолет примитивный, пороховой, так что учитывай, отдачей по руке бьёт. Зато звук громкий. Враг испугается, я услышу.

— Ты опять уходишь? — на самом деле было ясно и так, но оружие в руке как-то сразу успокоило, так что вопрос прозвучал больше для проформы. — А может я смогу нарисовать, и мы домой попадём?

— А если нет? Воды мало. Потратить всю на краски — а если ничего не выйдет? Предлагаю этот вариант оставить на крайний случай. Если мы в радиусе досягаемости какого-то оазиса, сначала добраться туда, а уже потом экспериментировать.

Глеб ушёл, Василиса снова осталась сидеть одна. Крепко сжимая в руке оружие, она

какое-то время сидела на полу и обдумывала мысль, как ей отнестись к нынешнему приключению. С одной стороны риск, но с другой просто не может быть, чтобы они вдвоём не нашли выхода. Дальше ей стало скучно и жарко. Поразмыслив, Василиса сняла бюстгальтер: под ветровкой не видно, зато кожа не потеет и не чешется. Здравый смысл ещё немного поборолся с любопытством, но в итоге Василиса убедила себя, что если бы в глубине тоннеля могло встретиться хоть что-то опасное, её бы здесь не оставили. Да и спускаться вниз ей не запрещали. Ну а раз так — то можно совсем немного отойти внутрь, пока хватает света от выхода, и оглядеться. Когда ещё появится шанс увидеть пусть старую, но настоящую космическую базу. Девушка храбро углубилась на пять шагов, потом ещё на пять и ещё немного. Ей показалось, что из глубины тоннеля послышался непонятный звук, и Василиса замерла. Какой-то шорох... Воображение мгновенно нарисовало картину обвала — тут всё очень старое, и Василиса торопливо вернулась обратно, поближе к выходу.

Девушка как раз собралась присесть, когда из глубины тоннеля шорох раздался снова, уже отчётливей. И тупые негромкие звуки. Василиса замерла, испуганно выцеливая пистолетом сумрачную темноту. Тут же отругала себя: с обвалом решила воевать? Может, выйти наружу? Но там солнце, с её хлипкой защитой тепловой удар обеспечен в два счёта. А если не обвал, а какое-то чудовище? Например, гигантская крыса? Или змея какая-нибудь?..

Голый человек показался из тоннеля неожиданно. Попал в полосу света. Глаза — мутные бельма. Кожа на лице и торсе местами отсутствовала, обнажая мясо, а там, где осталась, приобрела мертвенно-бледный синюшный оттенок. Губы наполовину разложились, обнажая зубы. Дохнуло разложением. Василиса завизжала и, не пытаясь целиться, начала стрелять. Пистолет больно ударил по руке, но в упор почти все пули попали в цель, отбрасывая зомби назад в тоннель.

— Помогите!.. — девушка выскочила наружу и побежала примерно в ту сторону, куда, как она видела, ушёл Глеб.

Пули зомби если и повредили, то не сильно. Тварь выбралась наружу и довольно шустро припустилась вслед за девушкой. На свету зомби оказался ещё отвратительнее, точь-в-точь как в кино — только ещё страшнее. На бегу выпустив от страха остаток патронов и даже умудрившись несколько раз попасть в цель, Василиса продолжила улепётывать, увеличивая дистанцию: одна из пуль, похоже, повредила чудищу ногу. При этом включившийся инстинкт самосохранения подсказал обходить другие провалы и возможные укрытия, так что когда выскочил ещё один зомби, Василиса вовремя успела сменить траекторию движения. Но хотя страх и подстёгивал силы, тело, особенно по жаре, имело физический предел, девушка быстро начала задыхаться. Не заметив обломка, споткнулась, полетела кубарем. Вскочила. Второй зомби уже близко!..

Хлопок выстрела стегнул окрестности бичом, голова зомби разлетелась ошмётками. Чудище не упало замертво, а встало на месте, шевеля руками. Безголовый труп сделал осторожный шаг вперёд, но тут ещё четыре выстрела слились в один, оторвав чудищу руки и ноги. Василиса замерла, прислонившись к какому-то то ли обломку, то ли куску камня, торчащему из песка. Глеб дал ещё несколько выстрелов, подбежал к девушке и прижал к себе. Василиса вцепилась в него мёртвой хваткой и заревела, страх всё-таки прорвался наружу.

— Тихо, тихо, всё хорошо. Ты молодец, всё в порядке.

— З-з-зом-м-мб-би, — зубы выстукивали чечётку. — Н-нас-с-стоящ-щ-щие.

— Всё хорошо. Двоих я убил. Сколько их было?

— Д-дв-ва. Од-д-дин из т-т-он-неля, а вт-тор-рой выск-к-оч-чил...

— Тогда всё. Нам надо забрать оставшиеся вещи.

— Не уходи!

— Я и не собирался. Вместе пойдём.

— Н-ненадо, а вдруг т-там...

— Всё хорошо. Я вооружён. А без твоих рисунков нам не выбраться.

Его рука крепко обнимала девушку, оказалась прохладной, а ещё на уме крутилось слово «нежной». И тут Василиса сообразила, что из своей футболки Глеб тоже сделал тюрбан, лифчик же она сняла, ветровка расстегнулась. Теперь Василиса стояла, прижимаясь обнажённой грудью к голому торсу парня, и от этого ей ни капельки не было стыдно, а наоборот — чувствуешь своей кожей его кожу, и от этого в кольце обнимающих рук просто замечательное чувство защищённости и уюта.

— Хорошо. Пошли. Только ты не отпускай меня, хорошо?

Новым убежищем Глеб выбрал нечто вроде остатков башни. Кольцо стен на уровне первого этажа, пусть и без крыши — солнце уже прошло зенит, так что одна из стен давала сносную тень. Парень сунул девушке бутылку с водой:

— Можешь допивать до конца. Тебе понадобятся силы. Пей мелкими глотками, иначе не напьёшься.

Василиса вылебала бутылку до половины, дальше сумела себя заставить остановиться и спросить:

— Всё так плохо?

— Как говорят у тебя в твоём мире, нам полный песец. Но шансы есть.

Глеб говорил подчёркнуто спокойно, неторопливо, и Василиса поняла, что он сейчас сам испуган до дрожи, но не хочет, чтобы девушка это поняла. И от этого с чего-то у неё страх пропал, хотя по идее должно было быть наоборот.

— Зомби? Или как их тут называют?

— Так и называют. Зомби. Извини. Это я виноват. Не сообразил, что ты не местная. Здесь у всех в спинной мозг въелось, что в заброшенные бункеры в одиночку и без света заглядывать нельзя. А если что-то шумит, надо драпать от развалин быстрее и подальше. Ты ведь внутрь заглянула? А потом побежала, только когда зомби увидела? И я хорош. Прощупал через имплантаты ближнюю часть туннеля и успокоился.

Василиса кивнула и закусила губу. Ей история донельзя напомнила день знакомства с Андреем. Опять она, дура, наделала дел, а Глеб переживает и винит во всём себя.

— Но в остальном ты везучая, очень. Зомби попался свеженький, причём помер сам от вторичной лихорадки. Ожил недавно, почуял тебя, когда ты подошла близко, и полез. Но пока трупное окоченение сойдёт, он медленный. А дальше ты ему кость ноги разбила.

— Ты же их убил. Или тут у вас есть целый район, — на Василису напала нервная икота, с которой она справилась не сразу, — где зомби водятся?

— Примерно да. Мы в Чумной пустоши. Здесь зверлинги пытались прорвать оборону, использовав новое изобретение. Биологическая цивилизация, они были мастера на всякую живую гадость. Закидали район бомбами с вирусным программирующим гелем. Попав в организм, он превращал человека в зомби. Биоробота, если понаучней. Остаётся оболочка, внутренние органы у него не действуют, точнее, вещества из них расходуются как батарея на движение. Ну и нервная система работает: пока цел мозг, что-то из его знаний «роботы» могут использовать. Для ориентирования есть не только зрение и слух, но и что-то вроде

сонара. Поэтому даже без головы зомби будет нападать. Программа защита во всём теле, чтобы их уничтожить, надо порубить зомби на куски. Потом оказалось, что на гражданских как оружие вирус действует отлично — посёлок тут неподалёку обезлюдел — а вот против военных не выгодно. Дорогое производство, а эффекта, считай, никакого. Фильтры брони токсин задерживают, бронепехотинец порвёт зомби голыми руками, как бойцы они туповаты. Плюс у военных в любой момент в скафандрах как минимум половина персонала находится, да и в остальном в бункерах строго соблюдают меры биозащиты. Нападение отбили, но район забросили. Очистить его не было тогда времени и свободных ресурсов, работать в условиях биологического заражения, когда вокруг полно места, нет смысла. Проще отстроить новую полосу укреплений. Всё равно на воздухе и солнце вирус-токсин разрушается за несколько суток даже в теле зомби. Но неразорвавшихся спор-бомб до сих пор полно.

— Здесь, наверное, много ценного осталось? Если всё побросали, особенно в том городе, куда вирус попал?

— Посёлке. Город у нас пока единственный. И всё намного хуже. Ты права, по пустыне с войны осталось полно развалин и заброшенных бункеров. Их понемногу потрошат: то же военное снаряжение с погибших гарнизонов, сама понимаешь, на чёрном рынке дорого стоит. Чумную пустошь обходят стороной. Без скафандров тут делать нечего, есть риск нарваться на не протухшую вирусную мину. Да и баек про эти места и зомби ходит полно. Но те, у кого есть нормальная броня, имеют доступ к промкомплексам. Официальным структурам старьё из развалин просто ни к чему. Какая-то гнида, — Глеб сжал кулак, словно кого-то душил, — наняла отморозков и заказала доставить ей неразорвавшиеся бомбы. Сама понимаешь, такую штуку ищут не шипокобр травить по подвалам. Целый караван, три лёгкие машины и грузовик с холодильником для биообразцов. Совсем новые машины, только что с конвейера. Только у зверлингов, когда они провалились с зомби, появилась вторая модификация вируса. Заражённый человек внешне выглядит нормальным, его не распознают сканеры. Зато внутри органы и кровь перерождаются во взрывчатку. Живёт такое создание недолго, но ума ему хватает подобраться к людям или механизмам и взорваться. Какой-то жадный дурак то ли напоролся на мину с взрыв-вирусом, то ли решил заодно подзаработать и пошарить по развалинам. Заразился, подобрался к машине с зомби-бомбами и подорвал себя. Кто стоял рядом, надышались и переродились мгновенно. Вторые, кто подальше, схлопотали дозу токсина, но сумели убежать, всё равно померли и переродились. А третьи...

— Тот... кого мы... там... с бородой

Перед глазами у Василисы опять встало разодранное тело, сложилось с тем, как её преследовал зомби. Девушку заколотила дрожь, хотя она и пыталась себя убеждать, что Глеб рядом и всё будет в порядке. Разум соглашался, а сердце всё равно дрыгалось как сумасшедшее. Пришлось Глебу ненадолго присесть рядом и держать Василису в кольце рук, пока она не успокоится.

— Да. Зомби, выработав ресурс,дохнут — но если сожрут любую органику, смогут продлить работу. Вдобавок, ночью они видят лучше людей и бегают быстрее. Все машины в хлам, пешком — догонят, вокруг Чумной пустоши сплошная плешь, голый песок. Те, кто остался жив и не заразился, прятались в развалинах, думали переждать. Зомби передохнут, они уйдут. В караване много народу было, и большая часть, к сожалению, поначалу уцелела. В итоге, в округе навскидку, до двух десятков активных зомби. Я ночью тоже вижу, но не с этим против них воевать, — Глеб хлопнул по винтовке и автомату. — Пороховое оружие,

разрывных пуль нет. Из такого в корпус бить бесполезно. Задержать, оторвав голову, а потом стрелять по конечностям, причём переломать все четыре выше сустава. Но зомби умом хоть и не отличаются, не настолько тупые, чтобы переть напролом. Ночью нас могут и сожрать.

— Боишься?

— Боюсь. Мой оживший кошмар, с детства, как увидел учебный фильм про Зелёный стан — это тот несчастный посёлок — и до сих пор... Снится, что я без брони, а меня окружает толпа зомби.

— Мне рисовать?

— Да. Пока день, рисуй. Надеемся, что я угадал правильно, и это сработает. Вся вода твоя. Если нет — главное продержаться ночь. Дальше я почию хотя бы одну из машин.

Василиса не стала переспрашивать, и так понятно. Глеб её утешает, но сам не верит, что им удастся пережить ночь. Отсюда вариант «не сработает» не рассматривается. Руки дрожали, и пока Глеб приматывал длинный шнур сначала к своему к поясу, потом обвязывал девушку, и пока Василиса доставала краски и крепила на этюдник лист бумаги. Но стоило взять в руки кисть, как всё прошло. «Художник должен быть спокоен, даже если вокруг рушится мир. Взял кисть — рисуй и не отвлекайся». Сколько они в художественной школе ругались на старую учительницу, которая водила их на пленэры по городу, и долбила, требовала, чтобы они не обращали внимания ни на что кроме работы, пусть рядом хоть трасса шумит, хоть стройка. И вот теперь это её спасение. Страх и посторонние эмоции тут же спрятались куда-то на задворки сознания.

Прежде чем рисовать какой-то домашний пейзаж, Василиса решила поймать настроение. Поэтому первым рисунком стала окружающая пустыня, только Глеб стоял хоть и с ружьём, но без куртки, с голым торсом. Не к месту заглянуло воспоминание, как он её совсем недавно прижимал к себе и какая у него приятная кожа, особенно если касаешься... нет, это сейчас точно некстати. Василиса прикрыла глаза, пытаясь поймать воспоминание, как они вдвоём целую вечность назад стояли на берегу Рыбинского водохранилища. Потом быстро набросала рисунок. Вышло неплохо, но картина осталась бездушной, неживой. Над ухом бухнул выстрел из винтовки, заставляя вжать голову в плечи. Почти сразу ещё один.

Василиса сменила ватман. Ни на что не обращая внимания, пусть всё чаще тишина сменялась грохотом винтовки или злым твканьем автомата, начала рисовать. Ярославль, школьный двор, пара видов Рыбинска. «Домой хочу, — что-то заскулило внутри. — Диван, тапки, ноутбук и смотреть, как во дворе малыши играют». И тут Василиса поймала нужное настроение! Быстро, пока оно не ушло, на ватмане начала проявляться её комната. Стол, кровать, занавеска и кусочек окна, в котором видно немножко пожухлой травы и горящая багряным и медовым огнём рябина. Едва последний мазок лёг на лист, по лицу мазнуло влажной чернотой и оба оказались в её комнате!

— Получилось... — прошептал Глеб. — Получилось!

Он подхватил так и сидевшую перед этюдником девушку, прижал к себе и закружил по комнате, даже не думая, что тюрбан из блузки сполз, да и ветровка у девушки слетела на пол. А Василиса разревелась: страх и напряжение всё-таки прорвались в истерике. Она вцепилась в Глеба так, что не оторвёшь — лишь бы и дальше не отходил ни на шаг, лишь бы не оставлял её одну... Он всё понял, сел на кровать, усадил Василису к себе на колени, и без слов прижал к себе.

Андрей примчался быстро как мог, но всё равно звонок в дверь раздался только через

час. Войдя в квартиру, он задумчиво оглядел Глеба, пившего чай с баранками и одетого почему-то в банный халат, и сидевшую рядом Василису с красными зарёванными глазами.

— На, привёз рубашку и штаны, как просили. Василиса, что случилось? У тебя такой голос был...

— Мы случайно провели эксперимент по перемещению. Она рисовала по моему рассказу, и мы попали на Чумную пустошь... В общем, умудрились переместиться в одно из самых поганых мест на Опале. Выбрались Божьим провидением да ещё выдержкой Василисы. Рисовать обратную картину, когда над ухом стрельба, а на тебя толпа зомби прёт — это железные нервы и сила воли.

— У вас там ещё и зомби водятся? Самые настоящие?

— Лучше бы пластиковые и надувные, — скривился Глеб. — Как у вас в кино. В любом мире не переводятся идиоты, которые лезут куда нельзя. Я тебе потом расскажу, если интересно. Да не смущайся ты, ну расплакалась потом. Так дома же были уже. Нормальная реакция нервной системы на стресс.

Василиса кивнула и понадеялась, что красные уши и всё остальное Глеб примет именно на счёт стыда за истерику. А не насчёт того, как она чуть ли не полчаса голая сидела у него на коленях, да и на нём были лишь драные штаны. Хотелось провалиться сквозь землю. И всё равно против воли вырвалось:

— Одну меня не оставляйте.

— Там действительно страшное место, — пояснил Глеб. — Вдобавок мы наткнулись на местного жителя, который по дурацки сунулся на Пустошь, и его сожрали живьём. От такого зрелища если что здоровых мужиков выворачивает. Да, ещё вопрос, что с этим делать? Надо как-то избавиться. У вас, если я правильно понимаю, в городской зоне подобные вещи тоже хранить не положено. Закапывать нельзя. Запросто кто найдёт, а это обычное пороховое оружие. Заинтересуются неизвестной конструкцией, начнут искать, и у нас будут проблемы.

Андрей взял и осмотрел сначала автомат, потом винтовку.

— У нас такое вообще никак и не только в городе нельзя, сразу срок. Хорошо, возьму на себя. Разберу и утоплю. Не криминальный ствол, дно прочёсывать не станут. Дайверов в нашей речке не водится, опасно для здоровья. А дальше заржавеет и сгниёт.

— Согласен. Насчёт утопить как-то не сообразил. Остаётся вопрос...

— Только одну меня не оставляйте! И ночью...

Парни переглянулись: и в самом деле, оставлять сейчас девушку в пустой квартире — начнётся истерика. Успокоить нервную систему можно или лошадиной долей транквилизаторов, или напоить до бесчувствия. Или...

— Предлагаю вариант, — осторожно сказал Глеб. — Тебе часа на железки хватит? Разобрать я помогу прямо сейчас.

— За глаза.

— Мама твоя когда будет? И во сколько вы спать ложитесь?

— Ч-через час примерно. Ну, полтора. В десять.

— Тогда так. Я жду до её прихода. Как раз стемнеет, спокойно вылезу через окно. Да не переживай ты, я уже проверил. Третий этаж всего, и не скала, тут подняться и спуститься как по лестнице можно. Андрей, встретишь меня? Я номеров транспорта не знаю, за вещами смотаться. Вернусь к десяти, залезу обратно и переночую у тебя в комнате. Идёт?

— Идёт, буду ждать, — Василиса торопливо согласилась, и ей было в этот момент плевать, насколько прилично со стороны будет выглядеть ситуация с парнем, который

заночует у неё в комнате.

Мама пришла раньше, чем обещала. Василиса подозревала, что она так сделала специально: нежданно нагрнуть и проверить, какая она «личная жизнь», про которую дочка, не подумав, упомянула с утра. Глеб успел благополучно сбежать, Василиса же приготовилась дать отпор, едва мама попробуют посмотреть, не прячется ли кто-то у неё в комнате. К её удивлению, мама не стала никуда совать нос, за ужином принялась расспрашивать, как прошёл сегодняшней день, как одноклассники, и успела ли дочка за последние дни сойтись ещё хоть с кем-то кроме соседа по парте? Василиса отвечала коротко, по большей части «да» или «нет». Её всё сильнее охватывала паника, причём она никак не могла сформулировать причину. Разговор не клеился, мама состояние дочери заметила, но, вопреки ожиданиям, настаивать и вытягивать подробности выходного и причины не стала. Василиса забрала вторую половину ужина с собой как бы доедать за компьютером — на самом деле с учётом покормить Глеба — и ушла к себе в комнату. Оставив окно приоткрытым, она села на кровать с ноутбуком, бессмысленно шариться в интернете и по новостям «друзей» в «контакте», чтобы убить время и заглушить нарастающее ощущение тревоги.

Интернет, как и всегда, затянул. Хотя, читая статусы и бложики своих оставшихся в Ярославле подружек и одноклассников, Василиса и гадала: неужели и она была такой же дурой? И раз за разом себе отвечала: ещё неделю назад, да что там, ещё сегодня утром — была точно такой же. Надо оказаться в пустыне среди монстров и понять, что есть вещи действительно бесценные, такие как вода и патроны — а без всего остального можно и обойтись. Уже когда они вернулись, Глеб признался: спас их исключительно рисунок Василисы. К ним подбиралось не меньше двух десятков зомби, а у него оставалось полсотни выстрелов. Да и машины ремонту не подлежали, он соврал, чтобы девушку успокоить.

Глеб появился в комнате словно из ниоткуда, настолько Василиса «ушла в ноутбук». Мягко спрыгнул с подоконника, сел рядом на кровать и обнял.

— Ну как? Всё в порядке? Твоя мама спит.

Ноут мгновенно отправился под кровать, а Василиса принялась млеть в кольце рук Глеба, страхи и видения подбирающихся монстров мгновенно испарились. Хорошо и безопасно, вот что, оказывается, главное в жизни.

— Ой, а я там тебе ужин приготовила. Он уже остыл. Давай разогрею.

— Не надо. Я уже проверил, есть можно.

— Тогда ешь, пока не заledenело, — вставать не хотелось, но Василиса заставила себя взять со стола тарелку и вручить парню. — Нечего питаться пирожками и пиццей из коробок, желудок сорвёшь.

Спать Глеб устроился прямо на полу, заявив, что ничуть не жёстко и вообще дело привычки. Но стоило выключить свет, как страх накатил волной с новой силой. Каждая тень теперь казалась зубатым монстром, а перед глазами опять встало разодранное тело чернобородого. С минуту Василиса ворочалась, потом не выдержала и попросила:

— Извини... не могу, страшно. Иди ко мне. Тут кровать широкая, ляг рядом, пожалуйста.

Глеб вздохнул и попробовал прилечь рядом, но Василиса переоценила ширину кровати, чтобы на ней свободно могли уместиться сразу два человека. Но можно устроиться у парня на плече... тогда единственное место, куда Глеб сможет положить свою руку — это девушке на грудь или на живот. И плевать, что вместо рубахи-ночнушки Василиса надела короткий

топик и легинсы, поэтому выходило совсем неприлично. Зато так лежать очень уютно, и заснула Василиса мгновенно.

Утром Глеб её разбудил совсем рано.

— Рассвело уже через окно выходить. Выпустишь через дверь?

Оставшись одна, Василиса сообразила посмотреть на часы — начало седьмого, ложиться бессмысленно. Зато когда заспанная мама встала, дочь уже собиралась в коридоре, помахала ручкой и вышла. От этого настроение, и так с утра радостно-ванильное, стало ещё замечательней. Андрей, встретив подругу, выдал что-то про «донельзя счастливую рожу», получил за это легонько кулаком по шее и больше шутить не рискнул.

Не испортил настроения даже Глеб-одноклассник. Точнее, поначалу Василиса не поняла, что он пытается за ней ухаживать. Андрей логично относился к подруге как к «своему парню», на этом «конкурент» и попробовал сыграть. Оказать мелкие знаки внимание, деликатно подвести к мысли, что «красавицу и девушку этот чурбан в тебе не видит, зря ты за ним бегаешь». Сообразив, в чём дело, Василиса тут же предупредила друга:

— Только морду этому ослу не бей, но наш местный неотразимый мачо решил меня добавить в список трофеев. Типа я девушка, а ты этого не догоняешь.

— А я не соображу, чего это он вокруг тебя увивается, — осклабился Андрей. — Да ладно, не буду я его бить. Лишнее внимание нам ни к чему. Да и не всегда он был такой вот. Мелкий козёл. Мы раньше дружили, пока у него батька с чего-то не разбогател, и мамка не начала с ним везде бегать и ему мозги канифолить, что он крут, а остальные говно. Что будешь делать?

— Пошлю. На следующей перемене громко и при всех пошлю. Ещё проблем с его прилипалами мне не хватало.

А после школы Василису ждал сюрприз. Андрей хитро посмотрел и поинтересовался:

— Пять минут через соседний двор одна пройдёшь? Я сегодня немного занят.

— Хорошо.

Василиса почувствовала, как сердце застучало вдвое быстрее. И очень понадеялась, что не вспыхнула румянцем. Но через двор шла подчёркнуто медленно, мол, я догадалась, ну и что в этом такого? И всё равно, когда за углом её встретил Глеб, по телу прошла приятная тёплая волна, а ноги стали какими-то ватными.

— Привет. Андрей сказал, что у вас там, в школе, некоторые разногласия намечаются? Вот мы и решили...

— Довести до дома в составе охраняемого конвоя. Надо Андрюху отблагодарить, опять он меня выручает. Да, есть у нас баран один, второй раз ко мне клеится. Я его послала, но как бы наши девчонки не решили, что это я так с ним заигрываю.

Глеб кивнул, причём выражение лица у него стало серьёзным.

— Тогда так. Утром я тебя встречаю возле подъезда и довожу досюда, после школы встречаю. В школе за тобой присматривает Андрей. И не спорь. Я, ещё когда мы попали на Опал, убедился, что вроде бы тебе везёт, но это везение, как правило, компенсируется потенциальной неприятностью.

— Да не спорю я. Надо так надо, да и в компании идти приятнее.

Про себя же Василиса порадовалась, насколько удачно всё сложилось. А Глеб-инопланетянин ей просто нравится исключительно как хороший друг, с которым приятно провести время. Зато теперь он будет рядом, и одновременно не подумает ничего такого ненужного. Просто охранник. Вот только дорога до дома оказалась слишком уж короткой,

поэтому Василиса решилась пригласить Глеба к себе. Всё равно ему в городе делать нечего, да и вчера она оказалась «хороша» — вцепилась с истерикой, даже не предложив вымыться после пустыни. Зато сегодня сразу скомандовала:

— Так, пока я грею обед, успеешь сполоснуться. А то у тебя в гараже никаких условий. Не пойдёшь же в речке купаться? Холодно и вредно из-за химии. Разберёшься?

— Разберусь, — рассмеялся Глеб. — Не думай, что в нашей пустыне живут полные дикари. Меньше читай, как это у вас называется? Жанр постап? Я если что вырос в эко-пополе, там совершенно нормальный город, деревья и вода.

Глеб ушёл незадолго до прихода мамы, а вернулся, как и вчера, на ночь через окно. Кошмары, Василису, вроде бы больше не мучили, но спать вдвоём было и в самом деле намного уютнее, протестовать она не стала.

Глеб, как и обещал, встретил девушку и на следующий день, но после обеда Василиса предложила:

— Погода хорошая. Предлагаю всё-таки съездить и водохранилище посмотреть.

— На это я могу смотреть, наверное, бесконечно, — улыбнулся Глеб. — Но чур сегодня без рисунков.

— Нет уж, хватит с меня, — Василису аж передёрнуло. — Даже блокнот оставлю.

Опять они сидели в полупустом автобусе, и опять ловили снисходительные взгляды, которые на них бросали попутчики — ещё одна романтическая парочка молодых людей. Но сегодня это не смущало ни капли. Василиса пока так и не определилась, как ей относиться к Глебу. Но после приключения на Чумной плечи он ей точно больше не чужой. И потому пусть смотрят, так даже приятнее.

На улицу Глеб выскочил первым, вежливо подал руку Василисе, помогая спуститься. Но было заметно, как он стораает от нетерпения, потому к месту они двинулась быстрым шагом. Чуть ли не бегом прошли мимо отделявшей промзону лесополосы. И вот уже перед ними расстилалась зеркальная гладь Рыбинского водохранилища. Матово сверкала куском прозрачного серовато-зелёного хрусталя, а низкое послеобеденное солнце бросало в водяную зыбь медово-жёлтые кругляши. Ветер осторожно потрогал воду, и солнечные зайчики устроили весёлую чехарду, перепрыгивая с одного бурунчика на другой, утопая в серебристой пене.

— Вечно бы так смотрел, — замороженный Глеб, кажется, даже не понимая, что делает, обнял Василису со спины.

Наверное, надо было его сразу поправить и встать рядом: вроде бы он не её парень и даже не ухаживает, чтобы вот так обнимать. Разве что целоваться с ним приятно, так ведь это всё случилось исключительно по делу? Василисе непонятно с чего стало так приятно, а тело словно плавилось и таяло от того, что Глеб крепко её прижимает и жарко, порывисто дышит прямо в ухо. Ничего она говорить не стала, пока Глеб сам не сообразил. Выпустил девушку из объятий, сконфуженно посмотрел в другую сторону. Открыл было рот извиниться, и тут же закрыл — это вышло бы ещё глупее.

— Пошли, — решительно сказала Василиса, пока какая-нибудь случайность или неудачное слово не испортили шоколадное настроение. — Я ещё в прошлый раз хотела тебя довести до косы. Погода сегодня самое то, ветер, но берег не заливает, можно до конца дойти. Тебе точно понравится: стоишь, а вокруг море.

И пусть всю оставшуюся прогулку сконфуженный Глеб держался подчёркнуто по-дружески, радужного настроение это не испортило. Особенно когда ночевать он всё-таки

пришёл. На уроки Василиса собиралась с такой довольной улыбкой, что мать, которая после вспышки гнева в воскресенье, следующие дни держала себя с дочерью ровно-вежливо, рискнула поинтересоваться «в чём дело». В ответ уже с порога получила нечто невразумительное, дальше Василиса торопливо хлопнула дверь. В школе не сходящую с лица улыбку заметил и Андрей, но он спрашивать вообще ничего не стал. И за это Василиса была ему отдельно благодарна.

На следующий день погода испортилась, зарядил промозглый дождь. Василиса порадовалась, насколько удачно они успели сходить вчера. Оказавшись дома, Василиса торопливо начала готовить обед — чтобы не выдать себя перед мамой, последние дни она по дороге из школы покупала что-то из продуктов. Каждый раз жалела, что не удастся накормить Глеба чем-то домашним и по-настоящему вкусным. Он, конечно, каждый раз отвечал — ему и так нормально, имплантаты отсеют постороннюю химию, в пустыне быстро учишься не смотреть на вкус... и всё же. Зато сегодня это стало спасением: пока еда готовится, сообразить, как можно уговорит Глеба не уходить. И чтобы всё выглядело естественным.

Разложив обед по тарелкам, словно невзначай Василиса поинтересовалась:

— Слушай, а почему ты о себе ничего не рассказываешь? Или это секрет? В прошлом подробности из будущего, эффект бабочки...

— Да какая там бабочка, — рассмеялся Глеб. — Даже попади моя броня в руки каких-то ваших вояк, или узнай они что-то от меня... Две тысячи лет. Я тут у вас читал, что в Древнем Риме про атомы догадались. Но до химического синтеза им те же две тысячи лет и осталось. Я при всём желании не смогу вам помочь ускориться. Я же военный. Стрелять умею, а как винтовка устроена — знаю только, какую деталь куда вставить. Просто я думал, тебе неинтересно.

— Наоборот интересно. Раз уж погода испортилась. Кто папа, кто у тебя мама?

— Ну... Биологические родители где-то числятся, а так я из сиб-группы, — заметив, как вытянулось лицо у Василисы, парень снисходительно-насмешливо улыбнулся. — Это совсем не то, что ты подумала. Это не ваш детдом. Именно сиб-группа. Скорее что-то вроде очень престижной школы-интерната. Мальчики от лучших биологических родителей. Выдающиеся физические и умственные данные, круглосуточное наблюдение лучших врачей и педагогов. Это помимо прочего позволяет без риска для здоровья пересаживать детям биоимплантаты. Аналоги кибер-органов, но живые, эти устройства росли и развивались вместе с нами, потому мы умеем ими пользоваться как рукой или ногой. Из нас получаются самые лучшие военные, инженеры, исследователи. Но нас мало, в год выпускается не больше сотни. Потому нас и зовут Боевыми псами. Мы всегда были теми, кто первым идёт вперёд, кто завоёвывает для человечества новые плацдармы и рубежи.

— Рискуете жизнью, — по спине у Василисы прошёл холодок.

— Иногда и так. Там, где ты меня увидела — это остаток базы цивилизации керхеров. Они многое умели, их развалины представляют огромную ценность. К сожалению, нашу экспедицию нагнали завроиды. Это те хищные твари. Возле поселений их выбили, а в глубине пустыни, как видишь, ещё остались.

Что-то Василису царапнуло. Вроде бы в самом начале Глеб рассказывал, но зато в том зале механический голос говорил иначе? Спросить она не успела, Глеб всё понял сам.

— Ты вспомнила про Чумную плешь? Как и вирус, завроидов тоже создали зверлинги. Так их называем мы, самоназвание ты не произнесёшь. Это раса Чужих. Негуманоиды, они

сделали упор на биологию, и сто лет назад пытались выбить людей с Опала. Колония находится в очень важном секторе. Мы их победили, но следы войны остались. Та же Плешь или гадость, которую они вырастили в пустыне. Зато иначе мы бы не встретились.

Василиса поняла, что тема Глебу не очень приятна и поспешила перевести разговор на что-нибудь другое.

— Ты сказал, вас выпускают одна сотня в год. А всего получается тысяч пять? Это мало?

— Меньше, — вздохнул Глеб. — Мы рискуем, точнее... Процент поранившихся и погибших в первые годы. Сразу после училища, как у вас тут говорится, ты очень крут и тебе сам чёрт не брат. Нас берегут, нас доучивают... Но всё равно определённый процент отсеивается. Так что на всю колонию нас в среднем около трёх с половиной тысяч. Нет, не все военные, повторяюсь. После практики — её проходят кто где, например, я пошёл в корпус миротворцев, это что-то вроде вашей полиции — одни уходят в армию, других разбирают по разным службам. Мы отличные специалисты. И мы рассеяны по очень большой площади. Для примера в одном только городе живёт около миллиона человек. Плюс посёлки Первой полосы — это нечто вроде пригорода. Плюс дальние посёлки: фермы и шахты. Ну и пустынные — это те, кто живёт в пустыне в оазисах и Старшему координатору колонии подчиняются как бы формально, — Глеб усмехнулся. — А на деле живут сами по себе мелкими общинами и торгуют с городом. Мы начали заселять Опал не очень давно, и это самая удобная форма.

— Точно, — поддержала Василиса. — Как эти, американские пионеры на Диком Западе. Уехал, что освоил — то твоё. Частная инициатива...

Договорить она не успела. Глеб пристально поглядел в окно, что-то там высматривая, потом вскочил.

— Так, извини, я бегу. Там твоя мама. Пришла проверить тебя, я так понимаю.

Глеб, даже не надевая кроссовки, выскочил в коридор и умчался на верхний этаж. Василиса проводила его мрачным взглядом — ну точно как в анекдоте «муж вернулся из командировки». И сама торопливо принялась мыть тарелки и чашки: стол-то сервирован на двоих. Заодно девушка с опаской гадала, как мама себя поведёт. Сейчас придёт, увидит, что дочка купила сама себе продукты, ест не из общей кастрюли, а «демонстративно живёт отдельно». Раньше бы мать немедленно устроила скандал, постаравшись дочь «размазать по стенке». А теперь... все последние дни мама вела себя в меру спокойно, ругалась не больше «нормы» для обычной семьи. Виктор был прав, взбалмошная истеричка была маской, иначе мама не смогла бы уже который день вести себя настолько адекватно. Но история со «следилкой» на телефоне — наглядное доказательство, что надежду обратно подцепить мятежную дочку в свои коготки мама не оставила.

В субботу Глеб встретил Василису на обычном месте, но хмурый.

— Почему так рано? Если ты прогуляешь школу, твоя мама может выйти из вашего соглашения.

Василиса хитро улыбнулась — кажется, Глебу тоже нравится её встречать — и ответила.

— А меня официально отпустили. Я в кои-то веки сама вызвалась оформить им кое-что для школы. Но мне нужен материал для эскизов. Да не пугайся ты, я карандашом в блокноте рисовать буду, наброски. Зато место я могу выбрать любое. Завтра погода испортится, а

сегодня обещаю тебе зрелище не хуже водохранилища.

— И куда мы тогда?

— На автовокзал. Жаль, у нас тут электрички не ходят, ты наверняка в поезде никогда не ездил.

— Не ездил, и скажу больше — на самолёте не летал. У нас сплошь колёсный транспорт вроде машин, есть причины.

— Ураганы какие-нибудь?

— И не только. Смысла нет. Город расположен на скальном плато, там расстояния небольшие. А посёлки и оазисы в песках. Ты же видела лайнеры пассажирские? Читала, какая им полоса нужна? Запросто провалится, да и чистить постоянно, это уйму сил тратить после каждого самума. Проще на машине, тем более она не как у вас на бензине, а на специальных батареях. Очень ёмких.

Василиса кивнула: ну да, всё остальное тоже логично и понятно. Если у них, как говорит Глеб, ураганы — то лёгкие самолёты какой-нибудь санавиации тоже отменяются. Если расстояния небольшие, больного в городскую клинику проще по земле из дальнего посёлка доставить. Но тут подъехал троллейбус, и стало не до обсуждения транспорта. А на автовокзале тем более. Они уже взяли билеты и стояли на площадке ожидания, когда произошёл неприятный инцидент. Среди пассажиров был паренёк с небольшим барабаном в сумке — и к этому парню от нечего делать пристали пятеро гопников, то ли ждавших рейса, то ли просто скучавших рядом с вокзалом.

— Ну дай поиграть, пацан...

— Подожди меня, — Глеб в несколько шагов оказался рядом. — Граждане, что происходит?

Василиса ахнула. Сейчас рядом с компанией стоял самый настоящий полицейский! Мелочи в манерах, детали поведения. Никто на площадке, особенно гопники, ни на мгновение не усомнились: да, не на службе, скорее всего, выходной, но стоит именно сотрудник полиции, причём не ниже лейтенанта. И если он сейчас достанет удостоверение, а скандал перейдёт в официальную плоскость, то неприятности гопникам гарантированы. Шпану мгновенно как ветром сдуло. Парень с барабаном рассыпался в благодарностях. А Василисе стало как-то по-особенному приятно, когда Глеб к ней вернулся — такими восхищёнными взглядами на них смотрели пассажиры. «Пусть думают, что мы пара», — мысль была на грани дозволенного, но Василиса ей позволила остаться.

— Ну ты даёшь...

— Ничего сложного. Я же говорил, что практику проходил в корпусе миротворцев. Это что-то вроде аналога вашей полиции, но действует в пустыне. Там мне попадались крокодилы посерьёзнее, а не эта шушера.

Василиса кивнула, и всё равно всю дорогу смотрела на Глеба восторженным взглядом. А ещё небольшой ПАЗик набился пассажирами, и они стояли в самом центре салона со всех сторон окружённые людьми — Василису плотно прижимало к Глебу. И от этого всю дорогу с чего-то шумело в голове.

Вышли они на первой же остановке. Автобус, урча и пыхтя выхлопами, уехал. И сразу же Глеба и Василису окутали запахи листвы, мокрой травы, влажной земли и соломы. За спиной раскинулась деревня. А впереди — лесок и поля. В отличие от города, здесь осень уже даже близко не напоминала лето, все деревья давно поменяли свой цвет. В палитре всюду горели жёлтая охра, лимонный и оранжевый, багровый и бордовый, алый, малиновый.

Над головой в небе кружилась и кричала бесформенной кучей стая каких-то птиц. А чуть в стороне от леса до самого горизонта уходили поля. Ближние уже скошенные, они желтели от оставшегося после уборки хлеба жнивья. Но это ненадолго: если чуть дальше торопливо ещё трудился комбайн, то ближе к деревне по самому краю поля уже пошёл трактор, сменяя жёлтый цвет на цвет чёрной и свежей пахоты, жирной после ночного дождя. Но пока трактор сюда не добрался, в оставшихся после уборки урожая нижних частях стеблей деловито шныряла разнообразная живность, и прыгали крупные чёрные птицы, выискивая оставшиеся зёрна.

— Не может быть... — выдохнул Глеб. — Ты права, я и представить не мог, что что-то может стать красивее моря. На стенах купола проецируются изображения, чтобы не давило замкнутое пространство. Но настоящее... оно... нет слов, чтобы сравнить. Твой мир потрясающий. И ты потрясающая, раз догадалась мне это показать.

Рядом с Глебом все те придирки, которыми её изводила мама, всё новые и новые попытки вернуть дочку «под контроль», казались мелкими и не стоящими внимания. И не хотелось думать, что на совещании в гараже они вчетвером решили: надо тщательно подготовиться и сделать новую попытку, попробовать открыть дорогу обратно к Вратам. Там наверняка осталась Ирма, ей, возможно, нужна помощь. И тогда Глеб уйдёт, ведь хотя ему здесь, в живом и зелёном мире, нравится, у него есть обязанности дома: там ждут новостей про старую базу загадочных керхеров.

Всё обязательно так и случится, но потом — пока же Василиса про это старательно не думала, а наслаждалась моментом. Не мешало счастью и хорошему настроению даже то, что в школе Глеб-один не оставлял деликатных попыток сойтись с Василисой поближе, хотя она несколько раз его при всех отшивала. Да и мама вдруг заговорила про отношения в классе, упомянув «красавца и отличника». Дальше сложить всё получалось элементарно. Мать опять, как и в Ярославле, решила подыскать дочке «правильную» компанию. Родители «одобренного кавалера» тоже проверили, кто у Василисы папа, и какие потенциально просматриваются перспективы. Дали сыночку ценные указания. Ну и наплевать на них всех с их далеко идущими планами!

Четвёрка воздыхательниц поймала Василису как раз в середине двора, за которым её ждал Глеб. Окружили, отрезая путь к отступлению, прижали к росшим посреди двора кустам. Одна из девчонок выбила из руки рюкзак, который Василиса поленилась надеть, и отшвырнула в сторону. Конопатая толкнула в грудь растерявшуюся, ещё не остывшую от эйфории предстоящей встречи Василису, так что жертва больно ткнулась спиной в прутья кустов.

— Тебя, говно, о чём предупреждали? — тут же в бешенстве начала конопатая. — Ты с кем крутишь? Мы знаем, кто там тебя ждёт, видели! Сама скажешь? Или помочь?

— Вообще-то это наше дело, моё, Глеба и Андрея и мы сами разберёмся, — Василиса прикусила язык и похолодела: идиотка, они же про другого Глеба говорят!

— Ах ты!

Остальное произошло мгновенно. Обезумевшая от ревности заводила выхватила нож. Ткнёт она или пугает, проверять Василиса не стала, да и приключение в пустыне её изменило намного сильнее, чем она думала. Под кустами валялись несколько бутылок из-под водки. Василиса подхватила одну за длинное удобное горлышко и с силой ударила нападавшую по голове. Конопатая рухнула как подкошенная, остальные «мстительницы» с

визгом и воплями убежали.

Выдержки у Василисы хватило предупредить Глеба, чтобы не подходил и вообще не засветился. Заодно пусть сообщит Андрею: звонки с телефона наверняка будут проверять, так во всех фильмах показано и в интернете написано. Внутри же у Василисы всё оборвалось и опустело. Она дождалась приезда полиции и скорой помощи. Раненую погрузили и увезли. Хмурый дядька в синей форме осторожно сфотографировал лежавший на земле нож, упаковал, чтобы не стёрлись отпечатки. Заодно записал данные какого-то паренька, который гордо сообщил, что всё даже снял на телефон и готов передать запись... Василиса заметила, как лицо второго патрульного ненадолго сморщилось в брезгливой гримасе — записал, герой, но вмешиваться «благоразумно» не стал.

— Вам придётся проехать с нами, — старший обратился к Василисе, но вежливо. — Да не пугайтесь, девушка, не арестовываем мы вас. Нужны ваши письменные показания как пострадавшей.

В отделении Василису, уже немного «разморозившуюся», полный и немолодой следователь сначала заставил выпить кофе, чтобы успокоилась, и только потом начал разговор. Причём детали вытягивал профессионально. Василиса умудрилась не проболтаться, что Глеб-два на самом деле прищелец, зато всё остальное выложила как на духу. И что четвёрка пыталась её бить в первый день, и что к Андрею приехал знакомый, издали похожий на одноклассника, а Василису попросили показать ему город. Вот и обознались. Она как раз закончила читать протокол и расписалась «с моих слов записано верно», когда дверь в кабинет хлопнула, и вошёл ещё один полицейский в сопровождении Виктора.

— Привет, Женя. Вы закончили?

— Да, как раз отпустить собрался.

— Виктор, тогда забирай её, ноги в руки и тихо как мыши через служебный выход, — и пояснил. — Мать второй девчонки уже подсуетилась. И телегу накатала, и какого-то журналишку напрягла, на выходе ждёт с камерой. Шум поднять, «её дитяtko чуть не убили», черепно-мозговая.

— Про нож, конечно, ни слова? — скривился следователь. — И что тормозни эта девочка на пару секунд, в реанимации лежала бы уже она?

— Сам знаешь, кто первый настучал, тот у нас теперь и прав. Так что, Виктор, хватай её, и валите отсюда побыстрее.

— Спасибо, за мной должок.

— Да ладно, сочтёмся.

Совещание в гараже собрали вчетвером. Глеб сразу же схватил Василису в охапку и сел с ней на тахту, остальные заняли табуретки. Виктор сразу начал «выкладывать диспозицию».

— Первое. Я считаю, что ты сделала абсолютно верно. Лучше доказывать суду про меру самообороны, чем жаловаться ангелам на том свете. Второе. Меня удачно успели предупредить, у нас Владиком, это который со мной заходил, дела общие. На выходе из отделения нас не поймали, и нужной картинке не вышло, поэтому первый самый горячий сюжет мы им запороли. Но втапывать тебя в грязь будут основательно. Твоего отца обязательно постараются зацепить. Да, он без вопросов хороший человек, хороший специалист и я в курсе, чем именно он занимается. Но раскручивать будут тему, как ошалевшая от безнаказанности дочка богатого чиновника из ревности чуть не убила одноклассницу, — Виктор скривился. — Сейчас это модно, подхватят все кому не лень.

Остальное старательно обойдут. И нож, и какони тебя бить пытались. Так что будь готова заранее. Андрей, та история со впиской наверняка всплывёт. С тебя провести разъяснительную беседу со Стасом и остальной шоблой.

— А со мной посоветоваться не хотите?

Дверь скрипнула, и в гараж вошла женщина в брючном костюме. Невысокая, худощавая. Рыжина волос до плеча и острый курносый нос делали её чем-то походим на лису, но не злую из легенд, а улыбчивую добрую кумушку из русских сказок в адаптации для малышей. И возраст сходу не угадаешь, есть такой тип людей, которые одинаково выглядят и в двадцать, и в сорок. Разве что морщинки в уголках глаз выдавали: ей, скорее всего, больше тридцати.

— Анна Геннадьевна! — удивлённо воскликнул Андрей.

— Да вот вспомнила и решила проверить, как мой пациент...

Глеб прыгнул госте навстречу. Василиса не подозревала, что так можно: миг назад ещё сидит и обнимает — и уже летит с неизвестно откуда взявшимся ножом в руке, нанося удар.

— Какой умный мальчик.

Женщина мгновенно стала полупрозрачной, словно выточенной из глыбы чистого льда, кисти рук заструились синими языками пламени. Из кончиков пальцев выскочили длинные нити, оторвавшись от хозяйки, на лету перехватили Глеба и вернули на тахту. Приклеились к стене, не давая парню шевельнуться. Тут же нити осыпались синей пылью, но мгновенно собрались обратно, второй раз уже сплелись по несколько штук в жгуты и снова зафиксировали Глеба как муху в паутине.

— Умный мальчик с отличной реакцией и нюхом на опасность. Даже если голова ещё сама не понимает, в чём дело. И девочка у тебя талантливая.

— Кто вы? — Виктор сделал жест рукой, останавливая остальных: мол, как старший буду говорить я.

— Меня уже представили. Анна Геннадьевна, школьный психолог.

— Хорошо, тогда спрошу иначе: что вы такое? И не пытайтесь нас убедить как «профессиональный психолог», что у парня просто нервы расшатались, а у нас галлюцинация коллективная. Я скорее поверю Глебу и его чутью. Предлагаю сначала спокойно поговорить, раз уж вы к нам заглянули, да ещё не особо скрываясь. И отпустите Глеба, обещаю, он больше не будет. Вам чаю налить?

— Пожалуйста, — синие верёвки растворились в воздухе. Гостья вернула себе нормальный вид, не спрашивая разрешения, взяла с полки ещё одну табуретку и села. — И чаю не надо, не обижайтесь, не люблю мусор из пакетиков. Я — джинна. Встречный вопрос. Как давно вы, Виктор, знаете, что эта девочка ваша племянница?

У Василисы внутри всё оборвалось и рухнуло, в глазах потемнело и в голове зашумело. Глеб тут же её обнял, а потом прямо при всех и, не стесняясь, поцеловал. Крепко, чтобы губы ощутили губы, а язык ощутил язык. Виктор сунул ей в руки кружку с тёплым и сладким чаем, заставил выпить. Убедившись, что в обморок девушка падать больше не собирается, вернулся на своё место и соизволил ответить:

— Сами понимаете, развод и возвращение Нади я просто так пропустить не мог. Но достать материалы суда, особенно когда по просьбе сторон процесс шёл в закрытом режиме — дело не очень законное, достаточно сложное и потому долгое. Пришлось изрядно напрячь свои связи. Когда Андрей притащил девочку ко мне первый раз, я ещё ничего не знал. Только услышав фамилию и адрес, сообразил, чья это дочь. А материалы по суду получил

как раз в день, когда к нам провалился Глеб. Этим я тогда твою мать и пуганул, чтобы она тебя не доставала. Я сообщу тебе и остальным по всему городу результаты экспертизы отцовства и настоящую причину развода. Василиса, и не обижайся, пожалуйста, на своего отца. Он на самом деле очень хороший человек. Да, сейчас он поступил глупо и неправильно. Но отец в первую очередь это тот, кто тебя воспитал, поэтому всё-таки, несмотря на генетику, твой отец именно он. Вы обязательно должны помириться.

— Когда рядом такой замечательный молодой человек, — рассмеялась джинна, словно по гаражу покатались звонкие хрустальные колокольчики, — всё возможно. Но прежде чем я озвучу то, с чем я к вам заглянула, попрошу этого молодого человека тоже быть откровенным. Тебе ведь нравится Василиса? Как девушка нравится.

— Да.

— Тогда не стоит ей врать. Я и в самом деле школьный психолог и очень много работала с подростками. Так вот, послушай совет. Если ты и дальше будешь отмалчиваться и врать, ничего хорошего вашим отношениям это не принесёт. Пока Василиса готова всё выслушать именно от тебя — рассказывай. Не жди, пока она узнает от другого. Ты давно сообразил, что это не прошлое.

— Да.

Глеб вздрогнул, закаменел. И тут Василиса решилась. Обняла его и крепко поцеловала. Первая. А потом обняла, причём так, чтобы её рука скользнула под рубашку Глеба, и ладонь касалась кожи, а не через ткань. Глеб обнял девушку в ответ, причём и его рука, не думая о приличиях, скользнула под ткань блузки, обхватив за талию.

— Совершенный солдат не может быть безмозглым исполняющим приказы орудием. Будущим Псам преподают в том числе и историю. Хорошо преподают. Вы очень близки к нам, но у нас весь двадцать первый век доминировал континент по ту сторону океана. Здесь же по миру — паритет сил. По планете сначала ударит глобальное потепление, потом, когда его остановят, окажется, что начинается похолодание и новое оледенение. Общество наиболее технически передовых стран на той стороне океана у нас расколосось надвое. Одни начали настаивать на остановке технического прогресса, корректировке собственной природы и приспособлении к окружающей среде. Другие имели резко противоположный взгляд. Первые — это предки зверлингов, они уже тогда на людей походили довольно отдалённо. Вторые, обожествляющие прогресс и технику, стали керхерами. Технократы изобрели привод Шермана и решили бросить гибнущую Землю. В конце двадцать второго века началась эвакуация, громадные корабли-ковчегии. Но сбежать в одиночку и бросить своих противников им не удалось. До того как гиперворота были взорваны, сквозь них успели пройти и зверлинги.

— Ты — человек, — уточнил Андрей. — Сам говорил, что вы с ними воевали, да в Америке говорят по-английски, а не по-русски.

— Да. Мы, если так можно сказать, вторая волна колонизации. Или первая настоящая? На Земле человечество вымирать отказалось. Страны третьего мира, которые не брали в расчёт, и чьё население бросили во время бегства. Север Евразии стал новым центром возрождения, отсюда мой язык как дальний потомок вашего. Два столетия спустя после бегства керхеров и зверлингов был создан привод Грушевского, у которого нет побочных эффектов Шермана: чем дальше прыжок и чем больше масса перехода, тем сильнее для точки выхода искажения пространства-времени. Представьте себе резинку, которую сильно растянули, а потом отпустили — это закрылись гиперворота — и она вторым концом дала

по пальцам. Результат того первого броска с Земли вышел чудовищный. Для нас прошло три столетия, для них из-за искажений несколько тысяч лет. Зверлинги и керхеры оказались заперты в одном и том же скоплении, продолжили свою войну, в которой не смог одержать верх никто. Война всё дальше уводила их от хомо, но пользоваться гиперприводом они теперь почти не рисковали. С учётом релятивистских скоростей и чудовищных затрат на войну, прогресс шёл очень медленно. Обнаруженное наследие вершителей тоже не пошло на пользу. Готовые технические решения без научной базы. Керхеры и зверлинги начали их активно применять, сами не понимая, для чего изначально всё это предназначалось: результат же есть, так зачем стараться? В итоге аналог привода Грушевского они изобрели поздно. Лишь после этого и сумели выбраться в остальную Галактику. Все три народа столкнулись примерно на одном техническом уровне.

— А вы? — уточнил Виктор. — Какое место во всём этом занимаете вы?

— Самый важный вопрос, — грустно ответил Глеб. — Привод Грушевского тоже имеет свои проблемы. С увеличением расстояния броска падает точность. Есть риск, что на выходе ты можешь оказаться в центре звезды или вмурован в планету. Проблему решают с помощью стационарных маяков наведения и строительства порталов, через которые могут путешествовать корабли даже без автономного двигателя. Но чтобы всё это поставить, сначала надо добраться до точки финиша. Цепочка бросков. Расход энергии, цена, промежуточные базы заправки. И тут была предложена гениальная идея. На приводе Шермана уходит автоматический корабль-робот. В дежурном режиме висит три-четыре столетия, пока вокруг рассосётся хроноклазм. Дальше активирует маяк. Ушло несколько экспедиций. Опал должен был стать форпостом человечества. Богатый минеральными ресурсами кислородный мир с совместимой органикой. Мир-пустыня, но под морем песка скрываются моря пресной воды. Сначала построить эко-купол, под защитой которого будет замкнутая земная биосфера. В перспективе — полное терраформирование планеты.

— Идея пришла в голову всем одновременно, — Виктор даже не спрашивал, а уточнял.

— Мы и керхеры выслали маяки, зверлинги попросту перехватили сигнал. К планете вышли три супетранспорта. Огромный колонизационный ковчег выныривал в обычный космос и тут же садился — удержать такую махину хотя бы на орбите, причём сразу после прыжка сквозь гипер, невозможно. Но какое-то время мы не подозревали друг о друге. Потом зверлинги атаковали керхеров, и выяснилось, что нас много. Почти сразу мы атаковали маяк противника, керхеры наш — и, к сожалению, обе атаки успешно. Связь с метрополией оказалась потеряна. Сначала мы заключили тактический союз с керхерами против зверлингов, потом вцепились друг другу в глотку. По официальной версии, армия керхеров целиком попала в ловушку. Они прохлопали старт «аннигиляторов» — это гиперзвуковые стратегические ракеты с ядерными боеголовками. Разворотили уже пустые стартовые столы. При этом вокруг пусковых были упрятано две трети всех оружейных точек, бункеров и башен ПВО. Ради этого рискнули оголить Город. Вражеских солдат сожгли в огневом мешке. Колония чужаков огнём ядерных взрывов превратилась в огненное озеро жидкого песка. Но тогда, в первый день, я соврал. Маяк восстановить невозможно. Мы — потерянная колония. И мы вырождаемся, война съела очень много ресурсов. Космос уже потерян: последний спутник сгорел в атмосфере в год моего рождения. Новых не запускали втрое дольше.

— Не отвлекайтесь, молодой человек, — строго поправила джинна. — Не уходите в сторону от главного.

— Хорошо, прошу прощения. Мы получили информацию, что сохранилась одна из баз керхеров, промышленность которой поможет нам вырваться из замкнутого круга нехватки ресурсов. Ирма была наследием эпохи войны: её биологические параметры идеально подходят, чтобы обмануть искусственный интеллект ядра керхеров. Подключиться к нему и перепрограммировать. Для этого и шла наша экспедиция. Попав сюда, я очень быстро убедился, что вы — это не прошлое, а параллельный мир, который расходится с нами по времени. И не только из-за разницы в истории начала двадцать первого века. Василиса — аналог Ирмы, они идентичны внешне и по возрасту. Андрей — здешний аналог её бывшего напарника, его звали Андрис, тоже сильно похож. Он погиб по дороге к Вратам керхеров. Виктор внешне один в один мой прошлый командир и начальник нашей экспедиции майор Вихтор Гладов. Из-за моего здешнего аналога у Василисы были сегодня неприятности.

Джинна захлопала в ладоши, потом осуждающе посмотрела.

— Bravo, молодой человек. «Просто солдат, который умеет лишь стрелять». Я как педагог со стажем восхищена твоими учителями. Ты рассказал всё правильно, всё по делу. Всё точно. И при этом обошёл все деликатные моменты. Начиная с того, кто ты на самом деле и как оказался возле ядра колонии керхеров. И заканчивая тем, что за девочкой ты поначалу ухаживал из делового интереса. Да-да, когда вы вернулись из Чумной плещи, он сообразил мгновенно, как ему использовать ситуацию в свою пользу. Ты девочка домашняя, если тебя правильно обработать... — Глеб дёрнулся, сжался, но Василиса его не отпустила. — Не осуждай его девочка, у него и в самом деле были веские причины, правда? Я пока лечила, уж извини, посмотрела твою память. И я предлагаю ему всё-таки дать шанс, потому что в итоге он остановился. Не стал манипулировать тобой до конца, добиваясь нужного результата обманом. Он в тебя тоже влюбился, правда? Рассказывай. И пусть Василиса сама принимает решение. Но честно.

— Хорошо. Ирма — это прозвище появилось потом. На самом деле её звали Лада. Точнее, Владислава, но полного имени она никогда не использовала. И первый раз мы встретились...

К биозащите в Городе относились достаточно серьёзно, соблюдая придуманный ещё на Земле порядок входа и выхода. Пусть уже лет сто как в этом, на взгляд Глеба, не было никакого смысла. Люди на Опале давным-давно стали своими, им, в отличие от колонистов первых поколений, давно не требовался комплекс прививок от местных бактерий. Но инструкции первопоселенцев всё чаще приобретали чуть ли не сакральное значение священных книг, в которых нельзя изменить ни одной запятой. С учётом общего падения уровня образования техперсонала, это, возможно, имело смысл. И всё равно глупости вроде муторного внешнего шлюзования раздражали. Наконец медленно опускавшаяся гермодверь наглухо перекрыла бетонный коридор, отрезая его от Города. Завязанная на системы экокупола вентиляция тоже отключилась, температура в выходном бункере росла всё быстрее. Бронепехотинцы один за другим захлопнули забрала. Территориальной милиции скафандры с кондиционированием не полагались, только бронежилеты, шлемы и песчаные очки. Опытные солдаты заранее полностью избавились от мундиров, надев бурнус и амуницию прямо на голое тело. Теперь ухмылялись, глядя на новичков из недавнего пополнения, переодеться не сообразивших.

Глеб сейчас командовал ротой «территориалов» — пару месяцев назад майор решил, что ему пора набирать опыт руководства, но в упрощённый комплект никогда не «переодевался». Включив круговой обзор, он заметил, как один из новичков посмотрел на своего лейтенанта с неприязнью и, думая, что со спины его не видно, пожаловался сидевшему рядом «на броне» сослуживцу:

— Этому хорошо, пока мы тут варимся.

У пожилого соседа сегодня было на редкость благодушное настроение — Глеб знал, что вчера его сыновьям тоже подтвердили не просто вид на жительство в пределах первой полосы, а расширенную форму с правом работать внутри купола. Получив наследственное гражданство приграничного пояса, можно помечтать, что у внуков появился хоть небольшой, но шанс перебраться уже в Город. Поэтому обрывать молоденького солдатика мужик не стал, наоборот решил объяснить.

— Ты скажи, сопляка командовать поставили.

— А чего, дядько Богуслав? Ему девятнадцать всего...

— Дубина ты. Пёс это. Он даже без брони как половина нашей роты стоит, а уж и броне... Считай, если припечёт, он наш шанс, что вернёмся живыми и с руками и ногами. Я когда узнал, что господин Гладов вместо Вагнера, упокой Господь его пьяную душу, этого поставил — не поленился в храм сбегать, благодарную свечку поставить.

Глеб посмотрел на таймер, бежавший по краю монитора на забрале: внешние ворота поднимутся через тридцать секунд.

— Рота, готовность один.

Трое новичков не среагировали.

— Шесть, — обратился Глеб по выделенному каналу. — Возьми на себя пять-пять, пять-семь и пять-восемь.

Бывалый солдат сообразил немедленно. Отвесил оплеуху сидевшему рядом парню, матом приказав ему больше не болтать, а соблюдать инструкции и устав и не отключать гарнитуру — подумаешь, на время шлюзования она неприятно свистит в ухо. Потом

проделал то же самое с остальными недотёпами, подкрепив напоминание физическим воздействием. После чего приказал всем троем держаться рядом, не отходя ни на шаг, и продолжил объяснять молодым солдатикам про их умственные способности. Его слова заглушили громкие гудки сирены, а подстраивать микрофон, чтобы отфильтровать шум, не имело смысла: Богуслав не впервые натаскивал новобранцев, каждый раз перед первым рейдом рассказывая им какую-нибудь из страшилок про тех, кто правила соблюдает не до конца.

Стальные ворота дрогнули и стали раскрываться, показывая ослепительную белизну пустыни. «Вперёд!» — прошла по общему каналу команда. Двигатели заработали на полную мощность, и бронемшины двинулись. Первыми выскочили два десятка шустрых багги разведки, потом десант штурмовиков и взвод поддержки, за ними заслон — поэтому роте Глеба в парилке шлюза торчать пришлось дольше всех. Дохнуло жарой, но пока они оставались в тени похожих на изломанные крылья гор, пекло не так сильно. Всё равно кто-то из ветеранов начал ворчать и поругивать свою судьбу и начальство, вновь отправивших их в пекло. Зелёное пополнение оторопело смотрело по сторонам и опасно поглядывало на командира, ведь руководство Города ругать — можно и штраф схлопотать за оскорбление власти. Глеб мысленно рассмеялся. Пареньки ещё не сообразили, что здесь, в пустыне, совсем иные правила и хозяева, а самые суровые и сильные владыки — жара и жажда. И плевать солдатам во время рейда, что на указы Старшего координатора, что на династии начальников отделов. А ругаются они из традиции и по привычке. Вдобавок пока отряд ещё находился в пределах досягаемости ракетных батарей и орудий Города. Вот когда они покинут оборонительный пояс, упичканный бункерами, сохранившимися противоздушными башнями и батареями, и проскочат спуск с плато — вот тогда можно начинать бояться пустыни и трястись за сохранность своей шкуры.

— Разведка вперёд! Сброс нечётных птиц. Змеи сброс точка альфа.

— Слишком рано, господин майор, — прозвучало по офицерскому каналу. — Нам надо торопиться.

Глеб поморщился. Приданная им тыловая крыса-порученец из канцелярии начальника отдела логистики с первой же минуты пытался влезать в цепочку командования, хотя не имел на это никаких полномочий и потому маскировал свои указания под советы и просьбы. Но Гладов был одним из наиболее добросовестных и грамотных офицеров Пустынной бригады, и хотя в скором времени надеялся на повышение по службе и перевод в штаб, не собирался по-глупому рисковать жизнью своих подчинённых ради прихотей важной шишки, но далеко не своего непосредственного начальника.

С передовых бронемашин поднимались в воздух нечётные номера беспилотников. Надолго ёмкости батарей им не хватит, и зарядить в пустыне их негде, на остаток маршрута придётся число наблюдателей сокращать до минимума. Но Вихтор прав: если устраивать засаду, чтобы отсечь идущее на помощь подкрепление, то делать это надо именно сейчас. Пока они только-только покинули простреливаемую батареями зону, и не выветрилось ложное чувство безопасности. Тогда мины поставят тоже сейчас.

Колонна проехала мимо остатков укреплений, оставляя позади противотанковые рвы и траншеи, взорванные бункеры и сплавленные орудия — позаброшенное наследие войны. Энергию экономили, и кондиционирование в десантных отсеках не включали. Не имевшие автономных скафандров пехотинцы-территориалы выбирались на крыши и ложились за смонтированными вдоль бортов вертикальными бронеплитами. Сверху тут же натягивали

крышу из ткани. Ветерок, вызванный движением, приносил заметное облегчение. Некоторые пили воду, но делали это экономно, понемногу. Все, конечно, были готовы вступить в бой — но опыт показывал, что даже когда идёшь как сейчас, на подмогу попавшему в засаду каравану, тебе ничего особо не грозит. Мало на свете идиотов, готовых сцепиться с Пустынной бригадой, когда машины под завязку забиты энергией и боеприпасами, а люди свежие и донельзя злые после закончившегося отпуска. А вот во время возвращения, усталые и с половиной боекомплекта, особенно когда в колонне будут медленно ползти до отказа набитые транспортёры, с полным грузом они станут лакомым кусочком. Вот тогда запросто случится настоящая мясорубка.

— Господин майор, в засаду попали сразу два конвоя. Мы можем лишиться четыреста пятьдесят грузовых транспортёров сразу.

Глеб подстроил оптику. Тыловик бронёй пользоваться не умел, потому в рейде напяливать на себя скафандр не стал. В остальном строил из себя крутого пустынного мачо. Напялил каску, бронежилет и не захотел «трусливо» отсиживаться в салоне штабной машины, а вылез на верхнюю открытую площадку. Сейчас, отключив связь и горячо жестикулируя, он явно пытался убедить Вихтора поторопиться. Майор на очередное нытьё порученца не отреагировал никак. Но беспилотники не нашли ничего подозрительного, а потерять четыре сотни грузовых машин одновременно — это много. Придётся рисковать.

— Отменить сброс змей. Полный вперёд.

Из-под колёс полетели пыль и мелкие песчинки, заставляя солдат чихать и срочно натягивать маски и пустынные очки. На следующий пригорок они взбирались уже на скорости в сто пятьдесят километров.

— Почему опять замедлились?!

— Змей на трассу.

Багги уже сбавляли ход, и из них вываливали песчаных змей. Зверюги легко размножились в неволе и имели очень примитивный мозг, легко дрессировались двигаться по командам от вживлённых в мозг электродов. А ещё при движении они раздувались шлангами до полутора метров в ширину и создавали такую вибрацию пополам с тепловым излучением, что от этого срабатывала любая мина, которую были способны изготовить пустынники. Правда, ползли они не слишком быстро, движение это замедляло страшно.

Раздался взрыв, и тут же пустынные ублюдки собрались покрошить городских. И совершили ошибку: подорвалась змея, а не передовая машина. Глеб увидел клубы дыма от стартовавших примитивных неуправляемых ракет. Но все броневики оставались целы, никаких брешей в радарном куполе и в ПВО не возникло. Застучали зенитные пушки заставляя ракеты вспухать чёрными дымными разрывами ещё на подлёте, а осколки сыпаться на головы нападавшим. Округу заволокло поднятыми песком и пылью. Тут же заговорили дальнобойные винтовки бронепехотинцев и пулемёты машин. Новички, как заметил Глеб, испуганно залегли вдоль вертикальных бронеплит, тоже готовясь стрелять. Никто из ветеранов-территориалов не пошевелился. В окружавшей их туче обычная оптика бесполезна, даже если хватает дальнобойности. Стрелять пока могли исключительно те, кто в состоянии подключиться к общей боевой сети группы, отправлять туда данные и получать целеуказания от радаров.

Их пытались атаковать ещё дважды. Один раз пришлось пожертвовать змейёй и минут двадцать выбивать засевших в развалинах у самой дороги боевиков. Если бы дураки просто отступили, их бы никто не стал преследовать, время было сейчас дороже. Но когда засаду

обнаружили, бандиты решили, что всё потеряно, и дрались с отчаянием загнанных в угол крыс, поливая дорогу из пулемётов. Гладов же здраво рассудил, что проще идиотов пристрелить, чем потерять час на объезд участка зыбучих песков. Если сойти с трассы, по обочине лёгкие багги ещё прошли бы, но десятитонные броневики уже нет. Не обращая внимания, просто проскочить мимо — шальные пули могли стоить жизни его солдатам. Второй раз, не жалея боеприпасов, подозрительное место ещё издали накрыли системой залпового огня, потом кучно обстреляли из орудий. Прошедший следом беспилотник сообщил, что живые там остались, но продолжать бой они не в состоянии. Колонна, не замедляясь, проскочила дальше.

Первым сигналом, что батальон добрался до места, стал подбитый беспилотник, летевший на километр впереди отряда. Переданная им в последние секунды жизни картинка заставила Глеба скривиться. В первые годы освоения здесь был крупный населённый пункт под названием Сухой брод и одновременно транзитный узел. В посёлке дорога от Города расходилась на рудники и ещё в десяток поселений. После войны из всех дорог функционировать осталась лишь одна, руководству колонии Сухой брод оказался не нужен, и его вычеркнули из списка официальных поселений. Но люди тут жили ещё долго, пока несколько лет назад окончательно не отказала скважина. Теперь от Сухого брода остались только присыпанные песком руины — но достаточно крепкие, а не полные развалины. Конвои прижали на другой стороне посёлка. Враги, скорее всего, рассчитывали атаковать подкрепление среди развалин и втянуть его в городской бой на своих условиях. Тогда шансы на победу у них будут.

Гладов не стал прорываться к конвою по кратчайшей. Прикрываясь от огня установленных где-то в посёлке миномётов остатками выжженных ещё во время войны противоздушных башен, батальон начал обходить развалины слева. И вдруг колонна резко затормозила, спрятавшись за дымовой завесой, выпустила змей. Те ринулись вперёд, изображая обходной манёвр, и начали подрываться на минном поле. На оборонявших передовые позиции пустынников обрушился огонь артиллерии. Штурмовой отряд бронепехоты, невидимый за пылью, очистил подступы, затем убийственным огнём в упор вымел с укрепленных позиций первую линию оборонявшихся. И сразу же одна за другой бронемашины широким веером вошли в развалины, на ходу сбрасывая десант.

От середины посёлка, несмотря на помехи, удалось поймать сигнал с конвоя. Зажали их грамотно. Пользуясь тем, что огромные и тяжёлые транспортёры, съезжая с трассы, вязли в песке, бандиты взорвали мину под последним из грузовиков, заблокировав дорогу к отступлению. А спереди — лабиринт из развалин. Командир сопровождения в ответ занял круговую оборону, по внешнему периметру расставив грузовики с рудой и полуфабрикатами металлов: прочные стенки, вдобавок усиленные литыми чушками, были способны выдержать попадание любого снаряда.

Пустынники держали оборону, и сами контратаковали. На последней трети посёлка они создали настоящую полосу укреплений, и это под носом у регулярно проезжающих конвоев! Наверняка смотрели на мелочь из трёх-четырёх десятков транспортёров и ждали большой куш. Штурмовики, попав под огонь пулемётов и миномётов, отступили. Артиллерия стала бить по вспышкам, но это не принесло никакого результата. И тут майор вывел свой последний козырь. Когда-то в состав каждой тактической группы бронепехоты входили огнемётчики, прозванные «летучими мышами» за то, что крупные наплечники, специальный шлем, способный видеть даже в условия пожаров, и баллоны за спиной делали их похожими

на древнее земное животное. Сейчас, когда давно не надо было выжигать из почвы остатки живых построек завроидов или отбивать атаки москитных микророботов керхеров, «огненные мыши» считались дорогим излишеством. Но майор Гладов был иного мнения, и имел возможность настоять на «правильной» комплектации своего батальона. Прячась за развалинами, шестеро «мышей» подобрались к вражеской обороне. Под прикрытием огневого вала артиллерии вышли на рубеж атаки и пустили в ход огнёмёты. Сначала позиции бандитов накрыло пламенеющее облако с температурой «всего» четыреста градусов, затем смесь пошла плотной струёй с температурой в несколько тысяч градусов. Смесь имела свойство прилипать к любой поверхности. Горела вместе с любой вещью, на которую попадала. И этот огонь нельзя было погасить ничем, ни водой, ни песком, ни пеной, ни противопожарными газами.

Как один из офицеров, Глеб вынужден был присутствовать на встрече с руководством конвоя. Командир охраны был старым волком пустынных боёв, а вот второй, щеголявший безумно дорогими сапогами из натуральной свиной кожи, рубашкой и штанами из хлопка и пробковым шлемом, был явно чьим-то сыном, поставленным папиком на необременительную должность. И сейчас брезгливо смотрел на солдат. Пустынная бригада! Ну ладно, офицеры по большей части в скафандрах. Но чтобы остальные бойцы из одежды имел на себе только бурнус и тюрбан плюс бронежилет? Позор! Солдаты глядели на начальника каравана «морда кирпичом», но в глазах читалось презрение. Попробовал бы этот хлыщ проделать дорогу не в кондиционируемой кабине, а заодно ещё побегал бы под плотным огнём.

— Господин майор, вы, кажется, допускаете ошибку. Мы погибали для того, чтобы доставить груз в Город, а вы разрешаете его грабить?

Видно было, как командир охраны еле сдержался, чтобы на этом «мы» не выругаться. Промолчал, ему с «начальничком» наверняка ещё не один рейд делать. Офицеры и солдаты батальона открыто начали ухмыляться, хорошо хоть не захохотали. Майор Гладов остался бесстрастен.

— Господин Плоскин. Две машины разбиты, я буду вынужден утилизировать груз. Сами понимаете, контейнеры нарушены, их доставка ставит под угрозу биозащиту города. Завтра мы с вами оформим акты и всё сожжём. Или вы хотите всё-таки взять на себя ответственность и перегрузить контейнеры на уцелевшие машины?

Начальник каравана посмотрел с бессильной яростью. Выращенные «на грунте» продукты по вкусу были лучше гидропоники эко-купола, на которой вдобавок временами сказывалось неидеальное качество труб и удобрений. Выращивать под куполом животных на мясо вообще выливалось в сумасшедшие деньги — потому в Городе собственное мясо было исключительно синтетическое. Когда-то, пока колония развивалась и могла себе позволить смелые проекты, в Озёрном расширили естественный выход из подземного моря на поверхность. Крохотное солоноватое озерцо с чахлой рощицей превратилось в большой оазис. Люди там жили смелые и трудолюбивые, год за годом расширяя орошаемую территорию и отвоёвывая у пустыни новые поля.

Конкуренции с фермами Озёрного городские продукты не выдерживали. Но согласно всё тем же протоколам биозащиты, контейнеры с едой проверялись и опечатывались перед погрузкой. С повреждённой пломбой ввозить под купол нельзя ни грамма. Этим пользовались, в каждом рейсе с каждого транспортёра один-два контейнера «уплывали

налево» как повреждённые и уничтоженные. Естественная убыль при транспортировке. Сейчас этот лощёный хлыщ наверняка специально подзадержал несколько отправок. Мол, крупный единый конвой обойдётся дешевле с охраной, на деле же рассчитывая положить в карман изрядный куш. А теперь из-за нападения продать удастся только груз с по-настоящему разбитых машин, не прибавив ни грамма сверху. Вычесть ту часть продуктов, которая уйдёт солдатам, добавляя популярности майору. Определённую сумму придётся отстегнуть своему начальству, иначе оно «прозреет» насчёт незаконных схем. И даже если завтра майор не потребует своей доли в доходах за акт по утилизации, от первоначальной суммы в карман упадут сущие гроши.

— Господин майор, там трупы доставили. Вам стоит взглянуть.

— Господин Плоскин, я так понимаю, с вашей стороны вопросов нет?

— Нет, — как от порции кислятины сморщился чиновник.

— Тогда господа офицеры, прошу за мной.

Хотя до Города осталось недалеко, но езда в темноте растянутой цепью грузовых машин и в обычных рейсах была достаточно эффективным способом самоубийства. А сегодня часть бандитов могла уйти и запросто, хотя бы из мести за поражение, на обратной дороге попробовать обстрелять караван. Грузовики окружают кольцом постов и до утра организуют лагерь. Трупы уже начали упаковывать, пока не завоняли: бросать качественную органику озёрные не собирались. Повреждённые машины наспех залатают, чтобы они могли налегке добраться обратно, заодно доставят домой органику. Несколько погибших своих похоронят в посёлке, чтобы их прах удобрял растущие возле домов деревья. Бандитов кинут в общую переработку и отправят на поля.

Шесть тел разной степени сохранности положили отдельно. Один из лейтенантов негромко ругнулся, Гладов промолчал, хотя и нахмурился, лоб испещрили морщины. Спины погибших украшала татуировка вставшего на дыбы медведя. Знак, что это мужчины из селения Пустынного хана. Прозвище повелитель пустыни этот человек носил не просто так: начинал он с небольшого оазиса, теперь же ему платили налог больше половины живущих в песках. Город его дела не касались, Хан городских тоже не трогал — ему хватало пустыни, где он пытался создать подобие настоящего государства со своими законами. И вот дерзкое нападение на караван. Но в подлинности татуировок можно не сомневаться, никто, даже самый безбашенный пустынный, не рискнёт нанести такой рисунок, не имея на это права. И помогать рисовать откажется.

Что-то Глеба насторожило. Он заставил броню отснять каждую из татуировок, потом подключился через биопроцессор и попробовал наложить рисунки друг на друга. Совпадение от восьмидесяти пяти до девяноста четырёх процентов.

— Командир, — Глеб вызвал майора по индивидуальному зашифрованному каналу. — Нам сунули фальшивку. Я сейчас прогнал татуировки через анализатор. Их наносили машинным способом. Совпадение почти полное. Нападение заказывали из Города. Пустынный хан тут ни при чём.

— Значит, свои... Плохо, — Глеб выразился бы покрепче, но сути дела это не меняло. То ли караван, то ли их батальон втянули в политику, причём по масштабу интрига была на уровне кланов начальников отделов. — Лейтенант. Отыщите вот эту девушку, — на интерфейс брони тут же пришла фотография. — Её должен был встретить порученец начальника Тоцкого, но этот дурак словил пулю. До возвращения обеспечить её безопасность. Приоритет задачи — первый.

— Так точно.

Нужная девушка нашлась возле одного из грузовиков. Шестнадцать-семнадцать лет, очень хороша, красоту не портила даже короткая стрижка. А ещё она стопроцентно родилась и выросла под эко-куполом, с детства контроль наследственных болезней, присмотр врачей и нормальное питание. Сопровождал её крепкий парень. Нос картошкой, круглое лицо простое, бесхитрое — легко обманешься, посчитав парня за глупого дурачка. Судя по татуировкам, родился парень в одном из поселений на плато, но за пределами внешнего городского пояса, и успел сменить несколько банд. И то, что его принимала новая сильная банда взамен старой, а теперь он явно вообще живёт одиночкой и работает сам на себя, говорило — этой показной глупостью лучше не обманываться. Парень умен и опасен как завроид.

— Владислава?

— Лада, — поморщилась девушка. — А это мой напарник Андрис.

— Лейтенант Глеб Каховский. Ваш встречающий тяжело ранен. Вместо него назначен я. Я же отныне буду отвечать за вашу безопасность. Прошу за мной, ночевать и ехать до города вы будете вместе с моей ротой.

Сапёры обшарили местность и признали её безопасной, так что Глеб с удовольствием снял броню и теперь сидел, наслаждаясь ночной прохладой. Не занятые в караулах солдаты набрали в развалинах высохших колючек и жарили эскалопы на костре. Богуслав приготовил какой-то несказанно вкусный суп из продуктов, добытых в разбитых грузовых машинах. Несколько парней после ужина растворились в темноте. Работа на полях была физически крайне тяжёлой, поэтому фермерство считалось мужским делом — грузовики в основном водили женщины, среди которых встречалось немало молодых. А к внебрачным детям озёрники относились спокойно, лишь бы отец был генетически здоров. Например, как солдат из-под эко-купола или поселения Первого пояса, где имелась современная медицина. Лада осталась у костра, а вот Андрис, вопреки предположению Глеба, ушёл искать чьей-то благосклонности. И тоскливый взгляд, который он перед этим бросил на напарницу, Глебу очень не понравился.

Пахло дымом и мясом, пробуждая к жизни какие-то совсем уж дремучие воспоминания из далёкой памяти предков. Трещали сторающие ветки, играло золотисто-багряными язычками пламя, искры поднимались ввысь, словно хотели забраться в чёрное небо и остаться среди созвездий, но гасли на середине пути. И от этого небо казалось чёрным стеклом, непроницаемо закутавшим Опал, звёзды оттуда смотрели на человека зло и насмешливо: больше вам не разбить нашего уединения грохотом космических кораблей. Отныне ваш удел коротать ночи в пустыне, царстве голых скал, развалин и песка. Наваждение захватило Глеба. Давно, с самого детства с ним не случалось вот так хандрить, глядя на пустое звёздное небо. Стараясь отогнать морок, он заговорил с Ладой:

— Ты родилась в Городе. Но не осталась.

— Не хочу про это говорить. Я не против поболтать, но с условием. Почему я ушла — не спрашивать.

— Хорошо. Ты посмотрела мир...

— Ну да. Была чуть ли не в половине посёлков. Даже к Пустынному хану разок заглядывала.

— И как?

— Везде одинаково. Люди живут в старых бункерах, жрут всякую дрянь из пустыни, воюют друг с другом и с пустыней. Полная безнадёга, зато нескучно.

— Холодает, — Глеб накинул девушке на плечи кусок светоотражающей ткани: она не пропускала жару, потому хорошо подходила и в холод. — И не беспокойся, копать яму, чтобы переночевать, не придётся. Найду место в тёплом отсеке нашей машины.

— Спасибо. Майор приказал не простудить ценный груз?

— А разве я не могу сделать приятное красивой девушке? Просто так.

Про себя же Глеб отметил, что не в этой ли парочке, точнее, в Ладе, причина сегодняшнего боя? Курьер, который что-то везёт. Но что при ней может быть настолько важного, чтобы затратить по-настоящему огромные ресурсы? Не просто найти подходящую банду и вооружить, а пообещать им нечто ценное, ради чего они будут рисковать и драться настолько отчаянно. А уж за участие в попытке подставить Пустынного хана — цена вырастет в разы за один лишь риск попасться с фальшивой татуировкой. Правда, был ещё вариант продать вождям что-то из боевой химии эпохи Войны. Это объяснило бы ярость берсеркеров и страх перед ломкой, если не дадут новой порции — но тогда в тканях трупов останутся следы, которые однозначно выведут на Город. Заказчик не боится?.. Вопросы, и ни одного ответа. А Глеб не любил, когда его «играют» втёмную. Даже если это Вихтор.

— Скорее я поверю, что ты выполняешь приказ командира доставить в целости и сохранности.

— Одно другому не мешает. Да не напрягайся ты, — Глеб удивился мелькнувшему в глазах отвращению. — Не собираюсь я за тобой ухлёстывать и тащить потрахать в темноте. И зря ты обижаешь Андриса.

— Я? Обижаю?

— Да. Ты считаешь его напарником, но трахаться он ходит к другим. И при этом он хочет тебя. Пока я за вас отвечаю, хочу быть уверенным, что Андрис не порежет тебя или кого-то ещё из-за ревности.

— Ничего не будет. Я гарантирую. Андрис мне должен жизнь, причём клятвой перед водой и пустыней. Потому он со мной...

— Извини, но твой Андрис — не из Города. Платонических отношений там, где он родился, не бывает. Сколько вы напарники? И...

— Не твоё дело!

Указать насчёт того, что клятва-клятвой, а судя по всему, сорваться парень может в любой момент, наплевав на последствия, Глеб не успел. Девушка резко встала, бросила на песок ткань и ушла. Лишь темнота проглотила, пережевала и выплюнула негромкое ругательство в адрес идиотов, которые любят лезть, куда их не просили. Но утром Лада была по-прежнему спокойна и с лейтенантом-сопровождающим вежливо-приветлива. Андрис относился к ней тепло, опекал и помогал, словно не было брошенного тайком тоскливого взгляда парня, которым он облепил напарницу, перед тем как уйти в объятия другой.

Когда караван тронулся в путь, дорога вызывала ощущение дежавю. Как и вчера, они ехали в облаке пыли, которое поднимал чудовищно огромный конвой, несколько раз замедлялись и выпускали змей, опасаясь мин. Разве что солдаты в этот раз не лежали, а заняли позиции вдоль бронеплит, да молоденький солдатик не доставал вопросами Богуслава — уехал в виде трупа с озёрниками. В остальном тот же песок, колючки, потом горы и тракт, из песчаного ставший каменистым. Конвой въезжал через центральные ворота, а не через один из дальних шлюзов — в отличие от боевых машин, огромные транспортёры

могли застрять на каком-то повороте тоннеля. Высокий купол Города поначалу показался дивным, сотканным из серого марева миражом. Андрис жадно впился глазами в удивительное зрелище. Похоже, в Городе он не был ни разу. Лада наоборот выказывала показное равнодушие, сама же напоминала натянутую струну. А то, что майор сбросил идентификационный входной код посетителя на Андриса, но ничего не прислал на Ладу, подтверждало догадку насчёт места рождения девушки.

Сначала было гудение гидравлических моторов, открывающих ворота шлюза, который освещался неярким синим светом: по требованиям биобезопасности зона должна герметично отсекается, поэтому никаких кабелей, только автономные источники. Стало холоднее, хотя скорее это организм так ощущал перепад температуры между пустыней и городской нормой. Бронемашина свернула в боковой съезд и замерла в боксе. Солдаты посыпались с борта вниз.

— Выходим, — приказал Глеб своим подопечным.

— Мы сразу должны... — начала было Андрис.

— Спокойно, — прервал его Глеб и отстегнул шлем. — Прежде всего дезинфекция. — Причём полная, а не газовая. Из рейда мы могли притащить любую гадость. Идите за мной, воспользуюсь служебным положением в корыстных целях. Впущу через офицерский душ. Раздеваетесь целиком и оставляете вещи на ленте транспортёра, затем входите в кабину душа.

Убедившись, что гости идут следом, он приложил ладонь к пластине сканера и открыл дверь коридора с десятком прямоугольников в рост человека. Ещё один хлопок ладонью по сканеру, прямоугольник ушёл вверх, оказавшись панелью, отделяющей душ от коридора. Жестом показав Ладе идти туда, Глеб открыл для себя и Андриса следующий душ. Как только оба разделись, Глеб нажал кнопку крана, и на них хлынула вода. Андрис ошалело вытаращил глаза.

— Вот это да... В городе так много воды?

— Эта вода химически очищена, не совсем вода, а раствор антисептика и используется не в первый раз. Её пропускают через фильтр, потом используют снова. Жидкость очищает лучше, чем газ, включая налипшую на кожу всякую гадость. Показываю. Берёшь вот эту губку и тщательно себя трёшь, повторяя мои движения. Если на выходе детектор заметит на нас грязь, погонит обратно.

Андрис медленно кивнул, ему всё равно не верилось в такое богатство. И подумаешь, погонят стоять под водой снова — да это не наказание, а награда. Глеб пожал плечами и старательно начал натираться губкой. На выходе их ждали городские вещи. Глеб надел облегчённый вариант формы, без кителя и с погонами лейтенанта на рубашке. Андрис облачился в приготовленные сандалии, полотняные шорты и рубашку с коротким рукавом. Было заметно, насколько ему непривычно и некомфортно от новой, необмятой одежды и от того, насколько она нефункциональна в пустыне.

— И сколько это стоит?

— За вас платит заказчик. Но стоит это недорого. Результат переработки несъедобного жмыха с гидропоники. Даже не стирается. Как запачкается и порвётся, отправляется в переработку и на удобрения.

Новых вопросов Андрис задавать не стал, подошла Лада. Ей дали сарафан, фигурка у девушки, когда теперь её не скрывала мешковатый бурнус пустычника, оказалась ещё лучше, чем представлялось вчера. И ещё Глеб подметил, что Ладе в платье некомфортно, но

причина отнюдь не в его новизне или в восхищённо-вожделенном взгляде, которым её наградила напарник.

— Браслеты, — Глеб надел на запястье свой и отдал два других. Одновременно пояснил. — Это часы, коммуникатор, трекер и твой паспорт. Не снимать, иначе первый же патруль выкинет тебя наружу без права возвращения.

В лифт они вошли втроём. Кабина неторопливо пошла вверх, и Глеб предупредил:

— Теперь приготовься.

— К чему?

— К шоку, — усмехнулся Глеб. Ему уже приходилось видеть реакцию тех, кто оказался в городе в первый раз.

Выбирая этаж, Глеб специально набрал код верхней галереи. Андрес сощурился от яркого света, перепад со слабым освещением душевой с непривычки резал глаза, тряхнул головой...

— Боже! — он вцепился в перила. — Этого не может быть!

Для комфорта обитателей на стены эко-купола проецировались изображения полей, гор и тому подобное. С этой стороны купола казалось, будто они смотрят на широкую долину, которая упирается в лесистые горы, а у подножия — город. Расчерченная проспектами на идеальные квадраты, застроенные домами, виллами и особняками, парками, долина просто утопала в зелени, пальмы, туи и цитрусовые, а ещё сосны, ели и берёзы. Глеба биологический разнобой всегда забавлял, но гости из пустыни насчёт невозможности подобного биологического хаоса в естественных природных условиях никогда не задумывались. Вот и сейчас Андрес изумлёнными глазами пялился на квартал, раскинувшийся под ногами. Бруски модульных четырёхэтажек, аккуратные дорожки, окружённые зеленью лавочки... А потом он повернул голову в сторону и увидел реку.

— Владыки судьбы! Не может быть... Это же река. Я двинулся?

— Нет, ты видишь самую настоящую реку.

— Откуда? Откуда взялось столько воды? Даже под куполом...

— Не верь глазам своим. Река имеет всего полметра глубины. А дно раскрашено так, чтобы возникал надлежащий эффект, — Глеб слегка улыбнулся. — Потом вода под землёй перекачивается обратно и вновь течёт мимо города, так, чтобы всем казалось, будто это настоящая река. Ну и кроме эстетики, река хорошо помогает естественным путём регулировать влажность воздуха.

Когда они спустились на уровень земли, Андрес замер перед берёзой — целый ряд белых стволов гордой шеренгой поднимался вдоль дорожки.

— Владыки судьбы... Самое настоящее дерево, — Андрес едва не потерял сознание. — Не может быть на свете такой красоты, — он подошёл ближе, протянул руку и коснулся ладонью тёплой шершавой коры. Но, увидев, как кто-то свернул на аллею, испуганно отскочил назад. — Просту извинить, я только хотел посмотреть. Ничего такого! Клянусь!

— Не нервничай, — успокоил его Глеб. — Одним касанием дерево ты не испортишь. К тому же для этого они и стоят так близко к дорожке, чтобы их можно было потрогать. Можешь ещё раз, только на траву не вставать и с поребрика не сходить.

Андрес, как замороженный, кивнул и молча подошёл к дереву снова. На выходе из аллеи берёзы закончились, вместо них пошёл короткий ряд ёлочек. Андрес оторопело вытаращил глаза:

— А это что такое?

— Ёлка.

— Что-что?

— Ну, такое дерево. Тип — хвойное.

— Ты меня обманываешь. Даже я знаю, что у деревьев должны быть листья. Как у этих, белых, которые мы видели возле лифта. Я хоть и не у вас тут рос и школу не кончал, а тоже не такой уж дубина.

— Деревья бывают двух типов. У лиственных листья, у хвойных иголки. Очень полезное, к слову, растение эта ёлка.

Больше Андрис вопросов не задавал, переваривая впечатления и пристально глядя по сторонам, стараясь впитать и запомнить всё, мимо чего они проходили. Глеб внешне оставался невозмутим, а в мыслях грустно улыбался. Что творилось сейчас в голове у парня, он мог пересказать без ошибки, все пустынные думали одинаково. И что так выглядит рай, а жить здесь предел мечтаний. И что сюда он вернётся и останется любой ценой, а напарница полная дура, если добровольно отказалась от всего этого и уехала из-под эко-купола.

Прогулка закончилась перед небольшой, укрытой в зелени виллой: домом начальника отдела логистики господина Тоцкого. Фасад трёхэтажной буквы «П», отделённый полосой кустарника и двухметровой ажурной решёткой из хромированных стальных прутьев, выходил на улицу, но гостям назначили войти через калитку с обратной стороны. Там раскинулся небольшой личный парк, отделённый от следующего здания узким переулком. И можно было не сомневаться, что камеры транслируют картинку отсюда исключительно для охраны господина начальника.

Стоило переступить порог ажурной калитки под стать забору, как словно из воздуха соткался встречающий. По первому впечатлению лет двадцать пять самое большее. Живое, подвижное лицо его усеивали крупные рыжие веснушки. Круглые голубые глазки под сильно приподнятыми короткими бровями придавали ему удивлённое выражение. Молокосос на побегушках... Никого из гостей это не обмануло, да и рыжий не старался произвести впечатление, просто ради пары минут не стал «выходить из рабочего образа». Не доверяя удалённой автоматике, охранник достал ручной детектор.

— Господин лейтенант?

Глеб замер, охранник провёл детектором от макушки до ботинок, и аппарат признал офицера «чистым», без каких-либо улучшений организма. Тоцкого, похоже, про закрытую часть досье лейтенанта не предупредили, иначе охрана или не проверяла бы Глеба вообще, или применила что-то посерьёзнее. Биоимлантаты Псов были по органическим технологиям, для их обнаружения ручного детектора мало. Заодно экранировали бы оборудование, ибо сейчас, пока рыжий точно также проверял остальных, Глеб, не сходя с места, спокойно считал данные даже в пассивном режиме биопротектора. У Лады в голове был вшит чип хранилища — вот оно объяснение нападения на караван, и чем парочка зарабатывает на жизнь. Не просто курьеры, они возят информацию. Чип гарантировал надёжность и объём памяти, никакими попытками или убив курьера и выковырив чип, без кода-ключа информацию оттуда не извлечёшь. Одна проблема: вживление без инвалидности и в годы технологического расцвета могла перенести едва ли половина реципиентов. Андрис — телохранитель и сопровождающий, не зря в руки встроено что-то вроде электрошокеров, да и в теле кое-какое железо.

— Идите за мной, — приказал охранник.

Хозяйка устроила в огороде гриль. Не обращая внимания на гостей и охранника — словно те очередные деревья из парка — продолжала свои занятия. Развалившись в плетёном кресле, пила из бокала вино, закусывая маленькими бутербродиками, блюдо с которыми держала служанка. Распекала вторую служанку, та не уследила за расшалившимся ребёнком, и мальчик разбил вазу. Андрис круглыми от удивления глазами смотрел на мангал и лужайку, а вот реакция Лады опять насторожила. Непроницаемое равнодушное лицо, но Глеб заметил, как, глядя на служанку, в глазах у Лады ненадолго мелькнула ненависть. Чистая и незамутнённая. Но что её так взбесило? Служанки, их молодость — младшей пятнадцать, то, как обе покорно смотрели на хозяйку? Или как женщина их ругала?

У входа в дом посетителей ожидал ещё один охранник. Огромный, с плотной жилистой шеей, упругие мышцы могучих рук выпирали из-под мундира. Как раз его явно послали именно произвести впечатление, не зря Андрис невольно втянул голову в плечи.

— Устройте вот этого молодого человека, пока мы встречаемся с господином Тоцким.

— У меня приказ сопровождать девушку до встречи с господином Тоцким, — сразу уточнил Глеб.

— Не возражаю. Насчёт вас отдельных указаний не было.

На первом этаже располагались служебные помещения. На втором — парадные и гостевые, но сопровождающий повёл их на третий этаж, в жилую зону. Каждый зал и комната здесь были оформлены по-своему в индивидуальном стиле. Стены и потолок коридора украшала живопись, фрески земных животных и цветочного орнамента. А вот в спальне — дверь как раз оказалась приоткрыта, комнату убирала горничная — потолок состоял из множества золотистых сот с голубой сердцевинкой и золотой лилией внутри, стены завешаны тканями и полотняными обоями с отпечатанными фотографиями земного океана. А ещё везде пахло цветами, и этот запах Ладе тоже не нравился.

Тоцкий ждал в кабинете, и предпочтения своего курьера явно знал, на пороге цветник исчезал, сменяясь стерильностью недавно вымытого помещения. Кабинет тоже был современным, никаких деревянных панелей и инкрустаций, голые металл и пластик, на которые сложно посадить «жучка». Приземистый, с короткой шеей, Тоцкий производил впечатление уверенного в своей мощи зверя. Его жёсткие чёрные волосы торчали как проволока. Челюсть казалась каменной. В запавших глазах светилась непреклонная воля. Взгляд его, казалось, проникал в душу.

— Приветствую, мадмуазель Лада, — просипел он. — Я очень рад видеть вас живой и здоровой.

— Мне тоже очень приятно, господин начальник Тоцкий.

— Просто Тоцкий, девочка. Ты ведь не первый день меня знаешь.

— Как прикажете, господин начальник.

— Никак не хочет, — рассмеялся Тоцкий. — Как ни прошу. А вы что думаете, молодой человек?

Глеб девушку прекрасно понимал, глава отдела логистики и наследник одной из самых длинных в истории Города династий начальников отделов — это человек, с которым можно иметь дело, но ни в коем случае не фамиллярничать, как бы он не заигрывал. А с такой симпатичной внешностью Лада без проблем могла сделать карьеру содержанки, но не просто так выбрала риск курьера.

— Пока я на службе, господин Тоцкий, я лейтенант и ни о чём не думаю. Я выполняю

приказ майора Гладова, чтобы курьер попала к вам целой и с неповреждённой посылкой в голове.

— Вот как? — Тоцкий посмотрел на молодого офицера уже с искренним интересом. Если ему доверили информацию про чип, для Вихтора мальчик явно не «первый кто подвернулся», а как минимум один из личной команды.

— Объём архива девяносто процентов единым пакетом, — быстро уточнила девушка, заметив, как хозяин вытащил из стола провод шунта.

Тоцкий не скрывал досады. Рисковать мозгами курьер не станет. Если на середине передачи пакета канал оборвётся, последствия могут стать фатальными. Обычно архив бьют на мелкие тома как раз для такого случая, чтобы заказчик мог снять информацию без посредников и помощников через мобильную систему: при небольшом разовом объёме за сеанс и длительности сеанса в несколько миллисекунд система в случае дисконнекта успеет защитить человека. А полчаса сидеть, боясь случайно выдернуть проводок, девушка откажется. И будет в своём праве.

— У меня есть стационарный блок... — засомневался Тоцкий.

— Я могу поработать техником, — правильно понял его сомнения Глеб.

— Совершенно правильное решение, — засиял начальник, всё же не поленившись перед этим скосить взгляд на вмонтированный в столешницу монитор: офицер встроенных устройств не имеет. — Идите за мной.

— Минуту. Небольшая ответная любезность. Парень, который был с нами. Как закончим, забудьте ему поставить отметку о том, что его дела в городе завершены, и виза закрыта.

Тоцкий хмыкнул, порученец майора Гладова просит его о такой мелочи. Но он также прекрасно понимал, что для напарника курьера это вовсе не мелочь. И за такой подарок, как виза на право посещения эхо-купола, Андрис майору окажется обязан по гроб.

— Да конечно, с удовольствием.

Стационарный комплекс представлял собой трубу, в которую легла курьер. Там её надёжно зафиксировали прозрачные ленты захватов. Функцию отображения снятой информации на монитор Тоцкий отключил. Наверняка где-то стоял жучок, отслеживающий перемещение информации, вероятно, все внешние порты были физически отключены и недоступны без установки материального ключа или коннектора. Глебу это было не нужно, он копировал информацию напрямую с выхода дешифратора — достаточно контакта кожи с установкой. Никого не удивит, если техник держит руку на клавиатуре и джойстиках, готовясь мгновенно скорректировать процесс извлечения информации, чтобы исключить потерю данных: по требованию Тоцкого пакет стирался по мере перекачивания в онлайн-режиме. Заказчик хотел гарантии на случай, если кто-то ещё получил ключ и повторно информацию скачает и попытается дешифровать. Да, биопроцессор окажется перегружен и удержит данные не больше суток. Но если Глеб угадал правильно, он управится намного быстрее.

— Деньги перечислены на ваш счёт, мадмуазель, — Тоцкий демонстративно обиделся, что девушка через браслет его слова проверила. — И позвольте вам сделать небольшой подарок, — он сунул в руки пластиковый зелёный прямоугольник. — Действительна до конца дня. За мой счёт отметьте успешный рейд в настоящем ресторане. Думаю, наш brave лейтенант составит вам компанию.

— Так точно.

— Благодарю, господин начальник отдела.

Лада подарок приняла, хотя Тоцкий как человек ей явно не нравился. Но жизнь в пустыне быстро приучает хватать всё, что дают. А хорошая еда, вдобавок наверняка полная натуральных витаминов, лишней не станет никогда. Глеб отрапортовал с лениво-равнодушным видом, хотя позвоночник звенел как струна, и в районе копчика холодило неприятностями. Тоцкий решил подстраховаться. Он поверил, что неприятность с его порученцем — случайность во время боя. Точно не знает о неофициальном приказе майора Гладова, доставить Ладу к нему сразу после встречи с заказчиком. Иначе вообще не допустил бы Глеба к установке. Но в течение часа есть шанс по оставшимся на чипе «призракам» вытащить информацию, и наверняка у Вихтора есть нечто, способное уговорить курьера пойти на нарушение правил перевозки. Тоцкий подозревает выступавшего посредником Гладова в двойной игре? Девушку и её напарника «играют» втёмную, или она на стороне майора? В любом случае, утечки информации Тоцкий не допустит. Наверняка ещё и проконтролирует, чтобы они пошли именно в ресторан.

Глеб угадал по всем пунктам. На выходе из особняка их ждал электрокар, за рулём которого щеголял синей формой корпуса миротворцев белобрысый сержант-ровесник Глеба.

— Всем привет, меня тут попросили вас подкинуть...

— Здорово, наглая халявная морда. Скажи честно: сам напросился. Узнал, что есть возможность посидеть в ресторане с красивой девушкой за её счёт и побежал. Позвольте вас познакомить. Это Лада и Андрис. Этот халявщик — Богдан, мы вместе служили в корпусе. Потом он остался, а я ушёл.

— Шкурой рисковать.

— Зато я теперь старше тебя по званию.

— Зато как был чурбаном с девушками, так и остался. Сам стоит, и сесть не предложит.

Богдан вышел с водительского места и пошёл открывать заднюю дверцу перед девушкой, по дороге шутливо как бычок боднув приятеля. Глеб успел отскочить и начал ругаться:

— Поосторожней. Шутки шутками, а дал бы в глаз, куда я потом с фонарём? Солдаты засмеют.

— Да ладно. На тебе как на шипокобре всё зарастает. Присаживайтесь, леди. Карета подана, кучер ждёт.

Лада звонко расхохоталась, смех у неё был как россыпь колокольчиков. Пропала вся угрюмость, наваянная домом Тоцкого. Даже Андрис заулыбался: хотя у него, когда он узнал про визу, радужное настроение и так чуть ли не из ушей хлестало, он пытался это маскировать показной угрюмостью. Глебу мгновенного соприкосновения тоже хватило...

«Брат, я получил странный приказ. Замаскирован под просьбу, но от командира и в такой форме именно приказ. Встретить и проследить, чтобы вы два часа просидели в ресторане».

«Брат, странные дела идут. Всё нормально, я просчитал вариант. Идём в ресторан, пусть видят. Предупреди наших, кто-то хочет стравить Город и Пустынного хана. Завтра возможно буду знать больше».

«Тогда завтра вечером вот здесь, — пришли координаты небольшой кафешки на краю города. — Буду я или Вадим».

На душе сразу потеплело. Чтобы ни случилось, хорошо знать, что всегда в городе останутся братья из его сиб-группы, которые прикроют спину. Да и остальные Псы, случись

беда, своего не бросят.

А потом они сидели в небольшом ресторанчике на проспекте Мира. Специально ради Андриса выбрали столик на улице и с видом на реку. Лёгкий ветер — не зная, не догадаешься, что его генерировали искусственно — приятно охлаждал кожу. В другом конце открытой веранды за столиком в бешеном темпе наливались несколько загорелых мужиков, похоже, удачливых коммерсантов из какого-то селения первой полосы. Чуть дальше среднего возраста женщина, поедая пиццу, бросила кусок своей болонке. Андрис настолько удивился, что даже поинтересовался у Глеба насчёт зверя, так похожего на собаку. А узнав, что это тоже собачка, но декоративная, никак не мог взять в толк, зачем кормить такое бесполезное создание? То ли дело худые поджарые овчарки пустынников, способные перегрызть горло вооружённому человеку. В остальном вокруг них было пусто, сонно и как-то уж очень благополучно — цены в ресторане покусывались.

Кельнер не заставил себя долго ждать.

— Добрый всем день. Чем могу служить?

— Предпочтения есть? — поинтересовался Глеб.

— Я ничего не знаю.

— Не люблю душистый перец, — сразу уточнила Лада.

— Тогда рекомендую салат из свежих помидоров, потом запечённые на углях стейки из рыбы — это вы точно больше нигде не попробуете. Булку, только свеженькую, хрустящую, густо намазанную маслом.

— Напитки я возьму на себя, — тут же подключился Богдан. — Нам медовуху, — а когда кельнер ушёл, пояснил: — Шикарная вещь, уникальная. Даже у озёрников пчёлы живут, но запаса мёда почти не делают. А под куполом мёд есть, вот и гонят. Надо пользоваться моментом, пока платит господин Тоцкий. Да и градус у медовухи умеренный.

Глеб кивнул, мол, не спорю. Про себя же отметил, что Богдан приказ «не отпускать из ресторана» захотел решить по наиболее простому варианту. Напоить гостей. Крепкое они пить не станут, а у медовухи и градус вроде не такой сильный, и напиток действительно уникальный и дорогой, второй раз за всю жизнь можно не попробовать. А ещё медовуха пьётся легко и настолько незаметно, что запросто можно налакаться до поросычьего визга. Но Лада и Андрис про эту её особенность догадаются не раньше завтрашнего утра.

Богдан и Глеб пили вроде бы наравне, медовуху в ресторане подавали и в самом деле отличнейшую. Но их организмам, упичканным разнообразными имплантатами, нужно было получить раз в десять большую дозу этанола, чтобы опьянеть. Гости же захмелели, хотя это пока ощущалось лишь в слегка покрасневшем лице, слегка развязанных движениях да в том, что они намного охотнее говорили. Глеб заключил сам с собой шутивное пари: сегодня получится у Андриса затащить предмет своего желания в постель, или нет?

— Если рай, про который чешут языками попы, и есть — он выглядит так.

— Только управляют им не ангелы, — резко ответила девушка.

— Если вы, мадмуазель, про Тоцкого, — уточнил Глеб, — то он не самый худший начальник. Да, сволочь. Не спорю. Но на своём месте, образованный и умный.

— Мразь. Все они одинаковые мрази.

— Я бы не был так категоричен, — осторожно сказал Богдан. — Вы знаете...

— Лучше, чем хочу. А вот вы в курсе, для чего выращивают сиб-группы?

Глеб и Богдан переглянулись, они-то как раз знали отлично. После зверлингов идея генетического конструирования казалась кощунством и была под строжайшим запретом.

Вариант керхеров тоже никого не вдохновлял. Они срастались с машинами, фанатично внедряли киборгизацию до состояния, когда превращались в техно-муравейник, где после рождения каждая особь получала специализацию и могла за пределы назначенной касты шагнуть очень ограниченно. Но и совсем лишаться бойцов с повышенными возможностями — отказаться от козыря, который в соревновании рас может стать решающим. Был выбран третий путь, евгеника. Для сиб-групп подбирали лучших по характеристикам сперма и яйцо доноров, выпускники не замыкались в узкую касту, а свободно заводили семьи, чтобы в следующем поколении лучшие опять стали «отцами» и «матерями» новых групп. Эмбрионы выращивали в искусственных маточниках, после рождения они росли в интернате как обычные дети. Всех отличий — что круглосуточное наблюдение врачей в первые годы жизни позволяло без лишних затрат и риска для здоровья пересаживать детям биоимплантаты. Аналоги кибер-органов, но живые, эти устройства росли и развивались вместе с хозяином. Становились его частью. Потому из курсантов сиб-групп получались не просто специалисты высочайших физических и умственных данных с уникальной интуицией. Заодно выпускники сиб-групп на голову превосходили носителей искусственных техно-органов, как у того же Андриаса. Детям не надо было сознательно учиться использовать новые дополнительные надстройки организма. Они ими просто пользовались как рукой или ногой.

— Ну... — осторожно начал Богдан. — Не только совершенные солдаты. Из сиб-групп вышло также немало известных учёных, инженеров, учителей. Вспомнить тех же Тургунову и Пышкина: оба были из сиб-групп, а в итоге их дети, кстати, рождённые естественным путём, совершили революцию в космоэкологии. Да и педагогика им до сих пор благодарна.

— Так было. На Земле. И у нас всего сто лет назад... — Лада ответила тихо и горько, кажется, даже протрезвела. — Мальчикам хорошо. Вы, наверное, видели Псов? Воины, мужчины. Такие нужны координатору и совету начальников отдела. А девочки давно не нужны. Нет, наоборот. Нужны. Как будущие постельные игрушки. Красивые, намного лучше простых служанок. Нас тоже выпускают из школы в четырнадцать и сразу распределяют по богатым домам. Нет, закон соблюдается, до шестнадцати лет никто тебе целку ломать не станет. Конкуренты только и ждут, чтобы поймать друг друга хоть на чём-то противозаконном. От остального это не спасает. Думаете, раз засунуть в тебя нельзя, то и всё? Нет, можно заставить устраивать стриптиз, ласкать себя, возбуждая хозяина, пока он долбит другую девочку постарше. Ласкать уже его. Ну а в шестнадцать ты переходишь в следующую категорию «грелок», которые раздвигают ноги. Тоцкий ничуть не лучше, сам видел — у него такие же девочки служат. Ладно, что прошло, то прошло. Кельнер! Ещё бутылку. Гуляем.

Уходя из ресторана, Глеб подумал, что эту парочку жаль. Лада, судя по всему, как-то сумела сбежать от хозяина раньше, чем её перевели в статус «грелки». Сбежала с деньгами, оказалась очень умной — едва она поставила чип курьера, про её прошлое и преследование за кражу мгновенно забыли. Сегодня после операции выживал один из пяти, а работа была опасная. У неё родилась новая и интересная жизнь — но откинуть прошлое и извращенца, покорёжившего ей юность, Лада так и не смогла. И вряд ли Андриасу хоть что-то светит в плане хоть когда-нибудь уложить подружку в постель. Впрочем, планета велика, и они вряд ли хоть попадутся ему снова, так что проблемы взаимоотношений этой парочки не его Глеба дело. Но где-то в глубине души было немного жаль, что сегодня разговор свернул не в том направлении. Так хорошо начавшийся вечер оказался испорчен, и шанс всё-таки наладить

свои отношения парочка упустила.

Майор Гладов ждал своего лейтенанта на квартире. Он был холост, поэтому, хотя мог себе позволить жильё за рекой, в состоятельных кварталах, обитал на самом краю экокупола, в одной из четырёхэтажек. Как сейчас подозревал Глеб, место жительства именно здесь Вихтор себе выбрал не только из аскетизма и безразличия к внешнему статусу. Квартирка была типовая, минимум обстановки. Из роскоши разве что кухонный стол настоящего дерева и рядом старинное резное деревянное кресло, где с кружкой кофе в руках сегодня гостя и встретил хозяин. Сейчас Гладов выглядел смертельно усталым, плечи поникли, лоб изрезали морщины. Глеб знал, что майору нет и сорока, но сейчас казалось ему лет пятьдесят, не меньше.

— Вы не выполнили мой приказ, лейтенант.

— Потому что вы его неверно сформулировали. Тоцкий допускал, что курьера попробуют выпотрошить по «призракам» и подстраховался. Боевой пёс исполняет не букву приказа, а поставленную боевую задачу. Вам была нужна не девушка, а информация, которую она везла.

Морщины пропали, майор мгновенно словно сбросил лет двадцать, превратившись в хитрого и опасного хищника.

— Где?

— У меня в голове. Но, прежде чем я её вам отдам, ответьте на вопрос. Что там. И зачем она вам. Врать нет смысла, когда я скачаю из своей памяти информацию, без труда ваши слова проверю.

— Там дорога до Прайма. Сто лет назад его уничтожили не до конца. Нашлись отчаянные люди, которые отыскиали дорогу, по которой можно добраться до более-менее целых мест, не нахватавшись радиации. Керхеры вымерли, но какая-то часть их оборудования сохранилась. В информации, которую купил Тоцкий — координаты, трасса и ловушки. Часть оборонных систем до сих пор действует в автономном режиме. Уцелевшие искатели, насколько нам известно, в итоге поголовно умерли. Полезли по развалинам без снаряжения и чем-то надыхались. Их родня не настолько готова рисковать жизнью, но поняла, что планы можно выгодно продать. Нам они тоже нужны.

— Зачем? — Глеб даже не скрывал негодования. — И нам — это кому? Группа военных, равнодушных к будущему колонии? Оружие? Да, я полагаю, оружие вы там найдёте. Особенно если сумеете запустить что-то из промышленной автоматики, сырьё на складах наверняка осталось.

— Смотрю, ты поверил легко.

— Мне достаточно видеть, какие ресурсы задействованы в игре. Из-за одних домыслов или слухов рисковать ссорой с пустынниками, отделом логистики и продовольственным отделом никто не станет. Сказать, что будет дальше? Не забыли, майор, кто я? И что нам-то историю преподают в полном объёме, — голос зазвенел от ярости. — Сказать, чем обернётся военный переворот и хунта, особенно хунта некомпетентных идеалистов? Да, Тоцкий сволочь, но он и остальные хотя бы понимают, что и как работает. У вас нет нужного числа грамотных людей, чтобы взять под контроль Город и не оголить периметр. Значит, будете ставить на должности не очень умелых, но зато искренне верных делу. Сколько мы после этого протянем, пока не откажет купол и нас сожрёт даже не Пустынный хан, это не самый худший вариант — а банды из Старой бойни? Три года? Пять?

— Ты сам сказал, что у нас нет грамотных людей. Их и не будет, пока сохраняется нынешняя система. Элите вкладываться в развитие на данный момент просто нет смысла, ей и так сытно живётся. И да, менять одного начальника на другого нет смысла. Город уникален, с его статусом никто и не пытается спорить. Городу нужен конкурент. Тот же Пустынный хан. Он доказал, что может собрать людей и будет о них заботиться. И что для него интересы своего народа — не слова на публику ради власти. Не идеалист, но бить в спину только потому, что может это сделать безнаказанно, он не станет. И своё слово Хан держит. Дать ему возможность хотя бы частично, но сравняться по силе с Городом... И неважно, лучше он выстроит в итоге свою власть, или она станет хуже наших начальников. Как только у нас появится сильный конкурент, мы вынужденно, но выйдем из спячки.

Глеб выдержал паузу, хотя всё решил сразу. Гладов тоже молчал, прямо-таки излучая выдержку и уверенное превосходство своей правоты, у него в таких гляделках опыта было намного больше.

— Хорошо. Давайте интерфейс. Но взамен с вас услуга. Через два дня я подаю заявление на перевод в рейдеры.

— Всё-таки решил?

— Да. Это риск, но зато через полгода, когда я вернусь в бригаду, то сразу стану капитаном. А не через пять-шесть лет, как сейчас. Но я хочу, чтобы вы удалили из моего досье данные, что я Боевой пёс. Возможности у вас, если вы не преувеличили сейчас, говоря про «мы», для этого есть.

— Хорошо. Сделка заключена.

Названная Богданом забегаловка располагалась на самом краю Города, недалеко от шюза, ведущего в поселения первого пояса. Глеб выбрал место в переполненном зале и огляделся. Когда он был под эко-куполом в прошлый раз, то проходил мимо этого здания. И располагался в нём захудалый магазинчик для жителей окрестных домов, причём, скорее, магазинчик больше служил складом и пунктом выдачи заказов по сети. А сегодня кусок первого этажа превратился в «ресторан», как гордо уведомляла вывеска. С претензией на «трендовость» — минималистский декор, голые стены, шершавые поверхности и яркое освещение якобы имитировали что-то из прошлых эпох, а не потому что всё равно контингент обстановку быстро попортит, исцарапает или вообще поломаёт. Ибо иначе как контингентом посетителей назвать не получалось, работяги из внешних поселений, которые вкалывали на самом тяжёлом труде вахтовым методом десять через два. По меркам посёлков зарабатывали они очень приличные деньги, для Города — сущие гроши, но и им хотелось иногда отдохнуть от «питательного и полезного рациона» в служебных столовых, да и развлечься. Официантки — судя по «боевой» раскраске, они не только трудились в забегаловке, но и подрабатывали иным способом — передвигались по залу вихляющей подиумной походкой. В меню было полно «блюд из натуральных продуктов», а в винной карте — дюжина сортов выпивки, на ароматизаторы прочие химические добавки владельцы не скупились. На какое-то время местечко будет суперпопулярным. Но и дальше, если хозяева не станут жадничать, слишком нагло обдирать посетителей и давить на девочек, забегаловка останется вполне доходным заведением. И главное, камер здесь не висело, из экономии и потому что это отпугнуло бы контингент: вдруг кто переберёт лишнего, и донесут на работу. А новых лиц среди клиентов пока очень много, и ни одно лицо не успело примелькаться. И официантки, и бармен за стойкой ещё двоих, если они ничего не учудят,

забудут уже через пять минут.

Богдан ждать себя не заставил. Он хлопнулся рядом, точь-в-точь как делали остальные, привлёк внимание официантки, ущипнув за попу, заказал пива. Дальше Глеб и Богдан пили, говорили чепуху, жаловались на зануду-бригадира — такие же вздохи и сопли под пиво шумели вокруг. Настоящий разговор шёл через зашифрованный канал биопроекторов. Глеб коротко пересказал историю с информацией о Прайме и о том, что среди офицеров Пустынной бригады растёт недовольство. Богдан пообещал передать остальным братьям из сиб-группы, пусть тоже присматриваются.

«А ты?»

«Я завтра перевожусь к рейдерам».

«Зачем так рисковать? И не ври мне про чины и карьеру, ты ещё в группе стал нашим старшим исключительно потому, что тебе приказали и убедили — ты должен и справишься лучше остальных. Но тебе командовать не нравилось. Я помню».

«Меня тревожит начавшаяся игра вокруг Пустынного хана. Он далеко, он не угроза Городу — зачем его попытались подставить, чтобы натравить Тоцкого и Бригаду? Если среди династий начинается передел за пост координатора... Не зря Тоцкий ищет себе любые козыри, а ему старались помешать настолько серьёзно, что не побоялись впутать Пустынного хана. Здесь я ничего не найду, уже засветился. А вот в пустыне, я уверен, концы отыскать можно. И концы эти будут обязательно среди рейдеров, только они уходят автономно и далеко».

«Успеха. Я передам братьям, мы пока начнём искать здесь».

Заместитель отдельного полка рейдеров подполковник Баскаков вызвал к себе Глеба в полдень, в самый разгар жары, когда минуты, чтобы перебежать двор от казарм до административного корпуса, достаточно почувствовать себя варёным яйцом. И это было странно, даже если сложить со злорадной ухмылкой Давида.

Тыловых крыс рейдеры не любили. Почти все они были мужиками средних лет, которые не нашли себя ни в мирной жизни, ни в армии. Адреналиновые маньяки, какие-то проблемы с законом... Мало ли причин, по которым уходили в рейдеры? Причём, как правило, навсегда. Такие, как Глеб, те, кто пришёл в полк рейдеров ради ступеньки в карьере и потом уйдёт, вызывали у одних раздражение, у других зависть пополам с неприязнью. Над новичками обычно шутят, а над тыловой крысой сама пустыня велела шутить зло — пусть бежит с позором. Понятно, что в рейдах ничего подобного не позволялось, это может плохо кончиться для всех, включая шутника. Но в казармах... Обрить волосы. Засунуть обожравшегося вредителей кота в личный шкаф, чтобы он там нагадил. А то и помочь «случайного» прикоснуться спиной к раскалённой на солнце броне или также от «случайной» от подножки разбить себе лицо. Глеб в ответ вычислял шутника и отыгрывался намного более зло, но одновременно ни разу не переходил грань устава и неписаных правил.

Рисковые идиоты закончились через две недели: никто не любит, когда его выставляют на посмешище. Плюс большинство рейдеров ценило выдержку, ум и разумную силу, поэтому парня, пусть он и не навсегда с ними, признали за своего. Не успокоился лишь Давид — пущенное в ответ на его «шутку» обидное прозвище неожиданно приклеилось, грозя перерасти в кличку. Позавчера он попробовал подстроить очередную каверзу, в ответ получил в постель шипокобру и заорал посреди ночи как резанный, когда она поползла где-то в районе труссов. В итоге все, кто был на базе, хохотали до сих пор: рейдер, а испугался

трусливого и безвредного любителя падали. Но формально протащить зверушку в жилую часть казарм — это нарушение протокола биозащиты, пусть два штатных кота каждый день отлавливали возле кухни и помойки по несколько этих вездесущих ящерок. А ко всякого рода доставшимся от предков инструкциям большинство относилось со священным трепетом.

Невысокий и немолодой, сухопарый и выглядевший старичком подполковник Баскаков был как раз из тех, про кого Глеб когда-то сказал «негодяй, но на своём месте». И подворовывал, и крутил свои не очень законные дела. Но люди у него в рейды уходили нормально снаряжённые и возвращались живыми, он не давал рейдеров обижать, если не по их вине случались провалы. Баскаков всегда знал, что происходит в пустыне, и не раз распутывал ситуации, в перспективе обещавших Городу проблемы. Не зря пережил уже трёх официальных командиров полка.

— Господин подполковник, рейдер Каховский по вашему приказанию прибыл.

Сейчас, едва дверь кабинета плотно захлопнулась, реальный хозяин рейдерской службы молча сунул подчинённому фотографию Богдана. Глеб мгновенно впитал данные с вклеенного в пластик чипа — запечатан информационный пакет был личным кодом, подделать такой невозможно.

— Вам сказали, кто я.

— И я готов выразить вам восхищение, молодой человек. До этого я и не догадывался. Провели. В связи с этим меня предложение. Я так понимаю, вам сейчас было передано, что?..

— Да. В двухсотом секторе посланцы Пустынного хана должны с кем-то встретиться и получить что-то нужное.

— Главный город Пустынного хана слишком вырос, им не хватает воды. Но и уменьшить население — сложно и неразумно. Скажу открыто. Мне понравилось, как два месяца назад вы вскрыли обман и предотвратили войну с Ханом. Нам выгоден мир. Пока Хан держит в руках пустыню и внедряет в ней своё слово и свой закон, там царит порядок. А это благотворно сказывается на делах и на шкуре моих подчинённых. Насколько получилось разведать вашему товарищу, в пустыне нашли и хотят отдать Хану установку, способную расширить скважину. Возможно, пробурить ещё несколько. Это в интересах Города, но не в интересах... Скажем, отдельных городских жителей. Открыто я вмешаться не смогу, мне связали руки. И что вдвойне подозрительно, в этот же квадрат отправится рота Лисицына. У него с Ханом свои счёты, как и у кое-кого из его бойцов. Объяснение срочного рейда идиотское, якобы в тех краях может быть кладка завроидов.

Глеб кивнул, по спине вдоль позвоночника поползли нехорошие мурашки. Объяснение и впрямь идиотское. Да, за «ужасом пустыни», как прозвали завроидов, охотились тщательно, особенно за кладками. Даже пустынники, обнаружив следы завроида, бросали любые дела и торопились сообщать в Город, а оттуда высылали группу зачистки. Не просто так последнего завроида видели больше десяти лет назад. Теоретически они могли мигрировать туда, где люди не ходят, заложить там кладки. Но двухсотый сектор уходил в сторону развалин Прайма, там пустыня до сих пор наверняка усеяна автономными ловушками против зверлингов. А завроиды хоть и звери, но полуразумные, они в такое опасное место не полезут и уж тем более не станут устраивать там кладку. Зато в Прайм собирался Гладов, а потом к Пустынному хану.

— Я вижу, вы знаете больше меня. Настаивать не буду. Я хочу, чтобы за Лисицыным

присмотрел человек, способный, если что, выбраться и рассказать, что там случилось. Если окажется, что Лисицын и его пока неизвестный заказчик и в самом деле решили перейти грань дозволенного и нарушить наши договорённости с пустынниками... У меня тоже есть нужные связи, а мои партнёры не желают, чтобы в пустыню вернулось «у кого ствол, тот и прав». Это вредно для бизнеса. Вы меня понимаете? Давид у нас служит давно, после вчерашнего я суну вас в первую попавшуюся группу, которая уходит в рейд, чтобы не накалять обстановку на базе. Лисицын спорить не будет, ему молодой лопух, готовый в случае чего подтвердить его версию, пригодится. Взамен обещаю по возвращении устроить так, что вы уйдёте капитаном обратно в бригаду. Думаю, вместе с благодарностью Хана вы не пропадёте.

— Согласен. Но мне понадобится броня, лучше офицерский комплект. Причём так, чтобы её спрятали в моей машине.

— Договорились. И даже больше, я вам дам не просто офицерский комплект, а настоящий «призрак».

Однообразно тянулись дни за днями рейда. Море песков под колёсами машин всё расширялось и расширялось. Маршрут проложили специально вдоль цепочки развалин, и неважно чьих — людей или керхеров. Вода в скважинах давно пропала, зато на время самого жаркого полуденного пекла они создавали хоть какую-то тень. А ещё постоянно давали о себе знать мучения жажды, особенно если катишься не в кузове машины, а на одиночном багги бокового охранения, как Глеб. Давно прошли времена, когда рейдеры были разведчиками и диверсантами и на вооружении у них поголовно стояли «призраки». Сейчас всей защиты от палящего солнца — это тагельмуст, длинный кусок ткани, который заматывался вокруг головы, оставляя открытыми только глаза с надетыми песчаными очками, да бурнус. Даже бронежилеты снимали, чтобы не свариться.

Нельзя сказать, чтобы зрелище песчаного моря было лишено какой-то таинственной прелести. Резко ограничивающие обрывы барханов синеватые и тёмно-фиолетовые тени, золотистые дюны, иногда попадались, красноватые, охристые, коричневые, белые или серые обнажения камня, глины и известняка. Всё это на пепельно-голубом прозрачном фоне неба, залитого яркими лучами света. И тишина, которую лишь иногда ломал треск лопнувшего на солнце камня. Но рейдерам эта мёртвая красота казалась скорее пугающей. От страшного света и жары кожа рук и лица, несмотря на разнообразные крема и вроде бы привычку, обгорела, стала бронзово-красного цвета, губы потрескались. Лёгкая зудящая сыпь от попадавших внутрь одежды мелких песчинок не переставала терзать спину, плечи и бока. Стоило коснуться металла не через одежду и не там, где его защищало пластиковое покрытие, как легко можно обжечься. И заживать такой волдырь будет долго. Но тяжелее всего давался полдень, когда солнце палило огнём, а грудь не желала посылать в лёгкие раскалённый воздух.

Каким бы Лисицын ни был человеком, рейдером и командиром он был хорошим. Всю дорогу выдерживал ровно такой темп, чтобы выйти в нужный квадрат как можно быстрее, но и люди не вымотались лишнего. И всё равно оазис показался кусочком рая, свалившимся с небес на землю. Котловину, на дне которой вмещалось небольшое озеро и рощица местных деревьев, напоминавших толстую липу с кожистыми пальмовыми листьями, окружали высокие дюны десятки метров высоты. Эти песчаные громады хорошо скрывали подступ к оазису и одновременно хранили его от самумов.

Озеро было естественное, берега заросли чем-то вроде тростника, кишевшего живностью. Парочку плосконосых обитателей немедленно поймали разнообразить меню в честь торжественного ужина, но сделали это в первый и последний раз. Нельзя нарушать хрупкое равновесие оазиса, каждый знал — тогда пустыня проклянет и отнимет удачу. Желаящих проверить это поверье не находилось. Возле воды разбили базовый лагерь, откуда пешком или на лёгких машинах будут уходить группы разведчиков. Глеба, конечно же, как новичка, оставили в лагере. А ещё в лагере пока оставался со своей группой Лисицын, а также вторая группа, которой руководил его самый доверенный человек и давний приятель. И то, что в разведку в основном ходили пешком, а не на машинах, при этом уже третий день в лагере отсиживались самые опытные люди, всё больше укрепляло Глеба в мысли: весь рейд прикрытые задачи помешать Гладову встретиться с людьми Пустынного хана.

На четвёртый день в раскалённом воздухе отовсюду слышались высокие чарующие звуки с сильным металлическим привкусом, заставляя против воли дрожать. Звуки летели и таяли в раскалённой атмосфере полудня. То весёлые, то жалостные, то резкие и крикливые, то нежные и приятные уху, эти звуки казались криками живых существ, но не голосом мёртвой пустыни. Лагерь мгновенно, несмотря на жару, зашевелился. Если песок начинал петь, он сначала звал ветер, а следом прилетала смерть. Песчаная буря. И пусть высокие дюны защищали оазис, в пустыне всегда надо ждать худшего. Животные, чувствуя приближение бури, спешили скрыться в норки. И вот вершина огромной дюны, секунду назад мёртвая и неподвижная, зашевелилась. Пока почти невидимым облачком над ней закружился летучий песок, подхваченный струёй горячего ветра. И тут же закружились остальные дюны, небо померкло, словно упало на землю. Воздух заволочла буро-жёлтая мгла, клубы пыли по всему периметру оазиса закрыли солнце, на него стало возможно смотреть как на тусклый огненный шар. Даже здесь, внизу, стало душно, а наверху сейчас невозможно дышать. И вот уже всё захватил рёв, несущийся отовсюду.

Из-за самума Глеб и упустил, как и куда ушёл Лисицын. Ветер ещё ревел, хотя и пошёл на спад, когда рейдеры покинули лагерь, поэтому их следы замело. Но машины остались все на месте, значит, ушли пешком. Что их не ждала машина одной из прежних групп, это подтверждал и подброшенный командиру маяк. Через несколько часов из лагеря, уже открыто и на двух багги, уехали ещё четверо из второй группы. Глеб выждал час до начала сумерек, пока не решил — и ему пора. Конечно, по возвращении придётся объясняться... Но, имея на руках доказательства измены Лисицына, можно козырнуть и особыми полномочиями за подписью командира полка: заместитель, усмехнувшись, вместе с бронёй выдал ему не только заполненный ордер, но и пару пустых подписанных бланков. Даже если остальные в роте замазаны, без руководства Лисицына совершать самоубийство и открыто выступать на стороне изменника никто не решится. Особенно если намекнуть, что есть возможность выйти из дела чистыми.

Глеб как раз собирался достать бронескафандр. Резко обернулся, уже понимая — опоздал.

— Куда это ты, мальчик?

На него смотрел зрачок пистолета. Казимир, ещё один подручный Лисицына. Сделал как сопляка-новика, подобрался, несмотря на все имплантаты и то, что Глеб внимательно следил за местностью. Вот что значит опыт. Но и стрелять сразу Казимир опасался: останутся следы, а люди в роте опытные, восстановят картину без труда. Мало ли зачем

рейдер пошёл проверять свою машину, особенно после самума? Могут возникнуть вопросы, пусть и не сейчас, потом — дома кто-то да неизбежно проболтается.

— Предлагаю разойтись миром, — еле заметный шажок. Противник наверняка движение видит, но рассчитывает на обычного человека. — Ты уходишь, я потом забываю, что вообще тебя здесь видел.

— Прав был командир, стукачок у нас завёлся...

И тут окружающий мир расплылся, замедлился так, что можно поймать и потрогать песчинку в воздухе. Казимир сложный противник. Глеб и сам весил больше семидесяти килограммов, но сейчас вес врага превышал вес Глеба почти на треть, Казимир отлит из мускулов и ростом на голову выше. И это не считая пистолета. Резкий, точный удар ноги оказался недостаточным, Казимир взвыл от боли, но оружия не выпустил. Наоборот перекинул его во вторую руку, в упор он не промахнётся. Это и оказалось ошибкой: Пёс двигался слишком быстро. Плечом в «солнышко», руками под бёдра. Глеб угадал направление движения Казимира, сдвоенной инерцией приподнял врага, сминая живот, и шибанул башкой оземь. Выстрел еле слышным хлопком ушёл в пустоту.

Быстро осмотрев тело, Глеб порадовался, что лишь оглушил, а не убил. На предплечье нашёлся браслет, который подавал сигналы, жив человек или нет. Достаточно дорогая игрушка и совершенно бессмысленная в рейде. Радиус действия всего километров двадцать. В автономных группах так далеко в одиночку от товарищей не отдалаются, но сами группы от лагеря работают на большем расстоянии. Зато сообщники в лагере точно узнают, если приставленный наблюдатель будет убит при попытке уехать. Быстро надев броню, Глеб привычно ощупал местность сенсорами, и словно камень с души свалился: до того было неприятно чувствовать себя наполовину слепым. Зато теперь при всех талантах и опыте даже рота целиком ему не противник. Прикрутив Казимира к машине, Глеб раздумывал недолго. Бросить его в паре километров от лагеря — сигнал не пропадёт, до утра Казимир протянет, а дальше уже неважно. И первой догнать и уничтожить группу на машинах. Вторая — пешком, и от него не скроется.

На пустыню опустилась темнота, небо повисло огромной чашей, полной мириадом звёзд. На Опале их было намного больше, чем на Земле, но света они всё равно не давали. Тёмный, временами почти чёрный от непроницаемого мрака песок бешено мчался под колёсами: Глеб состыковал управление машиной, тактический компьютер бронескафандра и свой биопроектор. Вдобавок сенсорам брони было всё равно, день или ночь. Машина шла как на гоночном треке на максимальной скорости, поэтому всего через полтора часа вдалеке показался тепловой выброс двигателей второй группы. Допрос Глеба не интересовал, судя по направлению движения, рейдеры должны будут убить посланцев Пустынного хана. Не останавливаясь, Глеб открыл огонь на поражение. Один багги встал, второй перевернулся. Глеб дал по двигателям два контрольных выстрела, несколько минут подождал, чтобы убедиться — противник выведен из игры. И поехал в противоположную сторону. На перехват самого Лисицына.

Машину Глеб оставил за километр до места, где сигнализировал маячок, остаток расстояния пробежал на своих двоих и залёг наблюдать. Обнаружения он не боялся: комплект «призрак» разрабатывался, чтобы обходить совершеннейшие системы поиска керхеров, так что оба дозорных ему не страшны. Можно спокойно устроиться на верхушке бархана, настроить микрофоны и оптику, и наблюдать. Рейдеры как раз захватили двух пленников в

одежде пустынников и начали их допрос... Позже Глеб спрашивал себя, как повернулось бы дело, начни он стрелять сразу? И отвечал — всё могло пройти только по случившемуся варианту и никаким иным образом. Двое скрутили Андриса, ещё двое, пока начальник разговаривал, держали Ладу и откровенно её лапали — а девушка не реагировала вообще. Но даже под химией реакция подсознания и тела никуда не денется. Если вспомнить, с каким страхом и отвращением Лада относилась к любому намёку на интим — а тут ей грудь тискают и между ног лезут, но она замерла, словно резиновая неживая кукла. И молчала, вообще ни звука. Именно это и остановило Глеба: он не понял ситуации и побоялся рисковать.

— Отпустите нас, — Андрис уже хрипел, ещё не понимая, что над ним откровенно потешаются, а люди перед ним живут по принципу «синицы в руках». Им заплатили за смерть всех участников сделки, а что попалась красивая девочка и глупый мальчик, с которыми можно позабавиться напоследок, просто приятный бонус — Если мы попадём к Пустынному хану, он вас озолотит.

— Ну мы можем отдать девочку и сами.

— Без меня у вас ничего не выйдет.

— Выйдет, мальчик. И на свои железки вшитые не надейся, не сработают. И про капсулку в её головке мы уже в курсе. И без тебя покупателя найдём.

— Вы не понимаете!

— Да ладно тебе, не дёргайся. Мы твою девку сейчас немного попользуем, бабе от этого вреда не будет. Ладно, раскладывай её, ребята.

Один из лапавших Ладу дёрнул и разорвал на девушке нижнюю рубашку, на секунду одна рука жертвы оказалась свободна... В этот момент стремительным, нечеловечески точным и сильным движением Лада выхватила у рейдера нож и всадила ему в живот, на отмашке ударив второго в солнечное сплетение. И мгновенно упала на песок так, чтобы умирающие перекрыли остальным линию огня. Одновременно Андрис сумел воспользоваться встроенными шокерами, вспышкой ударила синяя молния. Дальше Глеб начал стрелять. Поздно. Рейдеры были хорошими бойцами, Андрис всё равно получил нож в почку. Когда Глеб спустился с бархана, живой осталась лишь Лада.

Глеб посмотрел в глаза Андриса, где остывали удивление, обида и недоумение. Остановился за пять метров до девушки.

— Что ты такое?

— Меня зовут Лада, — спектра голоса Глеб не сохранил, но звучало похоже. Вот только слишком уж ровно было сказано, словно речевым синтезатором.

— Ты не Лада. Повторяю. Что ты такое?

— Прошу подтвердить, что вы принадлежите к роду хомо сапиенс.

Глеб поднял забрало, почти уверенный в ответе. Автору идеи хотелось свернуть шею.

— Подтверждение принято. Моя основа Лихачёва Ольга, капитан четвёртой мобильной крепости класса «Радуга» бронетанкового легиона «Победоносный».

— «Победоносный» пропал без вести ещё до последней битвы...

— Ответ неверный. Информация по частям и сосредоточению штурмовавшей Прайм группировки была стёрта для обеспечения секретности операции.

— Ты...

— Я — ИРМА.

— Кто и как? — голос хрипло дрогнул.

Девушки Лады больше не существовало. Кто-то воспользовался её курьерским имплантатом и входным каналом, чтобы закачать в мозг кибернетический интеллект. Получилась ИРМА. Искусственно-разумная машина в биологической оболочке захваченного тела.

— Крепость была подбита на третьей полосе оборонного периметра. Наблюдала штурм. Не было возможности покинуть машину. Штурм успешен, архонты и все жёлтые касты уничтожены. Синие касты не посчитали подбитую крепость угрозой. Вымерли в процессе восстановления Прайма. Восстановление было невозможно, ядро колонии уничтожено. Лучевая болезнь. Нет связи с ударной группировкой, вероятность гибели девяносто семь процентов. Нет связи со штабом. Информация о второй пустой колонии керхеров. Необходимость сообщить людям. Контрольный компьютер ремонтной системы танка не рассчитан на долгую автономную работу. Лихачёвой Ольгой принято решение перевести сознание в постоянную память крепости.

Глеб вздрогнул. Надо быть полным психом, чтобы вместо пусть мучительной, но короткой агонии от лучевой болезни растянуть свою смерть на десятилетия. Существовать в уродливом облике киб-системы подбитого танка, непрерывно, час за часом и год за годом умирая и перерождаясь в неживой компьютерный интеллект, смысл существования которого следить за ветшающим железом, искать в развалинах энергию, ремонтировать центральный компьютер, чтобы в нём сохранились нужные данные.

— Танк нашли люди. Я сообщила про вторую колонию. Пустую. Можно взять под контроль. Мужчина по имени Андрис — он сопровождал меня сегодня — узнал, что я могу стать ключом. Заблокировал фильтры канала. Я смогла занять мобильную оболочку. Андрис уничтожил остальных членов экспедиции. Приняла решение сотрудничать. В одиночку моя оболочка не дойдёт до людей.

— Ключ?

— Я ключ к колонии два. Условие до активации никакого постороннего биоматериала. Позже заражение оболочки посторонним биоматериалом не желательно, но не критично. Действия группы дезертиров грозили заразить оболочку посторонним биоматериалом. Принято решение атаковать. Твоя помощь.

Глеб выругался. Андрис всё-таки сломался. Увидел возможность одновременно обогатиться и обладать девушкой... Или, точнее, телом девушки, ему это было, похоже, уже без разницы. Погубил экспедицию. Дальше сначала он продаст вторую колонию Пустынному хану, а потом Ирма без возражений ляжет с ним в постель. В итоге парню не хватило опыта и изворотливости Гладова, и он попался к рейдерам. Будь Андрис ещё жив, Глеб пристрелил бы его на месте. Но теперь оставалось только простить, Бог ему судья — и наверняка этот суд окажется справедливее любого земного.

— Кто нас слышит, кто нас слышит, — завопил в ушах сигнал с рации. — Группа четыре. Кладка завроидов... Господи, сколько их тут. Передайте...

Глеб замер, потом в припадке ярости с силой пнул труп Лисицына. И если бы было можно, убил бы его ещё раз десять. Информация, которую старший роты использовал для прикрытия своих махинаций, на самом деле оказалась правдой. Но раз никто даже на секунду не воспринял её всерьёз, раз все не реально искали, а лишь имитировали поиски... Шансов уйти у сослуживцев из лагеря нет. От четвёртой группы до оазиса всего с полсотни километров. Если там стая, она уже давно заметила людей и ждала, обнаружат кладку или нет. Связь друг с другом у завроидов не хуже радио, твари уже знают, что кладку

обнаружили, и атакуют немедленно. И оазис, и рейд-группы. Остановить стаю без бронепехоты силами всего трёх десятков человек в лёгком снаряжении — это из области фантастики. Если кто и вырвется, что тоже под вопросом... Ибо при поиске завроидов положено в «горячем» состоянии и с водителем в кабине постоянно держать часть транспорта — а тут никто этим не озаботился. Больно много возни тогда с машинами, постоянно их перебирать и проверять.

В первую очередь завроиды станут нападать на тех, кто может добраться до остальных людей. Будут их гнать, пока всех не перебьют. У Глеба есть небольшой запас по времени, покойный Лисицын перехватил Андриса и Ладу в стороне и глубоко в пустыне. Но дорога в сторону Города сейчас гарантированное самоубийство. Да, если не стрелять — «призрак» легко укроется от органов чувств завроидов. Но пешком он до поселений не дойдёт, не хватит ресурса. Камуфляж или сломается, или сожрёт батарею скафандра намного раньше. Машина же Глеба выдаст с головой. К тому же бросать Ирму нельзя. Когда ещё найдётся такой же опытный и рискованный человек как Гладов, способный дойти и вернуться из Прайма. Это если Андрис заодно не испортил подбитый танк до конца, чтобы сделать свой ключ уникальным. Да Глеб теперь лучше подохнет, чем потеряет возможность захватить для людей нужное им как вода поселение керхеров — он Боевой пёс, он давал присягу.

— Эй, Ирма. Где там твоя база?

«Девушка» застрекотала цифрами. Наложив координаты на карту, Глеб присвистнул. В экономичном режиме ресурса его машины хватит на четыре пятых пути. Зато трасса идеально как по учебнику обойдёт район столкновения с завроидами. От точки, где закончится ресурс машины, до Города получится дойти при изрядном везении. Там ни известных оазисов, ни хоть каких-то развалин, в которых может быть скважина. Ирму он точно не дотащит живой. А вот до базы керхеров добраться можно почти наверняка, если не помешает что-то совсем уж непредвиденное.

— Мы идём к базе. Едем на машине, дальше пешком. Помоги собрать воду и продукты.

— Шансы добраться...

— Плевать. Хоть какой-то шанс. Понадобится — на руках тебя доволоку, но дойдём.

Часть III. Отныне и навсегда

— Ключом к контрольному центру стали генотип Лады и внедрённые в тело протоколы, — закончил свой рассказ Глеб. — Отсюда и требование «биологической чистоты» в момент первого контакта. Как только управление будет переключено на земных хомо сапиенс, первое время через девушку, а дальше уже обычный оператор сможет управлять Вратами. Ядро колонии хранит информацию и в состоянии производить весь спектр известной техники и станков для промышленной цепи полного цикла. Можно сделать так, чтобы ядро изготавливало и наши устройства. Керхеры не брезговали трофеями и вообще создали уникальный колонизационный робокомплекс. Ирма вошла, распечатала зал, а дальше что-то пошло не так. Возможно, она потеряла сознание, тело-то не железное. Или её сознание на время подавили системы Врат? И тут в неё вселилась Василиса.

— Я, кажется, понял, чего ты испугался, — мрачно сказал Виктор. — Но лучше...

— Лучше я сам. Теперь Василиса тоже ключ, вдобавок контрольный центр её уже признал. Та синхронизация... тебе невероятно повезло. В лобовом столкновении остановить машинный интеллект невозможно. Он хоть и без интуиции, но у него на порядок выше информационная вооружённость. В тебя однозначно попала часть памяти Ирмы, точнее, Ольги Лихачёвой: то, как ты стреляла в зомби и как ударила бутылкой. Да, решение ты принимала сама и сознательно, а вот потом уже запустились рефлексы, как всё сделать правильно. Без тебя я Врата не запущу. По крайней мере, сначала ещё раз придётся устраивать экспедицию в Прайм. Но если ты вернёшься, есть вероятность, что Ирма закончит синхронизацию и откроет прямой канал — а это твоя смерть. С Ладой именно так и произошло, когда отключили фильтры-блокираторы. Я не хочу, чтобы ты умерла.

— Теперь ваша очередь, уважаемая джинна. Или Анна Геннадьевна?

Виктор пристально, давяще посмотрел на гостью. Василиса аж вздрогнула от неожиданности. Джинна и бровью не повела.

— Лучше Анна Геннадьевна, привыкла я к этому имени. Хорошо. У нас много названий, мне больше всего нравится прозвище, которое пришло из арабских сказок. Джинна. Но есть у нас и другое наименование. Создатели миров. Пафосно, конечно, но приятно чувствовать себя равным Богу. Говорят, в древности у великого волшебника Мерлина существовал волшебный предмет, способный определить качества человека, оценить его и правильно выстроить ему судьбу. Красивая легенда, но зерно истины в ней есть. Вы же сами рассуждали об альтернативных мирах, расщепляющихся после определённого момента? Насчёт создавать мир под свой вкус своим желанием — сомневаюсь. Зато такие, как мы, способны открывать двери в эти миры. А ещё мы способны менять реальность.

Джинна повела рукой, и Василиса с Глебом оказались одеты по пляжному, в обтягивающие плавки и мини-бикини. Через пару секунд девушка сообразила, с чего это ей стало так горячо и приятно, ойкнула, и начала наливаясь краской стыда. Тут же принялась натягивать на себя и Глеба покрывало, но от парня не отодвинулась. Андрей смотрел на происходящее восторженными ошалелыми глазами, Виктор, наоборот глядел укоризненно.

— Простите. Не удержалась, — джинна вернула одежду обратно, разве что форма на школьнице стала новенькая, словно только из магазина. — Но уж так хорошо наши голубки сидят вместе. Так вот, каждый из нас, сразу как осознал свою силу, в состоянии найти тот

мир, который всю жизнь искал, в котором ты как дома. И ты отправляешься туда искать счастья.

— И каждый так? То есть я хотел сказать, Василиса у нас тоже колдовать может? — обрадованно поинтересовался Андрей. И захлопнул рот, повинувшись молчаливому жесту-приказу Виктора.

— Я восхищён вашими способностями, Анна Геннадьевна. А теперь вопрос. Зачем вы так старательно подталкиваете Василису уйти, как вы утверждаете, в мир своей мечты? Сами-то остались здесь, смотрю. Вы старательно развернули ситуацию именно так, чтобы выбор оказался без вариантов. Поправьте, если неправ, но ситуацию с теми ревнивыми дурочками как школьный психолог вы обязаны были отследить ещё пару недель назад. Если добавить вашу заботливость, чтобы Василиса узнала от всех нас правду... Она ведь имеет право знать? Чтобы возненавидеть отца, испугаться суда и уйти с Глебом. Теперь, раз уж девочка моя родственница, уже я хочу узнать: какой вам лично с этого интерес?

— Потому что я не люблю убивать детей. И не хочу этого делать, — с лица джинны разом пропала добродушная сказочность. Это была всё та же лиса, но отныне хитрый и расчётливый зверь. — У любого могущества есть плата и обратная сторона. Чем чаще ты будешь вмешиваться, перекраивая окружающий мир и поток событий в свою пользу, тем чаще будешь вынужден доказывать своё право на существование. Джинны не могут долго находиться рядом друг с другом, поэтому на Земле нас ограниченное количество. Каждый в своей вотчине. Обратная сторона нашего могущества в том, что время от времени появляются такие, как эта девочка. Потенциальные способности джинна — и умение идти против потока событий. Я живу очень долго и без всякого ясновидения могу предсказать многое. Твой одноклассник Глеб за тобой начал бы за тобой ухаживать. Он избалован женским вниманием и, если помнишь, пробовал к новенькой красавице клеиться в первый же день. Ты обязана была пойти за ним, он ведь такой «правильный». К тому же твоя мама, сама понимаешь, не упустила бы шанса подобрать тебе подходящего мальчика. Дальше неизбежно ссора с отвергнутой претенденткой и нож в живот, причём в безлюдном переулке. Ты должна была умереть сегодня вечером в реанимации, не приходя в сознание.

— Я не пошла первого числа домой... — побледнела Василиса.

— Не только. Ты отказалась следовать своей роли. Не просто побродила по улицам, и всё равно вернулась под мамин каблук. Вместо этого сначала пошла с Андреем, но главное, на следующий день, когда мать нацепила на тебя браслет, отказалась послушно, бездумно следовать её воле и желаниям. Начала кроить свою жизнь самостоятельно. С ошибками. Но свою. В этот момент способности из потенциальных стали реальными. И наша схватка — неизбежна. Сразу скажу, не сейчас. Если я не хочу, чтобы уже через несколько месяцев мне попала новая молодая джинна, убивать тебя пока нельзя. Зато можно осложнить жизнь массой неприятностей. Дать той дуре с ножом отличную характеристику, а тебе разгромную, устроить замечательное шоу на суде. Сами понимаете, опыт столетий и связи у меня огромные. Ты не сломаешься, но озлобишься, способности начнут расти намного быстрее умения ими пользоваться. И как только ты достигнешь нужного мне уровня, мы встретимся в поединке.

— Чтобы Василиса проиграла, — холодно уточнил Глеб. — Сила против опыта бесполезна.

— Совершенно верно. Но это крайний вариант, — джинна вздохнула. — Я не люблю убивать, а ещё больше ненавижу убивать детей. Наверное, это профессиональное. Я как три

столетия назад увлеклась учительствовать, так и не переставала. Мне нравится исправлять покалеченные детские судьбы. Силы посмотреть, как сложится жизнь того или иного ребёнка, уходит немного, мироздание не против такого. Дальше самая обычная работа педагога, достучаться до души, исправить то, что в твоих силах. А ещё мне нравится этот милый и очень душевный город, и я здесь живу уже очень давно. После нашего с Василисой сражения я вынуждена буду его покинуть на пару столетий, не меньше. В этот раз события сложились на редкость удачно. Я ощутила — моя соперница где-то рядом. Но условие будущей дуэли, чтобы именно своими способностями узнать твоё имя или повлиять на твой выбор я не могу. Благодаря просьбе Андрея насчёт врача я смогла с самого начала просчитать всю линию событий. Отсюда предлагаю вариант. Меня устроит «техническое поражение». Молодая джинна убежит в мир, который даст ей шанс прожить интересную и счастливую жизнь, но за бегство она навсегда лишится способностей. Станет обратно человеком. Я же за победу получу лет пятьдесят, а то и больше, спокойствия. И не переживай насчёт того, что Василису поглотит чудовище, которое вы там сотворили, молодой человек. Лада мертва, клянусь мирозданием и своей силой — уходящая джинна должна получить на старте то, что поможет ей жить в новом мире. Но дальше всё будет зависеть исключительно от вас.

— К-когда? — голос Василисы всё-таки дрогнул.

А ещё девушку начала бить мелкая дрожь. Но Глеб крепко прижал её к себе, и, ощутив его горячую руку на талии, Василиса успокоилась.

— Немедленно. И ещё. Виктор и Андрей тоже могут уйти с тобой. Их тоже здесь ничего не держит.

Василиса открыла было рот напомнить, что у Андрея вроде отец и мать есть. И тут же закрыла. Сама виновата, так и не удосужилась у друга расспросить про семью, а он не рассказывал. Но если вспомнить, как Андрей прошлую зиму жил у Виктора, там всё плохо.

— Мой аналог Андрис убил Ладу, аналога Василисы. Вы уверены, что готовы рискнуть и взять потенциального предателя с собой?

— Глупости, — отрезала Василиса. — Ты — это ты, а он — это он. Это как приравнять здешнего Глеба, и моего, — девушка сообразила, что ляпнула и прикусила язык, но было уже поздно. Оставалось молча наливать розовой краской смущения.

— Очень мило, краснеть тебе идёт, — усмехнулся Виктор. — Тогда я тоже с ними. Здесь меня и правда ничего уже не держит, а без меня эти влюблённые оболтусы, боюсь, влипнут в неприятности.

— Тогда собирайтесь и пойдёмте, — джинна встала и вышла из гаража.

За ней на улицу выбрались остальные. Воздух уже немного посерел, но до вечера оставалось много времени. Возле гаража, оказывается, стояла машина. Анна Геннадьевна достала мольберт, бумагу и краски. Помогла закрепить лист бумаги, после чего вернулась к машине и оперлась на неё спиной. Остальные встали рядом с девушкой.

— Рисуй. Для тебя дорога открывается именно так. И не беспокойся, если будут трудности — я помогу, сейчас это не запрещается.

В этот раз всё было по-иному. Сперва Василиса хотела нарисовать контрольный зал, но в последний момент побоялась. Вместо этого она решила изобразить пирамиду Врат. Под небом, выцветшим от зноя, извивами охристых и жёлтых линий застыли раскалённые пески. В зените горит злое жгучее солнце, вдалеке у горизонта темнеют скалы и загадкой чернеют наполовину занесённые песком развалины. А в центре высится огромная пирамида медово-

жёлтого металла. Едва на лист лёг последний мазок, всех четверых внезапно озарил какой-то лёгкий приятный свет. В воздухе повеяли прекрасные фруктовые ароматы, вместо сосновой роши и двух шеренг старых гаражей вперёд и назад аллеей встали деревья, золотые и серебряные яблоки, висевшие на их ветвях, были увиты лентами. Лёгкий ветерок, принёсший чудный апельсиновый запах, поколебал ветки деревьев, золотые и серебряные плоды, касаясь один другого, зазвенели, точно колокольчики. Глеб, одетый в броню и с винтовкой за спиной, казался в окружающем пространстве чужеродным, зато остальные вписались вполне естественно, что школьная форма, что костюм и галстук Виктора. Тут Василиса заметила чудесные ворота, стоявшие в нескольких шагах от неё. Они, казалось, были сложены из мрамора, белого, шоколадного и розового цветов, но стоило присмотреться, как девушка сообразила, что это был не мрамор, а обсахаренный миндаль с изюмом. Именно к воротам и подталкивал апельсиновый ветерок.

— Наша джинна любит Гофмана, — хохотнул Виктор. — Или это ты? Идёмте.

Стоило перешагнуть порог ворот, в лицо дохнуло раскалённым сухим воздухом, в глаза ударил нестерпимо-яркий свет. Они в пустыне! Кожу рук обожгло солнцем, в уши ворвались шорох и шелест мириадов трущихся песчинок, туфли на песке стояли не как на утопанной земле твёрдо, а упруго, будто на резине. Едва глаза привыкли к перемене освещения, стали видны золотистые дюны и барханы, отбрасывающие синеватые и тёмно-фиолетовые тени. Вокруг царили красноватые, охристые, коричневые, белые или серые тона, безжалостно изгнав остальные. И всё это на пепельно-голубом прозрачном фоне неба, залитого яркими лучами света.

— Пойдёмте скорее внутрь, иначе получите тепловой удар, особенно с непривычки.

— Могла бы и дать чего с собой, волшебница недоделанная, — ругнулся Андрей. — Чего там нормальным попаданцам положено? Одежда, оружие.

— Волшебный джедайский меч плюс три к силе и пять к скорости, корзину печенья и бочку варенья, — не удержался Виктор. — Думал в сказку попал...

— Она дала нечто намного более ценное, — ответил Глеб. — Василиса, примерно вот здесь приложи ладонь. В памяти брони сохранилась запись, как входила Ирма.

Ладонью по мягкой, похожей на резину, поверхности пришлось елозить в разные стороны. Но стоило отыскать нужную точку, как в монолитной стене мгновенно нарисовались синие линии, и вбок скользнул прямоугольник запирающей панели. За ней уходил вглубь длинный синий коридор, причём прохладный. Они спустились по движущейся лестнице, если верить ощущениям, на пару этажей вниз и оказались в кубической комнате. Здесь не было ничего, кроме непонятных приборов, матовая отделка жёлтых стен казалась бархатной. Стены прорезали чёткие линии хрустальных полос. Василиса догадалась, что это — сенсорные панели, не зря они заканчивались на высоте двух метров. Разных оттенков жёлтого и синего цвета огоньки слабо освещали шкалы, знаки, цифры. Словно все эти широкие стены находились в напряжённом, трепетном ожидании.

— При всей увлечённости техникой, в управлении всякие беспроводные системы, нейрошунты и киб-интерфейсы керхеры старались ограничивать. Нам нужен главный зал. Вызывай его.

— Как?

— Положи руку вот на эту панель и представь себе картинку главного зала.

Едва девушка выполнила указание, как сразу же кусок вроде бы монолитной стены растворился, за ним в темноту протянулось что-то вроде моста над пропастью. Заканчивался

мост внутри кабины лифта, похожей на те, которые Василиса не раз видела в фантастических фильмах. С прозрачными стенами, и ехала она в прозрачной трубе. Никаких кнопок в ней не было, но стоило войти, как дверь бесшумно закрылась, и кабина тронулась. Глеб неподвижно застыл металлической статуей, остальные прилипли к стенкам, разглядывая фантастическое зрелище проплывавших в полумраке снаружи загадочных механизмов.

В ушах, словно они и в самом деле находились внутри фантастической киноленты, дико грянула музыка звёздных сфер. Пассажиры то проваливались, от внезапной невесомости аж щемило сердце, и желудок улетал к подбородку, то на плечи давила перегрузка стремительного подъёма. А тонкая мелодия всё звучала, в воздухе вокруг лифта плыли клубящиеся разноцветные облака. Музыка усиливалась, гремела в тысячи голосов, цветные облачка пронзало неистово пляшущее сияние, вокруг трубы лифта взвился и закружил многокрасочный шлейф искр. И уже не было для Василисы ни стен, ни потолка, ни друзей, всё вокруг превратилось в непонятные костры холодного синего света. Свет начал желтеть, мелодия убыстрилась, принялась скакать тяжесть, в воздухе волнами пронеслась жара. Вокруг лифта забили, пронзая темноту, синие молнии, вокруг запылало зловещее фиолетовое пламя, стало холодно. Снова взревели трубы, литаврами ударили медь и серебро, в фиолетовой тьме зажглись багряные огни. Ледяное дыхание сменилось волнами теплоты, и всё пропало. Воздух, ароматный и звучный, сам лился в горло, голова кружилась от тонких звуков, нежных красок, теплоты и лёгкости в теле.

Василиса и остальные, пошатываясь, выбрались из лифта. Покачиваясь, словно пьяные, они медленно пошли по новому коридору, в глазах всё кружилось и двоилось, цвета перемешались друг с другом: кожа казалась фиолетовой, а броня Глеба отливала густым вишнёвым соком. У Василисы радостно забухало сердце от того, что сильные руки Глеба её подняли и понесли. И неважно, куда и зачем, главное, чтобы он её нёс и нёс...

— Очнулась?

Тело приятно охлаждал ветерок. На лоб легла мокрая тряпка, вторая обтёрла тело до пояса. Цветные круги перед глазами понемногу исчезли. Василиса сообразила, что лежит на полу, причём с неё опять сняли пиджак и блузку, да ещё оторвали у блузки рукава на тряпки. И находились они с Глебом в знакомом по прошлому визиту главном зале: не перепутать густо-медовое освещение, огромные экраны и ряд операторских мест. Да и нелюбовь строителей к прямым углам и полукругам не даст ошибиться.

— Что у тебя за мания какая-то, — буркнула девушка, торопливо одеваясь обратно. — Как попадаем сюда, сразу начинаешь меня раздевать.

— Всё равно продолжение запрещено, никаких посторонних биоматериалов внутри, — хохотнул Глеб. — По крайней мере, сей секунд.

— Ах ты!

Василиса покраснела, вскочила и размахнулась ударить кулаком. Остановило её то, что Глеб сейчас в броне, которая пулю-то не почувствует, про удар рукой можно вообще не вспоминать. А ещё в груди и внизу живота появилась сладкая тянущая истома и совсем к месту, но совершенно не вовремя, на ум пришли несколько роликов из интернета, подсмотренных в обход родительского контроля. И где-то на задворках сознания ехидно побежала мысль, что по-честному она вовсе «это самое» не против попробовать, причём именно с Глебом.

— Спокойно. Что ты видела в лифте?

— Ну... огни какие-то, музыка.

— Это мозг так отреагировал на внешнее воздействие механизмов Врат. Из кабины вы выползли как пьяные. Виктора и Андрея я сюда пока тащить не рискнул. Сначала перезапустим систему и введём новые протоколы. А тебя надо было хоть как-то откачать, обтирание помогло лучше всего. Удивительно, как Ирма до контрольного зала вообще доползла. С одной стороны, на неё свет и вибрации должны были подействовать слабее, но при этом, отключившись, встать обратно она уже не смогла. Если бы тогда не ты, меня сожрали бы внизу.

— А Ирма?

— Извини. Я... — голос дрогнул. — В общем, я нашёл, что от неё осталось. При капсуляции органика внутри здания разрушается. Ладно, — Глеб снял шлем, но отделять не стал, и тот повис за спиной на манер капюшона. Садись в кресло оператора.

Стоило занять ближайшее кресло, поёрзав в поисках более-менее удобной позы, как в голове противно зазвенел сухой металлический голос.

— Степень связи девяносто эргов. Степень синхронизации три четвёртых доли. Отклонения параметров в пределах синего допуска. Начать смену?

— Да.

— Смена начата. Число активных операторов на текущий момент — один. Ваш допуск — синий. Число операторов жёлтого допуска на текущий момент — ноль. Внимание, красная тревога! На время тревоги ваш допуск повышен до жёлтого. Обнаружены зверлинги. Тип — завройд. Двадцать единиц. Дать развёрнутую информацию? Дать локальную информацию?

— Дать развёрнутую информацию!

На экране, словно глядишь сквозь окно на объёмный макет, немедленно появилась жёлтая пирамида, несколько серых непонятных полуразрушенных зданий. На самом краю макета внимание привлекли два десятка красных точек.

— Глеб, опять эта гадость!

— Отлично. Так. Сейчас придётся заняться акробатикой. Я, вообще-то, так и предполагал, что как стартовый бонус на начальном этапе нам подкинут нечто вроде этого. Система приняла тебя как оператора, но выше синего статус не даст. Ты слишком отличаешься от керхера. Можно этот запрет обойти, но ломать блокировку долго, и есть риски наплодить в компьютере ошибок. А вот если что-то твой статус хотя бы на время повысит, например внешняя угроза... Сейчас мне нужно сбросить из своего биопроцессора новые коды и протоколы, которые дала с собой Анна Геннадьевна. Но для этого мы должны быть единым целым.

Глеб наклонился, девушку приобнял и поцеловал. Василиса задохнулась, губы у парня оказались умелыми, нежными. И не подумаешь, что возможно вот так: сначала коснуться рта, потом, не отрываясь, провести языком и губами по щеке, жарко потрепать ухо, спуститься на подбородок, дальше ласкать шею и ключицу — и всё это в полусогнутой позе, нависая сверху и держась рукой за интерфейс, чтобы не упасть. Когда всё закончилось, Василиса пожалела, и торопливо загнала поглубже крамольные мысли — а если бы Глеб продолжил целовать её ниже? Устояла бы? Но у него, наверное, от неудобной позы шея и поясница затекли.

— Всё отлично, ты молодец. Протоколы ушли в систему. Ты у меня просто замечательная девочка, — он улыбнулся.

А Василисе теперь оставалось на Глеба подозрительно смотреть и гадать: как понимать его слова? Молодец, что не дёргалась, пока он — будем честными — на самом деле подключался к компьютеру? Или молодец, что тоже хорошо целуется и вообще привлекательная? Или всё-таки молодец, потому что именно его девушка, не зря же он вот только что и одновременно тысячу лет назад ей признался в любви?

— А с этими, как их, звероидами, что будем делать? Пойдёшь и перестреляешь? — Глеб посмотрел на девушку таким взглядом, что ей захотелось провалиться на месте. — Ну я же сама видела, ты их в прошлый раз столько настрелял.

— Извини, забыл, ты не местная. Их не просто так называют ужас пустыни. Сильные, живучие, быстрые. Тогда я нанёс первый удар из засады, постоянно маневрировал — броня класса «призрак» отлично умеет маскироваться. Прятался и пока не начинал стрелять, меня не видели. Ну и один раз в самом начале, когда они поняли, что я один, зверлинги попробовали бросить часть сквада в лобовую атаку, пока остальные меня обходят. Потеряют несколько тактических единиц, но подавят сопротивление. Тогда они ещё не сообразили, что против них — «призрак». И то меня в итоге прижали к Вратам так, что шевельнуться не мог. Сделаем проще. Не вставай, пожалуйста, так управлять системой получится напрямую. А потом меня в список допущенного персонала добавим.

Глеб отстегнул от брони перчатки, подошёл и обнял правой рукой Василису за плечи, второй принялся тыкать в панель управления. На экране зажглись полтора десятка синих точек. Через несколько минут красные точки погасли.

— Для компьютера, если генератор поля не восстановлен, демаскировать стрелковую башню нельзя. Её легко вывести из строя. Но в нашем случае наоборот, важнее атака, а не защита. Я принудительно активировал башни, завроиды уничтожены. Ещё минутку, — не отпуская Василису, пальцами второй руки Глеб забегал по сенс-панели. — Разберусь с жильём, и пошли будить остальных.

Виктор и Андрей уже понемногу шевелились. Помогло лёгкое похлопывание по щекам, чтобы они, хоть и пошатываясь, но встали.

— Как же мне хреново-то, — простонал Виктор. — Как с похмелья, будто неделю не просыхал.

— А что, был опыт?

— Нет, я как завязал с дурью, даже пива в рот не беру. Но экстраполируя опыт дурной молодости, могу себе представить.

— Это на вас подействовали Врата, главный лифт проходит мимо них. Дальше мы там будем либо в находиться скафандрах, либо ходить другим путём. Подлиннее, но поспокойнее.

— Раз кто-то шутит и говорит умные длинные слова, то всё не так плохо. Нам тут жильё и питание обещали. Веди.

Идти безликими коридорами всех оттенков жёлтого и синего пришлось с полчаса. Но так долго скорее от того, что первое время Андрей и Виктор еле плелись. Смена интерьера случилась неожиданно: очередная дверь вывела во вполне земную комнату, на стенах намалёван какой-то разноцветный абстракционизм, в центре привинчен к полу стол и длинные скамьи вдоль него. В углу замер агрегат, в котором угадывалось нечто вроде кухонного комбайна — три ряда кнопок с пиктограммами разных блюд, и закрывающая нишу выдачи шторка. Вдоль одной из стен — с десяток раскрашенных, каждая в свой цвет, дверей. За каждой скрывался небольшой одноместный номер с душем. Везде царил

минимализм, из обстановки в номерах только кровать со шкафом. Но это были самые настоящие земные комнаты, стены в жилой части покрывали цветочные узоры как на обоях. После откровенно чужеродных помещений керхеров глаз прямо-таки отдышал.

— Что это?

— Раньше в этом секторе был тюремный блок.

— Чего? — хором удивились остальные.

— Ты нам здесь жить предлагаешь? — возмутился Андрей.

— Есть варианты? Учти, по всему зданию ни спальных мест для человека, ни питания не предусмотрено. А пищевой концентрат керхеров ты под угрозой расстрела жрать не станешь, это я тебе гарантирую. И круглые сутки находиться в помещениях инопланетной архитектуры чревато нервным срывом. Керхерам надо было где-то держать пленников, чтобы те не сошли с ума, нам тоже пригодится.

— Согласна, — поддержала Василиса.

— И я «за». Заодно предлагаю продегустировать здешнюю кухню, меня в полицию с обеда сорвали, и как назло я сегодня выскочил почти без завтрака.

Оставшись в меньшинстве, Андрей капитулировал, хотя и продолжил что-то неразборчиво ворчать себе под нос.

— И какие у нас планы? — Виктор, едва проглотив первое блюдо, был уже полон энтузиазма. — У тебя, подозреваю, всё продумано?

— Просто явиться к Пустынному хану нам нельзя. То есть он-то, может, и поверит, но тут сразу ряд проблем. Вы все похожи, но другие люди. Выдать себя за Ладу, Гладова и Андриса не получится. То есть прочитав всё, что можно, про Опал и выдать себя за городского жителя перед обычным пустынным легко, но не перед Ханом. Это даже если забыть, что у Василисы нет и никогда не было информационного чипа, кстати, он не извлекаемый и ставится на всю жизнь. Андрей тоже никогда не киборгизировался. Нас выдаст первое же сканирование. И не сошлешься ни на какие секретные технологии керхеров, мол, в ядре всё вытащили и вас вылечили: рубцов-то нет.

— Рассказывать правду в полном объёме тоже неразумно.

— А если прикинуться, что мы просто с другой колонии? Ты говорил, — вспомнила Василиса, — что керхеры сами не понимали, чем пользуются. Я кучу книжек прочитала, любой мир вам придумаю и опишу. Скажем, мы тоже колония, но полетели в самом начале, и с этим, как его, эффектом Шермана. Провалились во времени. Или просто давн потерялись. Забыли про космос. Планета зелёная и хорошая, уровень техники деградировал до бензина или угля. И врать особо не придётся, и на нестыковках не поймают: одну и ту же правду говорим.

— Это мысль. Предлагаю так и сделать. Но всё равно вам надо подготовиться. Освоить навыки местной жизни, почитать про Опал. К пустыне привыкнуть. И ещё. Здесь есть нормальное медицинское оборудование, всем провериться и получить комплекс прививок. Андрею заодно потерять все татуировки. У вас это забавно, а тут за некоторые его наколки если просто свернут шею, считай, повезло. Время... время у нас будет. Просто отдавать Хану действующее ядро керхеров я не хочу, и вопрос не в жадности. Мне нужно ведь не свалить руководства Города и поставить нового координатора, мне нужно создать конкурентов. И для этого хорошо бы процесс хоть как-то контролировать.

— Если я правильно представляю его по твоим рассказам, — поморщился Виктор, — нам этот Пустынный хан не по зубам. Это даже не старый опытный волк, а Змей Горыныч

натуральный.

— Да. Но он умеет держать слово и ценить умных соперников. А ещё он как бы сказать? Жаден по разумному, хорошо понимает, что всё не проглотишь. И если предложенный ему кусок его устроит, просто так из жадности бить в спину Хан не станет. Были прецеденты... Но для начала нам надо обеспечить позицию для торговли. Нечто весомое, чтобы нас выслушали, когда мы начнём рассказывать о Вратах и наших предложениях. Для этого можно изготовить и подарить мобильную бурильную установку: столица Пустынного хана остро нуждается в воде. Если мы поможем решить проблему, за нашей спиной встанет сильнейший союзник в виде обычая. Навредить тому, кто принёс твоему клану воду или подарил дорогу к новому оазису, означает навлечь на себя проклятье духа пустыни. Я уже проверил, в памяти компьютеров чертежи есть. Изготовление займёт недели две. Нам как раз хватит времени освоиться.

— С чего ты уверен, что стоит всем сказать, — потребовал уточнений Виктор, — у меня буровая, и тебе сразу поверят? И что этот хозяин целой пустыни вообще с тобой станет говорить? Ты для него не окажешься непонятым авантюристом неизвестно откуда?

— У Гладова какие-то предварительные договорённости с ним точно были. Этого достаточно, чтобы встретиться с Ханом, а дальше изложить ему версию Василисы. С буровой ещё проще. Её опознать несложно, среди тех, кто нас встретит, наверняка пришлют специалистов, способных проверить заправку картриджей, энергии и буровых дронов.

— А как мы отыщем твоего Хана? — поинтересовался Андрей.

— Я планировал встречу с ним самого начала, для этого скопировал с тела Андриаса все позывные. Да и Ирма многое знала и тоже сообщила. В прошлый раз встреча и сделка сорвалась, но даже если в позывные не поверят, хоть кого-то посмотреть в точку randevu всё равно пришлют.

— Тогда всё начинаем завтра, — скомандовал Виктор. — А теперь всем спать.

Каждому досталось по собственной комнате: оказалось, пока они ужинали, по запросу Глеба компьютер изготовил и сложил в комнату по комплекту личных вещей. Но для жителя Опала и для компьютера все цвета были просто цветами. В итоге Василисе досталась зелёная дверь, Андрею и Виктору разных оттенков голубого. Увидев мрачные взгляды, девушка не выдержала и расхохоталась.

— Ой, не могу. Глеб, понимаешь, у нас дома голубой для мужика? Как бы сказать? Ну сигнал, что он предпочитает спать с мужиком. А Виктор говорил, что к себе домой женщин никогда не водил, потому соседи заподозрили, что он этот самый, голубой. Ну а Андрей его любовник.

Глеб с искренним непониманием пожал плечами и буркнул:

— Стоило из-за такой глупости огород городить? Но если не нравится, завтра перенастрою цвет на любой другой по вкусу. Так, Андрей, ну ка, чего это ты такой серый?

— Меня начало мутить с чего-то.

— Дай-ка руку, — Глеб вытащил из скафандра выносной интерфейс диагноста.

Робо-медик с минуту помигал светодиодами. Не нашёл ничего срочного и вывел на экранчик совет: «отдых и сон».

— Видимо, ты путешествие в лифте перенёс хуже всех. В медкомплекс тащиться не вижу смысла. И в самом деле, иди-ка ты спать.

Виктор, проявляя деликатность, тоже ушёл к себе. Глеб и Василиса какое-то время ещё посидели за болтовнёй, дальше Глеб проводил девушку до «квартиры», но, к тайному

огорчению Василисы, ночевать с ней, как делал раньше на Земле, он не стал. Оставшись одна, Василиса медленно, нарочито тщательно вымылась и почистила зубы, переделалась, заставила себя лечь и выключила свет. И дальше начала ворочаться, уснуть никак не получалось. Нет, с разумной точки зрения Глеб вроде прав, родительского контроля больше нет, теперь они сами должны проявлять взрослую выдержку и взвешенность в отношениях. Если Глеб придёт, непонятно чем всё закончится, а она... Перед собой стоит быть честной, сексом ей заниматься ещё рано, да и страшно, а Глебу наверняка наоборот хочется... И всё равно глухая обида, что мог бы и просто прийти и посидеть рядом, пропадать не желала. Ей так уютно было засыпать вдвоём, и так плохо одной.

Глеб к себе отправился не сразу. Уже один вернулся в контрольный центр — отдавать масштабные команды можно было только в присутствии Василисы, но мелочи, вроде производства снаряжения или поиска по базе данных нужного типа буровой, он, благодаря биопроцесору, мог выполнить и один. А когда вернулся в жилую зону, в столовой наткнулся на пившего чай Виктора.

— Ну что, джентльмена ты наш?

— В каком смысле?

— В прямом, и не прикидывайся, что не понимаешь. Деликатный он. О приличиях вспомнил, или ещё кое о чём?

— Я...

— А ну цыц мне. В общем, так. Раз уж начал ухаживать за моей племянницей, так чтобы не останавливался. Именно ухаживал чтобы, но без всякого блуда.

— Я именно...

— Молчать. Она к тебе первая не полезет в постель, если руки распускать не будешь. А ты, полагаю, достаточно взрослый мужик, чтобы думать головой, а не гормонами. Под пули он лезть большой и не боится, а к любимой девочке зайти и обнять на ночь трусит. И не ссылайся насчёт возраста, я многое повидал и вполне могу оценить и твоё образование, в том числе по части женщин, и остальной жизненный опыт. За пять-то лет службы, а, господин лейтенант? Так что вперёд, чтобы обеспечивал романтику и хорошее самочувствие. Иначе ещё ссор мне тут не хватало. Милые бранятся, конечно, только тешатся, только непонятно, что потом с трупом делать. Страус, пошёл.

Глеб успел подумать, при чём тут страус? Порадоваться насчёт Виктора, который согласился с ними пойти. Иначе точно бы сожрали сразу, как они сунутся с предложением к Хану. И что земной аналог майора Гладова стоит своего здешнего прототипа. Ведь «на Земле» Глеб старался информацию про себя рассказывать хаотично, дозировано, запутывая, как учили военные психологи — и всё равно Виктор сумел всё собрать, оценить и проанализировать. А ещё Глеб пожалел, что перед походом в контрольный центр скинул бронескафандр — сейчас в голову не лезло никакого повода отказаться насчёт визита. Хотя то, на чём настаивает Виктор, не очень разумно... Додумать ему Виктор не дал, открыл дверь и втолкнул в комнату.

Темнота мягко обняла на пороге, что-то зашептала на ухо. Глеб замер — и признался себе, что и в самом деле боится. «Там» всё было понятно, и как отреагирует домашняя девочка, и зачем ему всё это нужно, легко просчитывался каждый шаг. И свой, и её. Здесь всё полетело с ног на голову, и уже не понять и не просчитать даже себя, не говоря уж о Василисе. Себе-то уж можно не врать: он боится её потерять, потому-то сейчас струсил и дезертировал, прикрывшись «неотложными» делами. Василиса его очень привлекает как

женщина — но как раз к интиму ни он, ни она, не готовы. То есть секс организовать можно, и Василисе кувыряться на простынях наверняка понравится. Потом они расстанутся, страсть плохой заменитель любви. А секс сейчас легко заглушит любовь именно страстью. Но прав и Виктор: лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть, что не сделал.

Глеб осторожно подошёл и присел на край кровати. Девушка, кажется, спала, поэтому он лишь осторожно погладил её по волосам. Вздогнул и чуть не свалился на пол: Василиса перехватила его руку и потянула на себя. Вскоре она уже устроилась точно так, как и последние недели у него на плече. Ещё несколько секунд поелозила, чуть коснулась губами его щеки. И тут же дыхание выровнялось, девушка провалилась в глубокий сон.

Проснулся Глеб от того, что его сначала толкнули в плечо, а потом быстро поцеловали в губы. Открыв глаза, он обнаружил, что тоже уснул рядом с Василисой. И не заметил, как она встала. А сейчас девушка стояла рядом и смущённо отводила глаза. Вроде бы ничего такого она не делала, да и Глеб у неё ночует не в первый раз. Но вот разбудить его поцелуем Василисе понравилось, при этом она своего поступка стеснялась. Глеб мгновенно, так что девушка не успела отреагировать, перетёк из лежачего положения в стоячее, заключил её в кольцо рук, провёл ладонью по волосам и осторожно коснулся губами мочки уха.

— Спасибо. Первый раз за последние дни выспался.

— Тогда пошли завтракать, — просияла девушка. — Мы уже поели, одного тебя ждём.

Несмотря на страхи Глеба, и Андрей, и Виктор встретили то, что он вышел из комнаты с зелёной дверью, совершенно спокойно. Причём не изображали равнодушие, а и в самом деле принимали как нечто естественное. Андрей вообще елозил и еле усидел, пока Глеб заканчивал с едой, дожидаясь возможности спросить:

— И куда мы теперь?

— Вам нужно две вещи, как раз к утру должны были подготовить для этого помещения. Я хотел начать с учебного класса, но можно и с тира. Всё равно в пустыне каждый мужчина, даже если он не воин, а ремесленник, обязан уметь стрелять.

По тому, как засияла физиономия Андрея, стало ясно: как на иголках всё утро он сидел как раз потому, что опасался — его к оружию не пустят, причём этому найдётся какой-нибудь весомый аргумент-обоснование.

Недолгий путь инопланетными коридорами привёл всех к двум комнатам, выглядевшим как нечто среднее между вкусами людей и керхеров, пусть и окрашено всё было в типовые жёлтые и синие оттенки. В первом помещении расположились три, хорошо знакомых каждому, офисных рабочих места, с клавиатурой, мышкой и монитором.

— Я постарался запрограммировать привычный вам дизайн.

— А мы поймём? — сразу спросила Василиса. — Или там всё по-русски?

— А ты не обратила внимание, что мы, как сюда вошли, — Глеб притянул девушку к себе и погладил по волосам, — все четверо говорим на современном языке Опала? Я так понимаю, тебе язык достался ещё в первый визит от Ирмы, а остальным его подарила Анна Геннадьевна. Хоть и нелюдь волшебная, а хороший человек, что ни говорите. Она и в самом деле постаралась сделать для нас всё, что могла.

— Не в ущерб своим интересам, — хмыкнул Виктор. — А второе помещение, я правильно понял? Тир? — и насмешливо посмотрел на Андрея, у которого аж руки дрожали от нетерпения.

Андрею хватило выдержки прослушать инструкцию по обращению с оружием, несколько раз её повторить, пока Глеб не убедился: слова усвоены. Хоть и не терпелось

пострелять, Андрей прекрасно понимал, что оружие штука серьёзная. Дальше, взяв пистолет, донельзя счастливый, он вышел на огневой рубеж. Его ни капли не смутило, что в итоге он из двадцати выстрелов в мишень посадил всего три пули, да и те, скорее, случайно.

Виктор, к удивлению всех остальных, сразу уложил в мишень больше половины из тех же двадцати выстрелов. Причём Глеб не сомневался, что будь у него более привычное пороховое оружие пустынников, результат был бы ещё лучше. На удивлённые взгляды, Виктор коротко ответил:

— Да нет, ни к «органам», ни к уловке я отношения не имел. Но ствол иногда приходилось таскать, и не для того, чтобы перед девками красоваться. И сразу говорю: про «это» говорить не хочу и не буду. Пусть всё останется на Земле.

Василиса, глядя на остальных, тоже взяла пистолет в руки, повертела. В книжках героиня обязательно обучалась военному делу и становилась солдатом не хуже какого-нибудь спецназовца или рыцаря. Но вот ей почему-то держать в руках оружие было некомфортно. Сейчас пистолет не придавал уверенности, как на Чумной пустоши, где от него и в самом деле зависела жизнь при встрече с монстром. Здесь, в уюте учебного класса, это было хищное, совершенное устройство, созданное не защищать, а нападать и отнимать чужую жизнь. Василиса припомнила, мол, вроде бы Глеб говорил — где-то в глубине её памяти живут навыки капитана Ольги Лихачёвой. Попробовала их вызвать... нет, ничего. Только по спине побежали мурашки, а пистолет теперь вызывал ещё и иррациональный страх.

— А мне это обязательно? — прозвучало довольно жалобно.

— Нет, — Глеб забрал у неё пистолет. — Не хочешь?

— Не хочу.

— Тогда и не надо, — поддержал Виктор. — Да, из женщин при нужде получаются отличные солдаты. Но всё-таки война не женское дело. Раз нет желания, так и держись от этих стреляющих железок подальше.

— А в бронескафандре ходить нас учить будешь? — решился высказаться насчёт второй своей мечты Андрей.

— Вообще-то это довольно сложное дело. Хотя бы просто ходить, не говоря уж про «воевать», даже в упрощённой модели, которую разрабатывали для ополчения. Виктору надо заниматься обязательно, ему хотя бы на предварительной встрече изображать Гладова. Пойдёмте.

Они вернулись в учебную комнату, Глеб показал, как включается проектор и запустил начало обучающего курса. На свободном пространстве возникли фигура в бронескафандре и вторая в разрезе и с поясняющими выносками.

— Упрощённая модель, была разработана для ополчения. Неуязвима для обычной пули, имеет ограниченные функции жизнеобеспечения. Это значит, что в космическом пространстве она не применима. Обеспечивает усиление мускулатуры и базовую защиту от радиационного, биологического и химического воздействия. Урезанный процессор, поэтому у тебя не будет проблемы захлебнуться в информации. Говоря по-человечески, никакой синхронизации через сеть и тактического анализа нет. Связь внутри подразделения голосом, самое большее, что встроенная электроника сумеет — это вывести на забрало прицел и информацию от винтовки. Винтовка интегрируется с бронёй, в активном состоянии боезапас пополняется из встроенного комплекта. Скафандр герметичен, может работать автономно до семи дней, в том числе и перерабатывая отходы.

Василиса поморщилась, не желая уточнений, как именно и какие отходы скафандр перерабатывает. Андрей же обрадованно кивнул, не стал возвращаться в тир, а сразу засел за учебный курс. Уже на следующий день он заявил, мол, с теорией разобрался, виртуальную тренировку прошёл, всё просто. И можно начинать практику. Виктор молча усмехнулся, но, к удивлению Василисы, отказывать в пробе на настоящей броне Глеб не стал. Хотя и потребовал проводить эксперименты только на улице.

Вечером, когда ещё светло, но уже не так печёт, все четверо стояли на песке, а на тележке транспортёра лежал бронескафандр. Андрей восторженно посмотрел на настоящий «боевой доспех» — его личный скафандр. Дотошно вспомнил инструкции, потом с завистью вспомнил, как свою броню Глеб умудрялся надевать и готовить к бою всего за две минуты. «Сначала научись ползать, а уж потом — ходить», — сказал он сам себе.

Костюм увеличил рост Андрея сантиметров на двадцать, ботинки огромного размера были оснащены собственными стабилизационными системами, чтобы всегда удерживать бойца в вертикальном положении. Стоило надеть скафандр, и бронекостюм обвис как на вешалке, пока Андрей не сообразил, где включить автоматический подгон по фигуре. Плечевая часть скафандра была увеличена и вмещала комплект боезапаса и основную электронику. Нечто вроде ранца за спиной являлось кондиционером, не дающим человеку внутри и синтетическим мышцам перегреваться. В некоторых частях броня казалась немного тесной, широкими полосами охватывала руки и ноги. Другие же части выглядели лёгкими и открытыми.

— Уплотнённые области — часть спасательной системы, — пояснил Глеб, — Если в условиях заражённой местности будет попадание в руку или ногу, скафандр закроет брешь как турникет. Кое-что потеряешь, но остальное уцелеет.

Глеб помог загерметизировать скафандр. Андрей качнулся назад и вперед, ощущая себя черепахой на ходулях. Глеб захлопывать забрало не стал, чтобы его слышали и Василиса с Виктором. В ушах Андрея раздался голос:

— Теперь давай-ка пройдёшься. Медленно.

Андрей согласно инструкции взглянул на сигнальное табло, расположенное вдоль нижнего края забрала. Для наспех обученных ополченцев информация выводилась не подробно, а в виде набора огоньков, каждый отвечал за свой параметр. Сейчас сплошной ряд зелёных точек говорил: «Всё отлично, готов подраться». Андрей шагнул вперед. Машинально рассчитывая, что на нём сейчас на нём чуть ли не тонна всякой всячины, и ожидая, что каждый шаг будет ощущаться, словно к ногам привязали по гире, он приложил максимальное усилие. Искусственная мускулатура послушно выполнила команду, ступня поднялась чуть ли не до пояса. Высоко вскинув ногу, Андрей, под хихиканье Василисы, потерял равновесие, и его повело назад. В этот момент сработали стабилизаторы, и парень крутанулся, с тупым звуком шлепка о песок грохнувшись набок. Огоньки предупредительно замигали жёлтым. Если Андрей не ошибался, согласно инструкции они сообщали: «Эй, недотёпа, ты упал».

Виктор прикрыл лицо руками, пытаясь придать себе задумчивый вид, но не смог скрыть усмешку.

— Подняться поможешь?

— Ты же всё освоил, — голос Глеба звучал сдавленно от сдерживаемого смеха.

«А вот встану и всё сделаю», — разозлился Андрей. Медленно перекатился на живот, оттолкнулся одной рукой, но тут по ощущениям сместился центр тяжести или отключились

усилители в ногах, шевелить огромными ступнями стало очень и очень тяжело. Наконец он принял более или менее вертикальное положение.

— Хорошо. Теперь иди снова.

В этот раз Андрей попробовал лишь шаркнуть ногой, и скафандр в ответ тяжело шагнул вперёд, подняв тучу песка. Андрей прошаркал десять шагов вперёд, повернулся и одолел ещё десяток. На втором повороте он был уже достаточно уверен в себе, чтобы попробовать сделать настоящие шаги и не упасть. Датчики вроде бы все мигали зелёным, и Андрей успокоился, теперь всё идёт просто отлично. А что он пока идёт вперевалку как пингвин — нормально научиться двигаться дело практики. Глеб взял с тележки винтовку и вручил её Андрею:

— Выстрели по тем развалинам. Не беспокойся, я контролирую твою броню, в нас даже случайно ты не попадёшь, — произнёс он, изо всех сил стараясь не улыбаться.

Облачённые в броню пальцы Андрея сомкнулись на большей рукояти. Тут же интерфейсы состыковались, винтовка стала продолжением руки пехотинца. Прицелившись, Андрей, ни минуты не размышляя, выстрелил. Каменные осколки разлетелись во все стороны, Андрея снесло в противоположном от мишени направлении.

— Отдача, — пояснил Глеб. — Ты не подумал. Бронекостюм скомпенсирует отдачу, поможет поднять хоть огромный камень, хоть пушинку. Но каждый раз необходимо точно ему приказывать. Голосом, мышцами, позой. Это железка, она за тебя думать не сумеет. Так что до отъезда надо постараться до автоматизма отработать моторику на тренажёрах. А практику, если что, доберёшь уже по дороге.

Тяжёлая и огромная как дом буровая мобильная установка медленно ползла, оставляя на рыхлом песке след широких колёс. Днём — палящее солнце и знойная пустыня, нагроможденье песков и извилистых как змеи дюн, иногда заросли сухих колючек, в которых шевелились и охотились друг на друга вездесущая жизнь. Сознание наводняли миражи зелёных оазисов, тишина шептала что-то вдогонку. Потом напознала ночь, остужая пылавшую весь день пустынную печь, охватывала бесконечные пространства зыбкой накидкой чёрного неба, на которой тускло мерцали равнодушные звёзды. Контрольные смены поделили на четверых, хотя и без того автоматика могла сама вести установку к цели или бурить. Но когда-то горький опыт войны с керхерами заставил отказаться от излишне самостоятельных систем без присмотра человека.

Машина шла без остановки почти круглые сутки. К вечеру экипаж единогласно решил сделать остановку, размять ноги и передохнуть возле костра: кубатура единственного жилого помещения оставляла желать лучшего. Первым выбрался Глеб, уже через сенсоры брони осмотрел окружающую местность.

— Можно выходить.

— А хищника встретить не боишься? — на всякий случай поинтересовался Андрей. — Я тут у вас каталог посмотрел...

— От нашего грохота окружающая живность разбежится в разные стороны. Даже бесстрашный ядозуб удерёт, — Глеб на всякий случай пояснил для Виктора и Василисы. — Это огромная, похожая на варана с окраской гепарда ящерица. До прихода людей некоронованный царь пустыни. Но на всякий случай дрова будем собирать только в скафандрах, их даже ядозуб не возьмёт.

Когда сгустились сумерки, уже весело трещал смолистыми полешками костёр, над

которым булькал котелок с супом. Консервы и полуфабрикаты, приготовленные и разогретые на настоящем костре, обладали совсем иным, чарующим вкусом. А потом розовым шатром пустыню укрыл закат, и мягким бархатом легла ночь. Дым отгонял лёгкий ветерок, а Глеба на миг охватило ощущение дежавю. Искры над костром улетали прочь, словно хотели забраться в бесконечность Вселенной и остаться среди созвездий. И от этого небо казалось чёрным стеклом, непроницаемо закутавшим Опал. Звёзды оттуда смотрели на человека со злой насмешкой: больше ему не разбить уединения вакуума грохотом космических кораблей. Отныне удел человека коротать ночи в пустыне, царстве голых скал, развалин и песка. Вот также всего несколько месяцев назад Глеб сидел, первый раз встретив Ладу. Но сейчас на колени к бывшему лейтенанту положила голову Василиса, и тепло девушки не дало наваждению зацепиться за душу. Наоборот, теперь уже Глеб посмотрел на звёзды с насмешкой: вы ошиблись, недолго вам осталось быть в одиночестве. Завтра, послезавтра или через год — но люди вырвутся обратно за границу атмосферы.

Буровая установка не предназначалась для поиска жизни, но обладала чувствительными локаторами, которые Глебу удалось настроить, чтобы ощупывать пустыню на два-три десятка километров вперёд. Скачущий навстречу отряд они заметили задолго до того, как посланцы Пустынного хана прибыли в точку рандеву.

Василису и Андрея оставили в кабине, поэтому им оставалось лишь наблюдать на экране, как подъезжали десять всадников. Животные под седлом выглядели смесью верблюда и лошади — на заре колонизации их вывели, поскольку живущая на подножном корму лошадь, пока техники ещё мало, нередко удобнее машин, требующих заводских источников энергии и сложных запчастей. Благодаря этим выносливым, питавшимся любой органикой «лошадкам», человек во многом и существовал сейчас в пустыне. Тагельмусты скрывали лица, но Василиса поняла, что двое старших в отряде уже немолоды, с ними пятеро мужчин среднего возраста и трое совсем юных парней. Но винтовки за спинами висели у всех. При виде машины пустынники замерли, но жгучий интерес не скрывал никто: пусть модель незнакома, именно мобильную тяжёлую буровую опознать нетрудно. Виктор и Глеб встречали гостей в бронескафандрах, но забрала были подняты, а перчатки демонстративно отстёгнуты. «Мы можем сражаться, но хотим разговаривать».

После недолгих приветствий и вежливых слов старший отряда спросил:

— Вы не вышли к точке первый раз. Что случилось?

— Не было счастья, да несчастье помогло, — криво усмехнулся Виктор. — Нас почти перехватили. Знакома фамилия: рейдер Лисицын?

Пустынник кивнул и также скривился: фамилия была ему знакома слишком хорошо.

— Кто-то узнал про нас и нанял его перехватить. Прикрытием для начальства было то, что где-то здесь якобы видели стаю завроидов. Мой человек, — Виктор показал на Глеба, — сумел войти в состав роты Лисицына, предупредил меня, хоть и с потерями, мы сумели уйти. А дальше ложь обернулась правдой. В прошлой точке и в самом деле бродит стая завроидов. Рейдеров сожрали, мы еле унесли ноги, но пришлось скрытно в режиме молчания уходить по большой дуге и в точку два.

— Пусть духи пустыни накажут этих негодяев даже после смерти, — от души проклял старший отряда.

Завроиды были угрозой, с которой не шутят. Лисицын попробовал обмануть, придумав стаю тварей — и накликал беду на всех.

— Сейчас важно другое. У нас за спиной не просто установка в рабочем состоянии,

картриджи и дроны в ней заправлены на десять скважин. Нужно как можно быстрее доставить её в ваш посёлок.

Почти минуту все пустынные не могли произнести ни слова, одни крестились, другие замерли столбом. Десять новых скважин — невероятное, безумное сокровище. Сокровище, за которое, не раздумывая, конкуренты им перережут глотку. Не остановят никакие договорённости, если у тебя за спиной не окажется достаточной силы отстоять это богатство. Тут же старший встречавших выделил половину отряда с приказом мчаться и сообщить Хану, чтобы владыка как можно скорее высылал навстречу помощь. Остальные же вместе с машиной спешно уйдут на полсотни километров в сторону, на случай, если кто-то прознал о планах и точке встречи.

То, что до столицы Пустынного хана осталось недалеко, стало понятно, когда локатор показал движущийся навстречу буровой и её охране крупный отряд, предупредивший о себе по радиации. Вскоре из-за высокого бархана выскочила почти сотня всадников, в сопровождении четырёх машин, обвешанных пулемётами: как позволило расстояние, из селения на помощь выехало столько мужчин, сколько имелось лошадей. Причём лишней предосторожностью это никто не посчитал. Через посёлок шло немало караванных путей, в радиусе досягаемости было несколько природных оазисов и скважин, а где вода — там и грабители.

Василиса присмотрелась к броневику и удивлённо спросила:

— У них труба выхлопная, вон прямо дым видно. У вас тоже на бензине ездят?

— Пустынным недоступны многие современные технологии, — пожал плечами Глеб. — Знания сохранились пока ещё, есть свои инженеры, в том числе из Города. Но чем сложнее машина, тем труднее её содержать без соответствующего парка станков. Вот и переходят на примитивную кустарщину. Те же пороховые винтовки или бензиновые двигатели. Сам тоже первый раз вижу, но слышал, что недалеко добывают и перегоняют нефть, детали где-то сами делают, часть заготовок в городе покупают. Из-за этого в том нападении и пытались именно Пустынного хана подставить. Запаса металла на транспортёрах пустынным хватило бы лет на тридцать, полностью сделав независимыми от поставок из эко-купола. Все должны были поверить, ибо, кроме Хана, организовать подобную масштабную операцию в пустыне больше некому. Еда или какой-нибудь груз запчастей для городской техники интересуют исключительно мелкие банды: что-то самим съесть, остальной груз на чёрном рынке в Старой бойне толкнуть.

Небольшое естественное озеро, посёлок и тепловое пятно неподалёку, видимо завод, локатор тоже показал заранее. Но нормальной картинкой этот прибор не рисовал, одни лишь точки, линии и ворох цифр. Так что к зрелищу Василиса оказалась не готова, хотя и напридумывала себе по дороге вариантов от скопища глинобитных лачужек до дома-колодца Люка Скайуокера из «Звёздных войн». Когда машина поднялась на последний бархан, и получилось всё разглядеть через окно уже своими глазами, Василиса ощутила, как у неё отвисает челюсть.

Зубчатая линия горизонта была залита алым, огненная стена наполовину опустилась за барханы, красуясь напоследок золотисто-красной гривой. Солнце хоть уже и пряталось на ночь, подчиняясь непреложному ходу времени, но ещё роняло последние яркие лучи на дома, точнее высокие конусы крыш, лежавших на прямоугольниках первого этажа. Причём если не подводил глазомер, эти конусы в высоту поднимались как ещё два этажа. Где-то

дома смыкались стенами, где-то невысокими заборами дворов. Посёлок был немаленький, его пытались распланировать: три продольных и две поперечных улицы. Но между ними жизнь брала своё, образуя затейливый узор переулков и тупичков. В самом центре хорошо узнаваемой луковицей купола стояла церковь. Верили тут поголовно, искренне и истово, слишком уж часто жизнь в пустыне зависела не только от силы человека, но и от удачи свыше.

Постоянный гараж для огромной и тяжёлой машины делать не стали. Выкопали что-то вроде траншеи глубиной в метр, усилив стенки от осыпания глиняным кирпичом-сырцом, из такого же необожжённого кирпича подняли стены на метр над поверхностью. Остальное спрятали под крышей из маскировочной ткани. Сразу как застыл двигатель, экипаж выбрался наружи, причём в этот раз обошлись вообще без брони. Встречало их всё население посёлка во главе с самим правителем. И что девушку приятно порадовало — на чужаков смотрели с уважением, но без зависти. А ведь гости были одеты в сшитые из термоткани песчаные комплекты эпохи технологического расцвета. В таких можно хоть ночевать в холодную ночь на песке, хоть не перегреться в самую жару. С началом упадка встречалась такая одежда всё реже, каждый подобный комплект стоил как новое подворье с молодым конём в придачу. Ещё порадовало, что по рясам можно было угадать четверых священников, но стояли они в общей толпе, а не в числе свиты Пустынного хана. Признаком того, что светской власти в посёлке церковь не имела.

Василиса постаралась взглянуть на Пустынного хана как художник, словно собиралась рисовать его портрет: настоящая картина есть сплав внешнего и внутреннего, поэтому отражает личность намного полнее и точнее простой фотографии. Роста чуть выше среднего, но коренаст, отчего кажется приземистым: природа наградила его тонкой поясницей, при широких плечах. Руки вытянутые, кисти узкие, но если сложить с разворотом плеч и мускулами, которые опытный взгляд угадывал и дорисовывал под рубахой, своими тонкими пальцами Пустынный хан, если понадобится, без особого напряжения согнёт железный прут. Лицо грубоватое, с обычной для пустытника загорелой до коричневого цвета и обветренной кожей. А ещё к смуглому полногубому лицу очень симпатично прилагалась большая, угольно-чёрная, без блеска, ассирийская борода кольцами. Зубы и улыбку — хоть сейчас на рекламу зубной пасты, прямой взгляд зелёных глаз. Открытое и честное лицо. Слишком простое и честное, чтобы поверить. Вдобавок Хан и не думал прятать взгляд сытого хищника, который оценивающе смотрит и прикидывает: когда он проголодается, отнести ли ему тебя в категорию добычи и съесть на ужин? Или твоя шкура слишком дорогой трофеей, и для начала стоит попробовать договориться? На память пришла здоровенная хаски, с которой гуляла девочка в их дворе в Ярославле: добродушная флегматичная собака, спокойно дававшая детворе себя гладить — пока трое податых парней не надумали хозяйку обидеть.

Виктор, как старший, по обычаю пустытников слегка поклонился, прижав ладони к груди, произнёс положенные слова приветствия и что вручает свою добычу под руку Пустынного хана. Тот сначала ответил полупоклоном, потом уже по-городскому пожал руку и ответил, что рад встретить экипаж как дорогих гостей своего рода и приглашает посетить его дом.

Улицы произвели на Василису двойственное впечатление. Небольшие окна, прорезанные в широкой толще стен, казались скорее бойницами и наверняка давали мало света — но иначе люди внутри сварятся от жары. На стенах домов шли трубы, в которых,

если Василиса догадалась правильно, пролегли электрические кабели. Незря на этих же трубах висели фонари с рефлекторами и, хорошо знакомыми ещё по Земле, самыми настоящими лампами накаливания? Внизу пролегли ещё одни трубы, когда-то они, похоже, орошали высаженную вдоль домов растительность, но сейчас там всё высохло, если не считать пустынных колючек. Столица пустыни и в самом деле начинала задыхаться от нехватки воды.

Дом Пустынного хана располагался посреди дальней трети посёлка, со стороны озера. Издалека он смотрелся точно таким же припорошённым песком домишкой, вблизи стали заметны украшавшие окна каменные наличники с резьбой, такая же искусная резьба вдоль косяка тоже имелась лишь здесь. Но на этом всё, Хан явно не стремился к яркости и пышности. Сопровождать гостей никто не стал, шедшие вместе всю дорогу несколько крепких мужчин остались за порогом. Внутри дом был совсем иным, чем снаружи: весь первый этаж занимала кухня и что-то вроде гостиной, чисто, светло и с претензий на стильность. Уютно, обстановка красивой резной мебели, ковры на полу, мягкое электрическое освещение. В зоне кухни — донельзя знакомая по Земле обычная плита на шесть конфорок, хотя Василиса ожидала увидеть печь. Хозяин дома представил жену и младшую дочь — ещё девочку, а также старшего сына и его жену, после чего пригласил гостей спуститься на подземный этаж, в кабинет.

Здесь встречали не только удобная мебель и ковры, ещё шкафы со стеклянными дверцами и настоящими книгами на полках. Ветхие тома и новые издания, подшивки самых настоящих газет и журналов, которые до сих пор небольшими тиражами печатались в Городе для обеспеченных любителей читать именно на пластике, а не с планшета или виртуального монитора. Книг и прессы было так много, что Василиса подумала: будь они из бумаги и имей хозяин печь, мог бы топить и готовить на ней с полгода, не меньше.

Хан вежливо пригласил рассаживаться в кресла вокруг стола, поцеловал девушке руку — Василиса вздрогнула и непроизвольно чуть отступила, спряталась за Глеба. Кресло себе тоже выбрала поближе к нему.

— Здравствуйте. Вот этого молодого человека, хоть и заочно, я знаю. И ему благодарен за то, что он распутал то нападение в пустыне. А вот с вами хотелось бы познакомиться. Но похожи даже в манерах, не спорю.

— Вы сомневались до последнего, — рассмеялся Виктор. — Но если бы я и в самом деле хотел выдать себя за Гладова, неужели я бы позволил вам прикасаться к моей племяннице? Я хорошо знаю, как Владислава реагировала на мужские прикосновения. Перед тем как начать дальнейшую беседу, я смотрю, вы увлекаетесь шахматами? Доска, судя по царапинкам на фигурках, у вас стоит не для красоты. Предлагаю сыграть. Если я выигрываю, то вы исполните нашу просьбу. При этом оговаривается, что вы имеете право отказать, если просьба существенно заденет ваши интересы. Проигрываю, вы решаете на своё усмотрение.

— Обязан предупредить, что я один из сильнейших игроков.

— Тогда... — Виктор сделал вид, что задумался. — Предлагаю играть до трёх очков. Победа за одно очко, ничья за половину каждому.

— Хорошо. С удовольствием. Белые или чёрные?

— Белые.

Глеб, Василиса и Андрей смотрели удивлёнными непонимающими взглядами. Хан принялся расставлять фигуры. А Виктор поздравил себя, что характер хозяина, похоже, определил верно. Хан азартен, но умеет держать свой азарт в железных тисках расчёта. И

если играет, то, как настоящий игрок, исключительно тогда, когда или неизбежно выигрывает, или в случае проигрыша всё равно останется при своих.

Первую партию Виктор выиграл почти сразу. Заработал удивлённый взгляд со стороны хозяина, вторую партию Хан играл уже осторожнее, но, потеряв в изящной комбинации ферзя и заблокировав своего короля после рокировки ладьёй, опять проиграл. Было заметно, что теперь его захватил настоящий интерес: он впервые встретил противника, равного по силе. Третья партия вышла яростная и ожесточённая, но оставшись только с парой пешек на каждого, белым конём и чёрным слоном, соперники признали взаимную ничью. Снова получив белых, Хан играл осторожно, уйдя в глухую позиционную защиту...

— Шах и мат, — Виктор сдвинул ладью, закрывая доступный манёвр вражескому королю. — Вы съедаете ладью, у вас нет выбора. И тогда на следующий ход я вот сюда ставлю коня, и вы получаете мат.

— Благодарю, — Хан искренне пожал Виктору руку. — Такой интересной партии у меня не было очень давно. Даже мой брат, с которым мы долго соперничали, и то последнее время проигрывает мне четыре раза из пяти. Не ожидал. К слову, в Городе игру не любят, и хороших шахматистов там нет, — прозвучал намёк.

— Дело в том, что ваш уровень — это примерно второй разряд по шахматам. У меня подтверждён первый, потом играть на турнирах для звания кандидата в мастера спорта у меня не было времени.

Дальше последовал рассказ, согласно версии, разработанной ещё в ядре керхеров. Глеб страховал своего командира, для этого перевёлся к рейдерам, а потом вошёл в состав роты Лисицына. Благодаря «призраку» сумел спрятаться от завроидов, предупредил Гладова и присоединился к его отряду. Майор принял решение обойти район боестолкновения, предупредить встречавших пустынных не смог — боялся демаскировать себя радиопередачей. Курс выбирал тоже лично майор, Глеба тогда он ни во что не посвящал. Когда отряд вышел к ядру второй колонии керхеров, и выяснилось, что маршрут командир прокладывал не случайно — экспедиция Гладова узнала про Врата и сумела в развалинах скопировать коды активации — их догнали завроиды. Ладу, именно она несла в себе из Прайма ключи активации, в сопровождении Андриса отправили в контрольный зал, попробовать запустить оборонную автоматику. Остальные кадровые военные приняли бой на подступах. Глеб затащил тяжело раненного командира в пирамиду, когда сработали Врата: его и майора перебросило на другую колонию, тоже потерянную и деградировавшую до уровня бензина. Там он встретил аналогов Андриса, Лады, Гладова, и себя. Но ранение командира оказалось смертельным.

— Как раз когда мы разобрались, что моя племянница как аналог Владиславы тоже является контрольным ключом для запуска Врат, у нас случилась неприятность. Я её родственник со стороны матери. Отец моей племянницы занимает высокий пост, из-за этого его дочь крупно подставили. Во время покушения она убила одного из нападавших, но потом всё обернулось так, будто виновник стычки моя племянница, а убийца безвинно пострадавшая жертва. Шансов спасти Василису от сурового наказания не было, бежать дома — некуда. Суд над ней отца или убил бы, или, попытайся он вмешаться... — Хан кивнул: я понимаю. — Мы решили, что вариант, если девочка уйдёт с Глебом сюда, нас устраивает. Я вызвался её сопровождать, дома у меня нет семьи. Андрей — мой помощник, тоже согласился.

Хан ещё раз кивнул: сам он поступил бы так же. Отдать на растерзание члена клана, причём когда все знают его невиновность — потерять лицо и доверие. Но и спасение

девушки обошлось бы клану слишком дорого. И логично, что с дочерью одного из старших в клане отправили кого-то из младших родственников. Действия Андрея тоже отлично укладывались в логику событий. Дома парень явно принятый младший член клана, перспективы есть, но не самые хорошие. А тут можно разумно рискнуть, зато в итоге добиться высокого положения. Сам Пустынный хан когда-то поступил точно также.

— Итак, вы готовы отдать мне ключ от Врат керхеров. Очень щедро. Но ваша просьба?

— Просьба будет в том, чтобы часть истории про вторую колонию и наше происхождение осталась в этой комнате. Владиславу и Андриса тут никто не знает, в Город мы не вернёмся. Я вполне сойду за родственника Гладова. Дело в том, что когда мы вернулись, то выяснили: запустила переход Лада, но это стало для всех, кто в этот момент находился в диспетчерском пункте, смертным приговором. И я не хочу, чтобы когда-нибудь хоть кто-то решился повторить эксперимент, ценой которого станет жизнь моей племянницы. А если тайну узнают, то рано или поздно желающие найдутся.

— Хорошо. Я принимаю ваше условие.

— Детали предлагаю обсуждать, когда мы закончим бурение, — вступил в беседу Глеб. — Василиса стала контрольным ключом, протоколы центрального компьютера мне удалось переписать в соответствии с инструкциями Гладова. Сейчас мы вдвоём с Василисой составляем универсальную отмычку, по которой в систему можно добавить ещё операторов.

Хан сверкнул белозубой улыбкой: намёк он понял и его всё устраивает.

— И с этим тоже согласен. Вода сейчас самое главное. А пока будьте моими гостями.

Василиса, сидевшая рядом с Глебом, ощутила, как возлюбленного отпустило напряжение, он перестал напоминать натянутый лук, готовый выпустить стрелу. Хан принял их игру и дал понять, какие границы общих интересов его устраивают. Можно не бояться, что в любой момент придётся любимую девушку хватать и пробиваться с ней из посёлка обратно в пустыню.

В посёлке нашлись самые разнообразные специалисты, включая геологов и инженеров. Поэтому, закончив с пробными снимками и после долгих совещаний, решили не пробивать обычную скважину в водоносный слой, а восстановить природный выход воды. Когда-то здесь была цепочка озёр, от которой после геологической подвижки несколько тысяч лет назад остался единственный небольшой водоём. Но ложе древнего озера сохранилось, если всё сделать правильно, новый оазис не высохнет тысячи лет, пока не случится очередной геологический катаклизм. Бурильная установка ползала по бывшему дну, и большую часть времени Глеб пропадал рядом с ней. Или в охране, или техником — пусть у него была иная специализация, сказывалось широкое и высококачественное образование, а технически грамотных людей не хватало.

Виктор неожиданно для всех вспомнил, что, оказывается, когда-то учился на энергетика. Не доучился, но после того как его выгнали из института, почти год поработал на заводской ТЭЦ в самых разных должностях наподхват. Электричество для посёлка и цехов давала электростанция, работавшая на мазуте, который оставался от перегонки нефти в бензин. На Опале люди восстанавливали, а фактически изобретали заново устаревшую технологию. Неизбежно допускали при строительстве ошибки, устранить которые мог лишь многолетний опыт, полученный в процессе эксплуатации. Навыки Виктора оказались бесценны. Андрей всё время был при Викторе. И руки у парня были из правильного места, и кое-какой опыт ремонта ещё дома. Но главное, Виктору нужен был выпускник той же самой,

что и он, системы образования и мышления. В случае нештатной ситуации необходимо быть уверенным: рядом есть как минимум один человек, который поймёт его команду однозначно верно.

А Василиса осталась одна и не у дел. Их поселили в доме второго сына Пустынного хана. И почёт, и возможность приглядывать, и, стоило быть честным — так было проще, не вызывая лишних подозрений, обеспечить охрану Василисы. Заодно Лия, как звали хозяйку дома, была всего на пять лет старше гостыи и могла помочь городской девушке освоиться в посёлке. Пару дней Василиса отсыпалась и наслаждалась бездельем, дома-то был бы конец четверти и промежуточные тесты. А потом ничегонеделание стало откровенно тяготить. Василиса напросилась к Лие помогать по дому. На кухне проблем и вопросов не возникло. Обычай, когда парень женится, перед этим выполнив для рода что-то важное, был распространён повсеместно — взамен род помогал молодой семье сразу обзавестись своим домом, а не ютиться первое время с родителями. И семья Лии, и все соседи, не скрывая, смотрели на Василису как на невесту Глеба: её жених привёз буровую, как только пойдёт вода, его примут в посёлок, а благодарный род поможет молодым со своим собственным хозяйством. Да и на ночь Глеб и Василиса делили одну комнату — такое здесь тоже случалось не так уж редко. Невеста перед свадьбой переезжала к жениху пожить вместе и посмотреть, подойдут ли они друг другу. При этом любой секс между женихом и невестой строго позволялся исключительно после свадьбы.

Женщина должна встречать усталого пусть пока ещё будущего, но мужа, горячим ужином, так что на кухню Василису пустили без вопросов. Конечно, пришлось немного повозиться, привыкая к плите и местным кастрюлям и продуктам, но ничего сложно в этом не нашлось. Хозяйка, невысокая, пухленькая и чем-то похожая на весёлого неунывающего рыжего котёнка, оказалась девушкой лёгкой в общении. Заодно Лия с удовольствием присматривалась, как готовит гостыя. Что-то брала на заметку себе, в чём-то наоборот поправляла. Но помощь на кухне занимала слишком мало времени, зато в остальном по хозяйству Василиса оказалась почти бесполезна. И это было обидно, хотя скажи ей месяц назад, что она будет страдать по невозможности переделать домашние дела — Василиса покрутила бы пальцем у виска. Вдвойне обидно было, что Лия смотрела на гостыю не как на белоручку, а с пониманием: та из Города, там всё иначе, и попади жительница пустыни под эко-купол, точно так же её привычные навыки окажутся бесполезны.

Когда Василиса дошла до состояния озверения от избытка свободного времени, Лия подошла с неожиданным предложением.

— Ты же школу почти закончила?

— Ну... да. Год ещё остался.

— Всё равно отлично. А может, тогда у нас в школе тогда попреподаёшь? Учителей не хватает.

— Я?!

— Да. Хотя бы в младших классах для девочек. Программа и учебники есть, без проблем справишься.

— У вас здесь школа есть? То есть я хотела сказать, у вас отдельно учат?

Лия спрятала улыбку, хотя удивление, что в посёлке, оказывается, есть школа, её развеселило.

— Конечно же, у нас есть школа. А как же? А у вас разве не отдельно учатся?

— Ну... есть и отдельно, но в основном вместе. Программа-то для всех одна, её, —

Василиса споткнулась, чуть не ляпнув «из министерства образования», — в общем, программу начальство утверждает единую для всех школ. Можно сверху добавлять предметы, но основные для всех обязательны.

— Вам в Городе везёт, — Лия непритворно вздохнула. — У нас девочек учат в основном литературе, истории и прочим гуманитарным предметам. Мама должна быть образованной, иначе дети вырастут недотёпами. Ну и что в хозяйстве пригодится, чтобы пока муж на работе, не ждать его с ремонтом. Провод там какой запаять. А остальное девочкам дают меньше, чем парням. Ну и учатся парни до шестнадцати, на два года дольше. Если девчонка хочет мужскую специальность...

— Запретят? — быстро спросила Василиса.

— Да вот ещё глупости. Просто учиться самой и больше приходится. А если уж смогла, так наоборот помогут. Для рода хороший механик намного полезнее, чем плохая хозяйка. Моя старшая сестра так и впахивала. Сразу после школы к отцу в мастерскую, а вечерами сидела с учебниками. Зато теперь, — в голосе прозвучала гордость, что можно похвастаться, — сестра одна из инженеров на заводе, где машины делают.

— Я... Я подумаю.

— Вот и хорошо. Я тогда скажу, чтобы тебе учебники посмотреть занесли.

Василиса улыбнулась краешком рта: Лия за неё всё решила. А в груди пробежался холодок. В старой гимназии, ещё в Ярославле, когда в программу десятых классов неожиданно перед самым сентябрём ввели экономику, культурологию и социологию, директор пригласила кого смогла. И в результате все три предмета вёл блестящий университетский преподаватель, знавший предмет и умевший слушателей заставить его изучать. Сейчас Василиса сложила уроки, слова Лии и рассказ Глеба — её любимый прав, колония стремительно катится в пропасть. Да, пока есть такие люди, как Гладов или Пустынный хан, они будут тормозить процесс... Уже сейчас разделение образования — вынужденное, как и упрощённая программа для девочек. Любое уменьшение ресурсов заставит школьную программу съезжаться ещё сильнее, в первую очередь за счёт тех самых бесполезных в повседневной жизни «истории и литературы». А дальше неизбежный итог, строго по схемам, которые им рисовали в гимназии. Очередное малообразованное и невоспитанное поколение решит, что женщине уметь читать вообще необязательно, дети у таких матерей вырастут жестокими и неграмотными. А там недалеко и до полной дикости, где женщина считается недочеловеком, неспособным ни к чему кроме как родить сына и ублажать мужа, а девушка стоит дешевле крепкого коня.

Лия ушла, но Василиса никак не могла успокоиться и решить: согласиться или нет? Вроде бы интересно, но какой из неё учитель? А если не послушают? А вдруг дети над ней смеяться будут? Что она им скажет, и вообще как будет командовать? Учитель в представлении Василисы всегда был намного старше и умнее, чем она сама и одноклассники. Особенно как тот, из университета, которого она минуту назад вспоминала. Чтобы успокоиться и привести мысли в порядок, Василиса достала краски, сделанные Глебом ещё в пирамиде специально для неё, листы для рисования и кисти. Придуманные в будущем составы, к восхищению Василисы, могли ложиться хоть как масло, хоть как акварель, темперу или гуашь. И растворитель для всех один и тот же, вода. Девушка рискнула отлить в кувшин из общего запаса немного воды, и приготовилась рисовать.

Над тем, что изобразить первым, Василиса не раздумывала ни секунды. Глеба, и как он стоял тогда и смотрел на водохранилище. С фигурой, замершей в пол-оборота спиной к

художнику, получилось сразу, как и с зелёной, но уже слегка начавшей желтеть травой. А вот Рыбинское водохранилище никак не ложилось на лист, пока Василиса не сообразила, что фигура и настроение картины совсем под другое время суток. Миг, когда дневное светило уже почти погасло, очень скоро до горизонта водную гладь укутает вечерний туман. Но пока серовато-зелёная скатерть матово отливает бархатом, рябая от запутавшихся в мелкой зыби ало-жёлтых кругляшей. А вверху, как лоскут, оторванный от прибоя, в небе танцует чайка.

Гордо полюбовавшись результатом, всё-таки после встречи с Глебом... Или после переезда в Рыбинск? Неважно где и как, главное, что Василиса наконец-то нашла в себе силы уронить в свою работу искорку, без которой, как говорила их учительница в художественной школе, картина останется мёртвым подобием фотографии. Получалось, правда, ещё не всегда. Пока настроение не ушло, Василиса решила сделать подарок Лие, раз уж она так о гостях заботится. Нарисовать какой-нибудь лес, здесь всякую растительность и зелень любят. А если успеет, пока никто не мешает, можно ещё чего-нибудь нарисовать. Кому-то да приглянется или, если они с Глебом всё-таки в гости к соседям соберутся, и понадобится им приятное сделать.

При слове «картина с лесом» на ум упорно приходило Шишкинское «Утро в сосновом бору», которое их заставляли в художественной школе копировать до зубовного скрежета. Повторять знаменитую картину Василиса не собиралась, но раз в голову упорно лезли сосны, она сдалась. Её сосны были словно пропитаны мёдом полуденного солнца, сияли ароматом смолы, а мрачные тени спрятались, нет им места на душистом ковре из сухих сосновых иголок. Даже самой почудилось, как зашуршали, затопорщились пушистыми венчиками иголок ветки, мимо пробасил сердитый толстый шмель, обиженный, что вокруг ни одного цветка. Рыжие муравьи деловито надстраивали свой муравейник. А сверху в вышине, такие же рыжие, от сосны к сосне перепрыгивали белки и швыряли вниз обгрызенные и выпотрошенные шишки.

Вторая картина вышла не хуже первой, и, отложив её сохнуть, Василиса села за третью. Здесь тоже должен был вырасти лес, но теперь иной. На краю мелькнула полоска осинника, а сквозь стройный ряд наивных берёзок выглядывали ели, в паутине свисавшего мха. Ночью прошёл дождь, поэтому сейчас поднимался туман, воздух млел и синел мягкой утреннею дымкою, стекавшей в озеро, на берегу которого и стояла художница. Василиса так увлеклась, что замершую на пороге комнаты и заглядывавшую через плечо Лию она заметила, когда уже ставила в уголке подпись.

— Ой, прости, — Василиса посмотрела на почти пустой кувшин и ёмкость, куда сливала грязную воду. — Я по привычке, не подумала. Но там краска натуральная, потом водой тоже полить что-нибудь можно... — и осеклась, такой восторг был на лице Лии. — Я... — Василиса смущённо зарделась. — Я хотела тебе подарок сделать. Вот эти две... они ещё сохнут.

— Мне?! — кажется, Лия никак не могла поверить.

— Ну да. Вот эту, — Василиса смутилась ещё сильнее. — Я Глебу делала. А эти две тебе. Извини за воду...

— Она и в самом деле не понимает, — рассмеялась Лия. — Твоему будущему мужу точно повезло. И нам тоже — решено, ты будешь в школе преподавать рисование, теперь не отвертишься. Давно искали учителя, чтобы было не только «с пользой для мелкой моторики». Если что — никто тебя за язык не тянул, я жадная и обе картины заберу. Ты насчёт лака думала? И рамки?

— Нет, как-то не сообразила.

— Ничего, я знаю, кого попросить. Тогда дашь мне, к ужину все три принесу. Вечером сама увидишь и поймёшь.

Лия как-то сумела организовать, что все мужчины вернулись примерно в одно время, и ужинать в итоге сели шестером. Сразу после еды Лия внесла и повесила на заранее подготовленные места две картины с лесом, третью торжественно вручила автору, и под её внимательным взглядом Василиса, отчаянно краснея, сделала подарок Глебу. Муж у Лии смотрел на картины затаив дыхание, и его молчание было красноречивей любого восторга. Виктора проняло настолько, что он выдал:

— Да уж, словно окошко в настоящий лес прорубили.

Глеб, не выпуская картину, прямо при всех девушку поцеловал и шепнул:

— Ты у меня самая лучшая.

— Вот такой нам подарок, — рассмеялась хозяйка дома. — А она даже не понимает, что умеет делать.

— Да уж, — поддакнул Лие муж, — в очередь к тебе за заказами будут выстраиваться.

— Чур, к нам в школу я её первая застолбила.

— И это тоже. Но в остальном тебе, Василиса, нужна реклама. Ты иконы никогда не рисовала?

— Ну... у нас полгода был для общего развития курс иконописи, но коротенький, как часть общего предмета история искусств. Два часа в неделю всего. Это мало.

— Это ровно на два часа в неделю больше, чем у отца Акинфия, который сейчас пытается хоть что-то в нашей церкви подновить, а то совсем стёрлись иконы. Вот тебе и реклама, заодно он тебе поможет с рамками, красками и остальным, свой запас-то небольшой? Всё. Договорились. Завтра я к нему схожу прямо с утра, и ближе к обеду можешь заглядывать.

Василиса ошалело кивнула, где-то в животе зашевелился страх. Она же не профессиональный художник и не иконописец. А если ошибётся, напортачит? А в неё уже так верят. Но стоило им с Глебом остаться вдвоём, Василиса удобно легла и устроилась на плече у любимого. Картина повисла напротив кровати так, чтобы в полумраке комнаты свет падал на смотревшего в водяную даль Глеба. И тут же Василиса перестала бояться: пока любимый рядом, у неё просто не может не получиться.

Утром сомнения вернулись, так что Лия, не дожидаясь середины дня, повела Василису в церковь — а то вдруг художница ещё передумает. Снаружи здание церкви от соседей отличалось несильно. Разве что крыша была не вытянутым конусом, а луковицей с небольшим крестом. Рядом примостилась столпообразная колокольня с шатровым верхом, высотой чуть больше остальных домов — но, судя по узким размерам, в колокол бил не человек, а за верёвки тянула какая-то механика. Или вообще наверху стоял репродуктор. Внутри же церковь встречала тщательно выбеленными стенами и небольшим иконостасом. Василиса аж замерла на пороге, до того всё здесь оказалось похоже на старинные церкви родного Ярославля.

Людей сегодня почти не было, одна женщина забежала поставить свечку, двое заезжих торговца перед отправлением каравана зашли помолиться Святителю Николаю Чудотворцу, который покровительствовал всем путешественникам. Девушку встретил отец Акинфий, полноватый мужчина за пятьдесят с редкой, совсем неподобающей священнику бородёнкой, и от этого казавшийся каким-то немножко киношным: словно Василиса попала на

киностудию, где актёра вызвали из гримёрки на середине подготовки к съёмке. Отец Акинфий наоборот горел энтузиазмом. Пока народу нет, предложил располагаться прямо в церкви — и с освещением проще, да и лучше помещения, увы, не найти. Не дожидаясь ответа, батюшка притащил икону, над которой как раз работал сам, художественные принадлежности и стопку заготовок: металлических листов с уже нанесённым грунтом.

При виде иконы Василиса непроизвольно поморщилась. Она таких же навидалась и дома. Типовой бездушный фотопринт, разве что отпечатан краской в аналоге струйного принтера.

— Отец Акинфий, не обидитесь, если скажу, что мне проще заново нарисовать? Нет, вы тут не причём. Просто с самого начала плохо сделано. Ну... когда на заводе печатали.

— Конечно-конечно.

Священник ушёл и вскоре вернулся сразу с настоящей деревянной доской. И тут Василиса успокоилась. Если в неё верят настолько, что готовы сразу дать такую дорогую в пустыне вещь, как доску настоящего дерева — это в первый день деревянная резная мебель в доме Пустынного хана её не удивила — то просто не может получиться плохо. Но взяла она сначала всё-таки обычный металлический лист.

— Спасибо, но первый раз я попробую на простом материале. Вдруг у вас будут какие-то замечания или пожелания? Пусть моя сегодняшняя работа станет эскизом.

Ничего изобретать Василиса не стала. В конце концов, чтобы Лия и её муж не думали, в иконах она разбиралась посредственно. В церковных канонах ещё хуже, отец был атеистом. Да и вряд ли ей удастся превзойти знаменитых художников-иконописцев, а вот напортачить можно легко. Плюс о земном авторском праве и плагиате можно забыть, так что проще всего по памяти повторить что-то из классики. И начать опять же с классического Спаса Вседержителя, где Иисус Христос сидит на престоле, левой рукой держит Евангелие, а правой благословляет всех верующих.

Начав рисовать, Василиса перестала замечать окружающее пространство. Не обращала внимания на то, что Лия сразу ушла, ни на смотревших на её работу священника и посетителей. Кажется, кто-то ещё подошёл?

— Ну вот. Как вам?

Отец Акинфий ответить не успел, раньше него заговорил один из заезжих торговцев:

— А нам... нам в нашу церковь такую же... можно?

— Ну, я за вторую не раньше, чем завтра смогу сесть, потом день просохнуть и лаком покрыть. Их ещё вроде и освящать положено? — застеснялась Василиса, отчаянно надеясь, что торговцы откажутся: они вроде бы собирались уезжать, не зря же перед дорогой зашли свечку поставить.

— Мы подождём, — твёрдо ответил торговец.

— Завтра вторая будет готова, обе сразу и освятим, — поддержал священник.

Зато вечером, когда Лия рассказала о походе в церковь, а её муж передал и благодарственные слова настоятеля, и как уже говорят о художнице по посёлку, Глеб наградил свою девушку таким восхищённым и восторженным взглядом, что Василиса была готова рисовать эти иконы хоть с утра до вечера. Лишь бы любимый и дальше на неё так смотрел.

Когда Лия всё-таки напомнила про школу и занятия, шла Василиса уже абсолютно уверенная в себе. Разве что попросила, чтобы класс был общий — сразу мальчики и девочки, а не два урока отдельно.

Переступив порог аудитории, Василиса оглядела своих первых десятилетних учеников. Решительно задавила не вовремя заглянувшую панику, и направилась к своему столу, очень надеясь, что у неё не дрожат коленки. Начала она своё первое занятие точь-в-точь как её старая учительница в художественной школе.

— Здравствуйте. Вы пришли сюда научиться рисовать. Но мало научиться твёрдо держать руку и мазать на холст краски. Настоящий художник отличается тем, что не просто ведёт линию, а знает, почему именно эту линию надо нарисовать именно здесь. С этого мы сегодня и начнём. С основ композиции.

Буровая закончила работать неожиданно для всех жителей посёлка, отползла на будущий берег и успокоилась. А потом вообще уехала в свой гараж, разве что специалисты продолжали в кабине дежурить посменно. Среди людей ходили самые дикие и тревожные слухи — вода-то не пришла. Но Пустынный хан был спокоен, спокойны и геологи. Василиса посоветовалась насчёт бродивших по посёлку сомнений с Глебом, тот в ответ рассмеялся.

— Плохо получиться не может даже теоретически, когда руководит работой лучший на планете специалист по недрам. Если что, весьма примечательный тип. Мне год до выпуска оставался, когда та история произошла. В общем, этот геолог — морда симпатичная и жуткий бабник. На тот момент уйма разбитых сердец и два подтверждённых генетической экспертизой отцовства. Но никак не унимался, соблазнил хоть и дальнюю, но родственницу самого координатора Гостинцева. Причём на её шестнадцатый день рождения. И тут пару месяцев спустя, когда наш герой уже понемногу начал присматривать себе новую гавань, оказалось, что девочка залетела. Ей принудительный аборт, ему два метра земли. Гостинцев не простил, хотя в остальном на девчонку ему плевать было. Но репутация! И тут оба пропали. Скандал замяли, по городу ходили слухи, что пристрелили обоих.

— А они к Пустынному хану?

— Да, ему нужны любые специалисты. Но не всё так просто. Девочка оказалась очень умной, и настоящая дочь клана координаторов. Прерывать беременность отказалась. Сошлась с двумя остальными девушками, ставших мамами от его неблагодарного. Благодаря их помощи все вместе они и выбрались из эко-купола. А здесь мужику поставили ультиматум: он имеет целых трёх жён, но на остальных женщин чтобы не смел заглядываться. Ну а настоятель церкви, ты ведь его знаешь? Он закрепил внушение.

— Отец Сергей? Очень милый старичок, и образованный. Он мне с иконами подсказывал, я же рисую-то по памяти что видела и сама не знаю, почему и как.

— Это он с тобой милый. А как начнёт наставлять заблудшие души и пугать геенной огненной... В общем, теперь наш геолог очень богобоязненный довольный жизнью семьянин, у которого в семье аж пятеро детей. Но возвращаясь к началу, специалист отменный. Мы полностью восстановили естественный ток воды, сейчас он понемногу заполняется и скоро выйдет наверх. Оказывается, наш геолог всю жизнь мечтал повторить смелый опыт Озёрного по обводнению пустыни, а тут ему дали карт-бланш. Он бы вообще переселился в буровую, если бы не жёны. А у меня, между прочим, накопился законный отдых. Пока жара не настала, и тебя как вчера не утащили в школу или как позавчера в церковь насчёт очередного вдохновлённого твоим творчеством гостя, идём-ка гулять.

Улицы были почти пусты, раннее утро. Глеб потому и вывел Василису сейчас, чтобы спокойно посидеть возле озера, пока вокруг него не началась деловая повседневная суета. Они как раз успели не торопясь дойти до берега и остановились полюбоваться водоёмом:

берега укреплены, каждая травинка и деревце ухожены, пыль с растительности чуть ли не кисточкой смахивали — и тут в посёлок ворвались мальчик и девочка. Младшие дети по своей инициативе организовали посменное круглосуточное наблюдение за местом работ и будущим озером, заодно помогая геологам собирать промежуточные данные с датчиков, расставленных по периметру вдоль берега. И вот сейчас два таких наблюдателя бежали через посёлок, крича во всё горло:

— Вода! Вода пошла!

Посёлок, мгновение назад сонный, разом зашумел и загудел. Бросая все свои дела, люди как есть выскакивали на улицу и бежали к будущему озеру. На берегу замирали, замороженные зрелищем: небольшое блестящее пятнышко в центре, которое на глазах росло, невесомым зеркалом отражая плывущие по небу облака.

Василиса и раньше знала, что в посёлке народ не ленивый. Но по сравнению с тем, что началось, едва ложе древнего озера начало заполняться водой, стало понятно: до этого никто особо и не работал. Сейчас бешено трудились все — от школьников до инженеров, рычала строительная техника, и даже сам Пустынный хан в свой черёд махал лопатой. Укрепить берега, когда стали понятны границы будущего озера — насыпать вокруг настоящие холмы, которые будут защищать от самумов. Проложить трубы, подготовить площадку для забора воды. Засеять склоны бытросрастущей травой, бережно пересадить часть взрослых деревьев. Оказалось, что с началом бурения, отрывая воду от завода, начали растить саженцы — и сейчас их тоже перемещали в грунт. Работа шла посменно круглые сутки, ночью при свете фонарей. И останавливалась стройка только на пару часов в самую жару полдня.

Василиса боялась, что её на работу не пустят, и как тогда в глаза соседям смотреть? Девушку определили к геодезистам. Сначала Василиса хотела поругаться, мол, всё равно Глеб отыскал ей занятие полегче. Но уже в первый же рабочий час ей стало ясно, что глазомер художника тут нужнее, да и работа не так уж чтобы лёгкая: геодезисты всё время мерили, бегали, проверяли, верно ли идут земляные работы — ошибка в первый же самум обошлась бы очень дорого. К вечеру Василиса еле волочила ноги и падала без сил. Всё равно, когда по посёлку опять побежали дети с криком: «Вода», — она заставила себя выйти.

В этот вечер подавали воду в систему орошения. Все жители выстроились вдоль улиц, вглядываясь и вслушиваясь. Вот в нижних трубах что-то загудело, засипело, забулькало. Трубы завибрировали. Ещё четверть часа ничего не происходило, если не считать, что на зарослях колючек вдоль домов стали иногда появляться хрустальные искорки, но тут же пропадали. И вдруг прямо на глазах буро-коричневые стебли начали толстеть, зеленеть и расправляться. Так пустынная растительность Опала привыкла реагировать на редчайшие дожди. Василиса замороженно смотрела, как улица меняется на глазах, изгоняя жёлтые, палевые, коричневые и охристые цвета пустыни.

Стены домов содрогнулись от громогласного:

— Ура!

В посёлок пришла весна.

Со всех сторон слышались высокие чарующие звуки с сильным металлическим привкусом, заставляя против воли дрожать. Если песок начинал петь, он сначала звал ветер, а следом прилетала песчаная буря. Надвигающийся ураган встретили с привычной опаской, но без паники. По улицам ещё раз пробежались дежурные, убедиться, что нигде не осталось

детей, больных и других беспомощных односельчан. Специально выделенные команды быстро протянули страховочные фалы со «слепыми» метками: по ним в кромешной тьме, если придёт нужда, двинутся аварийные команды. Каждая метка уникальна, систему знаков знали даже маленькие дети, хватайся в любом месте — тебя не унесёт ветром, и ты точно будешь знать, где находишься.

А звуки всё летели и таяли в раскалённом воздухе. То весёлые, то жалостные, то резкие и крикливые, то нежные и приятные уху, эти звуки казались криками живых существ, но не голосом мёртвой пустыни. Вершины дюн зашевелились, ещё невидимым облачком закурился летучий песок, подхваченный струёй горячего ветра. И тут же небо померкло, словно упало на землю. Воздух заволокла буро-жёлтая мгла, клубы пыли закрыли солнце, на него стало возможно смотреть как на тусклый огненный шар. В домах стало душно, в комнате, где сидела Василиса, светила лишь электрическая лампочка, а на улице сейчас было невозможно видеть и дышать. Сознание захватил рёв, несущийся отовсюду.

Ушёл самум так же неожиданно, как и налетел. И мгновенно посёлок ожил. На улицы все от мала до велика вышли счищать песок. По домам прошли дежурные проверить, не нужна ли кому помощь врача. Отдельный отряд направился к новому озеру посмотреть, всё ли там в порядке, удачно ли вода и растительность перенесли первый в жизни самум. Вернулись посланцы с отличными новостями: берега укрепили и вокруг насыпали защитные холмы правильно, новый оазис прошёл испытание лучше, чем все ожидали. И потому одновременно с уборкой, посёлок начал готовиться к празднику. Повсюду носились дети, женщины доставали из сундуков самые настоящие платья, на улицах развешивали гирлянды из разноцветных фонариков.

Праздничную площадку организовали между посёлком и новым озером. Всеобщее веселье началось под вечер, когда Пустынный хан большим ключом на глазах у всех замкнул огромный замок, а ключ перебросил через символическую границу поселения. С этого момента и до рассвета пустыня и её суровые повседневные законы не имели власти над людьми. И тут же Василиса потеряла из вида Андрея и Виктора. И сама потерялась, хороше хоть, благодаря Глебу, только в переносном смысле. Глаза разбегались. В одном месте играли музыканты, в другом устроили настоящую выставку собак: лохматые, суровые и свирепые помощники человека сегодня добродушно улыбались, были причёсаны, ухожены и совсем по земному выходили по одному вместе с хозяевами «на эстраду», где судьбы их оценивали. То здесь, то там танцевали, причём где-то парами, а где-то зажигательные танцы вроде латины, но поодиночке.

— Они соревнуются за звание лучшего танцора, — пояснил Глеб.

— А ты не хочешь?

— Даже если хочу, куда мне соревноваться с такими мастерами. А если подключать имплантаты... Можно, наверное, и победить. Но это выйдет не честно. Пошли лучше цирк посмотрим.

Чуть в стороне и в самом деле устроили настоящий цирк. Здесь лучшие наездники в посёлке соревновались в скачке на конях, выделявая невероятные номера. Натянули канат, по которому две девочки лет двенадцати, под ахи и аплодисменты зрителей, ходили и жонглировали факелами. А внизу стоял самый настоящий факир, выдувал пламя, показывал фокусы и дудочкой вызывал из кувшина шипокобру, которая высывалась, раздувала капюшон, а потом пряталась обратно.

И в какой-то миг Василиса сообразила, что Глеба нигде нет. Вот вроде бы секунду назад

он был ещё здесь, рядом, а сейчас пропал. Девушка испуганно заозиралась — и наткнулась взглядом на Лию, которая взялась непонятно откуда.

— Т-с-с-с, всё в порядке. Не беспокойся. Никуда твой жених не денется. Сегодня не просто праздник. Сегодня мальчиков нарекут взрослыми, а твоих спутников примут не как гостей, они станут отныне членами нашего рода. Но это — чисто мужские дела, а у нас есть свои дела и тайны, женские. Пока я тебе составлю компанию.

Некоторое время они бродили вдвоём, но в какой момент Лия поняла — Василиса начала уставать, да и тяготится, что веселятся по большей части парочками, а она ходит одна.

— Пошли, — Лия потянула Василису за собой в сторону посёлка. — Всё уже должно быть готово.

— Что готово?

— Сюрприз. Тебе понравится. Специально для тебя сделали, — Лия хихикнула. — Я боялась, ты раньше устанешь и домой соберёшься, а у нас ещё не готово. Зато теперь пошли.

Если, пока они шли по центральным улицам, Василиса ещё понимала, куда они идут, то когда свернули в лабиринт переулков, сразу потерялась. Но Лия вела уверенно, и довольно скоро по ей одной понятным признакам сказала: «Здесь». Стоило переступить порог дома, как Василиса не поверила своим глазам. В воздухе клубился самый настоящий пар от самой настоящей большой бадьи для купания.

— Это тебе. Раздевайся и залезай.

Конечно, теперь с водой в посёлке проблем не будет, но Василиса и помыслить не могла, что так фанатично относившиеся к воде пустыnnики потратят столько бесценных литров, чтобы дать ей вымыться. А Лия, не дожидаясь, пока у Василисы пройдёт оторопь, помогла девушке снять платье. Затем сбросила одежду сама, но в бадью не полезла, выступала исключительно в качестве банщицы. Помочь устроиться поудобнее, размять плечи, подлить холодной или горячей воды, потереть мочалкой. Василиса наслаждалась давно позабытым ощущением, что можно вот так лежать в ванной, и каждую клеточку кожи пропитывает вода. С телом творилось нечто странное, оно размякло как пластилин, брошенный в чашку с кипятком, знобкий холодок наполнял его с головы до ног, будто в венах и артериях текла не кровь, а мятный отвар...

Когда Василиса закончила мыться и вылезла, обнаружила, что её платье куда-то пропало, но Лия искать его не дала. Показала на стоявший в комнате лежак:

— Ещё не всё.

Стоило занять место, как в комнату вошла незнакомая женщина, одетая лишь во что-то вроде купальника, но дородная настолько, что одежда в телесах пропадала. Василиса попыталась понять, как тётка ухитряется носить столь грузное тело мягко и бесшумно и как плитка пола не разлетается осколками от её шагов. А потом все мысли вылетели из головы прочь. Конечно, и дома Василиса ходила к массажистам, причём хорошим. Но с мастерством этой тётки их старания не шли ни в какое сравнение. Длинные, будто не имевшие костей пальцы обладали поразительной силой. Она мяла и месила девушку, словно перед ней податливый глиняный ком, из которого надо вылепить новое тело. Василисе то и дело казалось, что там, где вообще-то должна бы находиться спина, под ладонями массажистки возникает то нога, то ухо, то пятка, а огромные руки погружаются в её тело едва ли не по локоть.

Когда Василиса встала с лежака, распаренная и благоухающая от масла, которым

массировали кожу, то ощутила себя воздушным шариком, наполненным гелием. Настолько тело было лёгким, что подпрыгни — и улетишь к потолку. Лия помогла ей накинуть халат.

— Пошли. На улицу тебе сейчас нельзя, кровать я тебе уже приготовила.

Лампочка в комнате была выключена, но окно давало с улицы немного света от горевших фонарей. Дверь за спиной тихонько скрипнула и захлопнулась. И тут Василиса сообразила, что она в комнате не одна. Выскочить обратно девушка не успела, человек на кровати встал, и в полумраке Василиса поняла — Глеб! Халат как-то сам собой сполз на пол, и Василиса поняла, что стоит перед парнем совсем голая. Надо было нагнуться и халат подхватить обратно, но руки и ноги будто отказались слушаться хозяйку. Василиса покраснела и напряглась, потупив взгляд, но так и застыла неподвижно, даже не пытаясь прикрыться.

Глеб, словно замороженный, сделал шаг навстречу. Одна рука аккуратно обхватила девушку за талию, мягко перебирая пальцами вдоль позвоночника, а вторая рука гладила по волосам. Василиса была полностью в его власти. На Глебе, оказывается, тоже ничего не было, и сейчас девушка стояла, от коленок до груди каждой клеточкой кожи ощущая, как прижимается к обнажённому мужскому телу, и от этого бросало то в жар, то в холод. Губы соприкоснулись с губами, кончик языка нашёл мочку уха и спустился ниже, затем горячие и влажные губы торопливо покрыли шею мягкими поцелуями. Василиса сначала вздрогнула от неожиданности, но губы уже настойчиво и мягко знакомились с новым поцелуем. А внизу живота разгорался тёплый огонь, который поднимался всё выше.

— Я... я... Глеб, я...

— Знаешь, я всегда считал тебя безумно красивой. Но не думал, что ты можешь быть ещё прекраснее, — Глеб сделал шаг назад, нежно посмотрел на девушку, крепко прижался к Василисе, опять приобнимая её за талию, и она ощутила, как его жар растекается по её телу. — Ты выйдешь за меня замуж?

— Да.

— Тогда я хочу настоящую, большую свадьбу. Как принято у нас, в Городе. Ты подождёшь ещё немного? — Глеб поцеловал девушку в плечо.

— Я готова тебя ждать хоть целую вечность, — Василиса почувствовала, как сердце вдруг забилося вдвое быстрее. И не понять от чего: от того, что Глеб сделал ей предложение, или что их первая ночь состоится обязательно, но всё-таки не сейчас.

— А сейчас ложись. Я тебе обниму, и нам приснится самый хороший сон. Обязательно один на двоих.

Василиса, с удовольствием, как и всегда, словно ничего не произошло, устроилась у Глеба на плече. И плевать, что свою руку он положил ей на грудь: оказывается, намного приятнее лежать вот так, когда ткань не мешает чувствовать любимого от макушки и до пяток, прикасаться своей обнажённой кожей к нему. Какое-то время Василиса нежилась в объятиях, затем уснула. Глебу сон никак не шёл. Пустынный хан сделал свой ход — и теперь уже свою партию придётся разыгрывать раньше, чем планировалось.

Утром Глеб осторожно встал, чтобы не разбудить свою невесту, но Василиса всё равно проснулась. Сообразила, что так и лежит голая, покраснела от смущения. Но когда Глеб хотел деликатно встать к ней спиной, пока она одевается, ухватила его за руку и попросила:

— Не надо. Мне... Мне нравится, как ты на меня смотришь... вот так.

Вышли они вместе. В соседней комнате их уже ждали. Лия смотрела с откровенным разочарованием, она поняла всё сразу, не дожидаясь слов Глеба:

— Я и моя невеста благодарим вас, но вы немного поспешили. Мой долг перед родом ещё не исполнен. Но мы всё равно приглашаем вас на свою будущую свадьбу.

Сын Пустынного хана остался внешне бесстрастен, но в глубине его взгляда мелькнуло уважение: Глеб и Василиса любят друг друга, лицо девушки светится от счастья, между ними не случилось размолвки — но оба сумели сохранить выдержку, удержать страсть под контролем. Обошли казалось бы неотразимую ловушку.

Василиса отправилась к себе переодеться, потом звать на совещание Андрея, Глеб же торопился отыскать Виктора. За Андрея пока можно было не опасаться — это девушка могла выскочить замуж с шестнадцати лет, а мужчина жениться имел право не раньше восемнадцати, иначе слишком молодой парень не сможет обеспечить семью. А вот Виктору запросто могли подстроить каверзу, пользуясь тем, что он незнаком с местными обычаями — незнание закона не освобождает от ответственности. Совещание начали, предварительно надев скафандры и по зашифрованному каналу: это выглядело невежливо по отношению к хозяевам, зато надёжно.

— Виктор, Василиса согласилась выйти за меня замуж. Так ведь, любимая моя?

— Да, — Василиса взяла его руку в свою, пусть в броне это и смотрелось диковато.

— Тогда как у старшего родственника, я официально прошу у вас её руки.

Виктор ответил с секундной запинкой. И так всё было понятно ещё на Земле, но и официоз Глеб сейчас затеял не просто так.

— Тогда, как ближайший старший родственник, официально даю согласие на брак моей племянницы с тобой, Глеб.

— Спасибо. А теперь хочу сказать, что Василиса у нас просто потрясающая девушка. Если бы не её выдержка вчера... Пустынный хан сделал свой ход. Нас вчера попытались женить по пустынному обычаю. Ни Василиса, ни я не знали тонкостей церемонии приёма новых членов в семью, на этом нас и попробовали обойти. Негласно продолжив, так сказать, для нас двоих церемонию дальше.

Василиса вспыхнула, по телу прокатилась волна жара, и она порадовалась, что забрало непроницаемое и вообще скафандр не даст остальным ничего заметить. А она-то, дура, вчера гадала, с чего это такие бережливые насчёт воды жители пустыни выделили ей аж целую личную ванну. Да уж, хороша она была — и повезло, что Глеб у неё такой разумный и выдержанный.

— Расчёт Хана следующий. Мы сейчас почётные члены рода, но женившись по воле Хана, и по законам пустыни как бы признаём перед всеми его власть, ведь мы ушли из Города и откинули городской закон. Это ставит нас в подчинённое положение к Хану.

— Вот с чего вокруг меня так вчера увивалась одна красавица, — слышно было, как Виктор усмехнулся. — Очень соблазнительная девочка, честное слово, и ну точь-в-точь в моём вкусе, дома бы я за ней стопроцентно приударил. А ещё меня пытались напоить незнакомым алкогольным напитком в очень душевной компании. К слову, если что, отец Сергей, это настоятель церкви, перечить Пустынному хану не станет, но про себя его вчерашние действия явно не одобряет. Я как то черноокое чудо природы сдал на руки к родителям, пошёл к нему, мы с отцом Сергеем остаток ночи хорошо беседовали.

— Сорвалось сегодня, но будут подбирать ключи и дальше. Потому Василиса, я знаю, ты будешь беспокоиться, но мне придётся уехать в Город. И немедленно. Повод есть, надо передать рейдерам данные по кладкам завроидов и забрать кое-какую информацию.

— Ты уже засветился здесь, — обеспокоенно сказал Виктор. — У Хана контрразведка,

конечно, на высоте, но если...

— Я не буду возвращаться в часть и вообще в Пустынную бригаду. И не бойтесь, тот, через кого я собираюсь действовать, меня не предаст. Про сиб-группы говорят, что у них нет родителей, но много родственников. Это самое верное определение. Братья из сиб-группы всегда помогают друг другу, брат тянет брата, и все вместе рвутся наверх. Когда мы были ещё курсантами, и играли во взрослое подразделение, я был командиром, а Богдан и Вадим при мне изображали разведку и контрразведку. Сейчас оба служат в безопасности купола. Через них я предложу братьям присоединиться ко мне. Возможно, добавится кто-то из Псов.

— Глеб, я тоже хорошо учил историю. И чаще всего в таких вот заговорах предавали именно свои.

— Виктор, вы знаете, какой герб у Боевых псов? На щите силуэт головы овчарки, сквозь который видно Землю и Млечный путь. И одно слово девиза: «Человечеству». Как только Псы узнают, что координатор утаил информацию по завроидам до того, что в итоге образовался сквад, а заодно пытался зомби-вирусом отравить озеро в посёлке Пустынного хана... Даже если они не присоединятся, выдавать меня не стану. И повторюсь, Вадим и Богдан по этой части профессионалы, вербовку я оставляю им. Пустынный хан, думаю, в итоге догадается, с чего я так стараюсь. Не поможет, но и палки в колёса ставить не будет. Два-три десятка Псов заставят, если что, услышать наш голос, но не окажутся заметной силой в политике всей пустыни. При этом эти три десятка высококвалифицированных специалистов с биопротессорами на начальном этапе заметно облегчат работу с техникой керхеров.

— Когда ты уезжаешь?

— Как можно быстрее, пока нам не подкинули ещё одну каверзу.

— Я буду ждать, любимый.

Часть IV. Тактические игры на минном поле

Солнце, словно волшебный рыжий фрукт, показалось из-за полосы гор, окаймлявших плато. Ночь, осторожно пятясь от вершук хаотичного нагромождения пиков к подножию, уходила в небытие. Серые пески густо насыщались коричневыми оттенками, затем становились красноватыми, и не понять, в какое мгновение солнце до предела наполнило день своей яркостью, а землю желтизной. Утро в пустыне начиналось стремительно, и всего через полчаса после рассвета становилось жарко. Но торговый караван к этому времени рассчитывал добраться хотя бы к окраинам жилых мест.

Глеб трясся в кузове фургона по ухабистой дороге, прорезавшей горы возле Старой бойни, отблески солнце неимоверно слепили глаза, а жаркое дыхание пустыни затуманивало сознание. Но сейчас это было неопасно. Несмотря на банды и право сильного в районе Старой бойни, именно внешняя дорога и территории рынков были местами спокойными. Порядок здесь сурово охраняли неписанные обычаи и то, что от торговли с кочевниками пустыни и чёрного рынка зависела жизнь всех обитателей тущоб. Укрыться нарушителю будет негде, за отступником начнут охоту по обе стороны хребта.

Дорога, изначально-то не очень хорошая, а теперь избитая временем до того, будто по ней прошла миллионная армия, лепилась к горам, спускалась и поднималась по отрогам. В одном месте, выгибая дугу, тракт пугливо обходил давнюю воронку термоядерного взрыва: когда-то именно здесь керхеры прорывали оборону, чтобы добраться до пусковых установок. И пусть взрыв был «чистый», а остаточный фон давно выветрился — ещё в корпусе миротворцев Глеб как-то прошёл через кратер, охраняя группу чего-то искавших геологов, дозиметр в скафандре тогда не пискнул — страх у людей всё равно остался. И потому торговый путь шёл пусть по менее удобным местам, пришлось на его строительство затратить немало труда, но зато в обход старой раны войны.

Сразу за воронкой, после очередного поворота, дорога резко переменялась, стала почти ровной и прямой. Этот участок делали ещё в годы расцвета, пробив горы и залив тракт покрытием из расплавленного камня. По обеим сторонам на обочине выстроился длинный строй хибар-сирот: растрёпанные, собранные из камней и какого-то мусора, разваливающиеся, закоптелые, без окон. Здесь жили отбросы даже по меркам Старой бойни. Несколько человек выбралось из хижин, призывно махая проезжающему каравану, то ли собираясь что-то продать, то ли собираясь продать себя, но никто на них не взглянул. Караван был крупный, хозяин всем, включая нанятых на один рейд, платил неплохо, и те, кто рассчитывал развлечься по приезду, мог себе позволить заказать нормальную девочку.

На очередном повороте гостей из пустыни встретили перекрёсток и прикреплённая на шесте металлическая доска с намалёванной надписью «базар, гастинеца» со стрелкой. Караван тут же свернул в указанную сторону. Как только головной фургон подъехал к сложенному из камней блокпосту и замер, остальная цепочка повозок покорно остановилась, подчиняясь жесту хозяина.

— С товаром или просто ночевать? — уточнил боец на посту.

— С товаром.

Сильно далеко хозяин заезжать не собирался. Да, на крайнем из базаров цены ниже, зато и риска меньше.

— Тогда «красные волки».

Пустынник кивнул: понял. Пошлина за право торговать на рынке или ночевать, перед тем как двинуться дальше — лакомый кусок. Каждый мечтал подмять базар под себя, но все понимали — остальные не дадут. Объединятся и вырежут слишком наглого беспредельщика. Поэтому группировки договорились, что охраняют и берут пошлину по очереди. Сегодня дань собирали «красные волки».

Рынок начинался почти сразу за блокпостом. Глеб, который до этого бывал здесь исключительно в составе корпуса миротворцев, сейчас рассматривал окрестности с жадностью. Широкая ровная площадка, на которой выстроились прилавки из отходов пластика, текстолита, металла. С другой стороны группами располагались приехавшие караваны пустынников. Иногда лежали только мешки, если продавцы прибыли издалека и с вьючными лошадьми. Но чаще фургоны, на рынок в Старой бойне в основном ездили перекупщики: их караваны ходили недалеко и вдоль цепочки скважин и оазисов, потому они могли себе позволить повозки. Судя по наличию патрулей из мужиков с вытатуированными волками на руках, и количеству охраны у каждого ворот, этот базар контролировали плотно. Один из патрулей встретил торговцев, дождался, пока они заедут на выделенное им место, и старший начал отчаянно торговаться с хозяином. Спорили оба, не боясь охрипнуть, сыпали угрозами «ноги моей больше тут не будет» и «отберём задаром», но это было в порядке вещей. Остальные на представление смотрели с ленивой ухмылкой. Глеб рискнул поинтересоваться у одного из волков:

— Как сейчас? Тихо? Не шалят?

— Днём не рискнут, — сморщился «волк». — А вот ночью могут и обнести.

— И кто тут такой борзый? — удивился Глеб.

— Да завелись тут несколько крыс. Из чужих, — скривился боец.

— А если я кого на месте хватану, что делать с ним могу?

— Можешь гасить нахрен.

— А старшой как на это? Без предъяв?

— Нормально. Мы уже с десятков крыс печься подвесили, но не всех, похоже. Но можешь в гостиницу.

Глеб демонстративно ухмыльнулся: ага, нашёл дурака. Стража, даже с собаками — но ломают такие цены, что обычный охранник вроде него — не нищета, но и не богат — выйдет наутро без штанов. А если всё-таки пошёл ночевать, да потом не уедет с караваном, а останется, то это верный признак, что привёз что-то ценное и хочет продать уже напрямую в одну из лавок. Сразу на выходе из гостиницы за ним приставят топтуна, а потом наверняка попробуют ограбить.

Тем временем торг был закончен, стороны сошлись в цене, и пошлина уплачена. Торжественно прозвучало обещание пустытника:

— Торг между нами да будет мирен, незлобив и чист от неправды.

— Мы в том обещаемся Богом святым, вседержителем, Христом и нашим оружием, — отозвался «волк». — Если нарушим клятву, пусть навечно в моём автомате случится осечка.

— Кто клятву нарушит, того да покарает Бог, а мы накажем по закону и общему суду.

— Если кто из наших да обидит ваших, мы его подвергнем расправе по-своему, — опять подтвердил «волк».

Сразу же лошадей выпрягли из повозок, конюхи повели их в крытое стойло, где животных накормят и напоят, и где они будут находиться все дни торга. А возле выстроившихся в ряд фургонов поставили шесты с большими кусками разрисованных

тканей. Знак, что здесь готов товар на продажу — а какой именно товар в том или ином фургоне, покупатель ещё издали поймёт по знаку на полотнище.

Почуяв за спиной движение, Глеб обернулся:

— Будь здоров, хозяин. Не пора ли расчёт?

— Никак к тебе не подберёшься. Глаза у тебя, что ли, на затылке? — добродушно буркнул хозяин каравана, Глеб, кажется, даже ощутил, как под халатом при вздохе заколыхалось объёмистое брюхо купца. — Значит, всё-таки, обратно с нами не поедешь? — хозяин каравана продолжал разглагольствовать с лёгкой укоризной в голосе. — Покидаешь. А жаль... Нам тебя очень будет не хватать. Очень. Если снова-то...

Глеб, не скрываясь, ухмыльнулся. Пустынный хан неожиданно хорошо отнёсся к желанию гостя добраться до Старой бойни и передать кому нужно информацию, которая обнаружилась у Лисицына. Как ждал. Через агента владыки пустыни Глеб удачно нанялся в одну сторону охранником в очень солидный караван. Торговец на охране не экономил, имел хорошие связи с бонзами многих группировок Старой бойни. Нападать на таких рисковали лишь полные идиоты, но вооружены подобные дуралеи всегда паршиво. Одним бойцом больше, одним меньше — удержать рядового охранника старший не почесался бы. За исключением одного варианта...

— Нет, я, конечно, понимаю. Здесь ты найдёшь хорошего покупателя, — намёк прозвучал открыто: ты отыскал в пустыне что-то дорогое и хочешь толкнуть напрямую, поэтому и ехал поближе к Городу. — Парню молодому звонкая монета завсегда нужна, жениться. Только, если надумаешь, посоветую хорошего человека, за оплатой, значится, не обидит.

«А тебе процент отстегнёт», — закончил его мысль Глеб. Но вслух ответил: — Не торговец я. Приехал посмотреть, новую винтовку купить. У нас в оазисе хороших оружейников нет.

— Как знаешь, — пожал плечами торговец, но особо, впрочем, расстроившись. Он и не ждал, что парень окажется лопухом, но попробовать на всякий случай стоило.

На выходе с рынка один из охранников показал на открыто висящий пистолет на поясе Глеба и пробасил:

— У нас тут порядок.

— Порядок знаю, бывал. Первый не полезу. Но и...

— Замётано. Крыс не жалко.

У блокпоста в сторону жилых районов и в самом деле в тенёчке от каких-то старых развалин, прохлаждался десяток мутных типов. Увидев выходящего с рынка пустытника, один было дёрнулся куда-то пойти и сообщить. Заметил пистолет на поясе Глеба и как он пред этим вроде бы по-приятельски говорил с «волками», опустил обратно. Риск с такой жертвы перевешивал возможную добычу.

Сразу за рынком начинался район «новостроек»: здесь дома были из транспортных контейнеров, обложенных кусками заводских теплоизоляционных панелей и самоделками из войлока и ткани, камнями, мусором и вообще не пойми чем. Днём внутри наверняка было душно, зато ночью не замёрзнешь, и никто не заберётся. Глеб вообще бы сюда не сворачивал, но хотелось чего-нибудь перекусить, чтобы основные дела не вести на пустой желудок. И главное, во-вторых — до территории «синих осьминогов» ему придётся пробираться через территорию, на которой правила торгового тракта и охрана не действовали. Здешнее общество знает всего две градации: хищник или жертва, которую доят.

Чужака неизбежно попробуют ограбить. Придётся стрелять, а это может привлечь ненужное внимание, или устроить небольшую разборку сейчас и показать, что трогать его себе дороже.

Заведение было типичным «новостроем». Крыша из пластиковых листов, положенных неровно и кое-где провисающих, железные балки под потолком, стены из плохо уложенного камня. Столы, сбитые из всякого хлама. В остальном нормальное место. Кому пожрать, кому нужных людей встретить, какие-то дела порешать. Стойка бара вообще была с претензией на солидность. Не из старых ящичков или обломков, и накрыто металлическим листом. Стойку сложили из настоящего кирпича-сырца, а железный лист-столешницу закрепили на толстых штырях или гвоздях. Не только не снесут даже самые буйные и пьяные посетители, если что за ней бармен сможет укрыться и при нужде отстреливаться. Кое-где в кирпичной кладке виднелись щербины от пуль, но раз конструкция до сих пор стояла, это, можно сказать, был знак качества. В таком солидном заведении и народ подобрался не бесправные и безоружные лохи, а контингент солидный. Уже на входе понятно: собрался тут выпить — руку от оружия лучше не убирай.

Официантами по той же причине здесь работали не женщины, а несколько чумазных пацанов — тоже признак определённого статуса заведения. Глеб ещё на улице спрятал пистолет, внутри подыскал себе место, сразу заказал себе обед и целый кувшин воды. И сел ждать полудурков, готовых позариться на его имущество. Поэтому, когда за столик подсади трое крепких ребят с большими ножами, Глеб не удивился.

— За бизнес платить надо.

— А где ты здесь бизнес видишь?

— Ещё скажи бабу пошёл искать, — двое шестёрок захохотали над, как им показалось, смешной шуткой. — Тут наша территория. Втёр? В общем так. На первый раз, с тебя...

Понимая, что должен с ходу показать им чего стоит сам, Глеб снисходительно, с презрением ухмыльнулся.

— А жопа не треснет? Значит так. Слушай базар сюда, и не говори потом, что жопа плохо слышит. Мои дела вас не касаются, ваши меня.

— Ты нарваться решил, говно?! — мгновенно рассвирепела тройка рэкетиров.

Главарь вскочил, размахивая ножом, грозно зарычал и тут же взвыл: сразу, как он перекрыл дорогу своим шестёркам, Глеб пнул его в коленную чашечку. Парень крутанулся от боли, толкнув подручных, те промешкали секунду. Этого оказалось достаточно, чтобы обе шестёрки, хрипя, легли рядом с главарём мордами в песок. Глеб носком ботинка отпихнул ножи — из паршивого железа, но обязательно большие — сдвинул пистолет так, чтобы стало заметно. Громко и вложив в голос побольше презрения сказал:

— Только идиот идёт на стрелку с ножом против ствола. Но я сегодня добрый. Хозяин, что с бою взято — то моё. Но мне это барахло не надо. Хозяин, возмёшь в счёт обеда?

— Возьму, — ухмыльнулся хозяин, остальная забегаловка отозвалась одобрителем гулом.

— Я сегодня добрый, — повторил Глеб. — Пошли мальчика, чтобы сказал старшему этих полудурков — они там, смотрю, снаружи ждут, что готов решить вопрос по-мужски. Но честно. Иначе сами нарвались.

Забегаловка опять загудела. Банду унизили и бросили ей вызов, отказаться старший не сможет. Но и стволов у них, скорее всего, нет, а пустынный уже показал, что мужик серьёзный и опасный. Ставки делали не на то, кто победит, а насколько главарь банды окажется умным: пойдёт на убой ненужную шестёрку или выставит нормального бойца.

Победили те, кто поставил на то, что главарь попробует чужака наказать. Группа в два десятка рыл заняла позицию в стороне, зато напротив выхода из забегаловки ждал обритый налысо накачанный загорелый до черноты здоровяк, весь в шрамах, которые на тёмной коже были особенно заметны. Он вскинул руку с ножом, приятели из банды зашумели и засвистели. Его соперник был ниже на голову и вообще выглядел не столь впечатляюще. Всё равно Глеб услышал, как за спиной азартно начали делать ставки «за сколько ударов пустынный ему кишки выпустит». Глеб перед зрителями не красовался, потому стоял, безучастно опустив руку с ножом.

— У-бей! У-бей! У-бей! — заорали приятели здоровяка, и тот ринулся на противника.

Шаг вперёд-влево. Перехват-отвод вооружённой руки. Удар снизу вверх под рёбра. Уйти с линии атаки, подсечка. Здоровяк грохнулся лицом вниз, к порогу забегаловки. Из-под тела по песку медленно поползла лужа тёмной крови. Всё завершилось настолько быстро, что зрители, сгоравшие от предвкушения, смолкли. На несколько секунд стало тихо, а потом загудел яростный спор: сколько точно было ударов, и кто кому должен выигрыш. Глеб равнодушно перешагнул через тело и вернулся к своему месту. Трёх затеявших ссору идиотов уже утащили. Наверняка ещё и обчистили, просто так из доброты хозяин вряд ли стал бы добавлять к порции ещё тарелку еды и пол стакана воды. Но гость сам заявил: всё имущество «с бою» идёт в оплату, и надо было подсуетиться, чтобы ушло именно «всё». Готовили для Старой бойни в заведении на удивление неплохо. Глеб неторопливо сел доедать обед и размышлять, что пока всё складывалось неплохо. И обошлось без стрельбы.

Старая бойня представляла собой огромную территорию, заселённую достаточно большим количеством людей. Обитали здесь в остатках более-менее целых старых построек и бункеров или просто рыли в обломках норы, обустроивая те или иные сохранившиеся помещения. Где-то, как на территории сильных и хорошо структурированных группировок вроде «красных волков» или «синих осьминогов», жизнь была в целом упорядочена и вроде бы спокойна даже для «травоядных». Группы послабее контролировали на своей территории отдельные точки вроде забегаловок, лавок торговцев и мастерских, борделей, в прочих местах каждый был сам по себе и плевать на остальных.

Нужная сейчас Глебу лавка была именно в такой вот «серой» зоне: хозяин по прозвищу Худой гном дань платил, чтоб не трогали, но в остальном оборонялся сам. Появился он в этом секторе ещё до того как группа Глеба выпустилась из училища. Приехал из Города на видавшем виды грузовичке, доверху набитом оружием и прочим барахлом. У кого он отжал такое богатство и почему перебрался сюда из посёлка Первой полосы, никто спрашивать не решился. Помимо оружия Гном привёз с собой родственников в количестве десяти рыл. Гости быстро окопалась в неплохо сохранившемся подземном бомбоубежище, к общему удивлению, не выгнали жившую там семью, а с ней породнились. Занесли долю уважения местному бонзе, попутно продемонстрировав, что лучше их не трогать и получать свой процент, чем воевать. С тех пор Гном стал известен как человек, скупавший найденную в песках технику, продающий любую технику и способный отремонтировать почти любой прибор. Были у него и новинки, даже сделанные на городских фабриках, равно как и кое-какие раритеты, полезные в пустыне, но на фабриках уже не изготавливавшиеся.

Чем его подцепил Богдан, получив контакт в составе считанного у подполковника инфопакета, Глеб не поинтересовался. Ему было достаточно надёжного способа подать весточку: я вернулся, но в Городе показаться не могу. Когда хлопнула входная дверь в

коридор, ведущий на улицу, хозяин сидел за прилавком и что-то там лениво сортировал. Оторвался от своего занятия и при виде посетителя поднялся: Глеб машинально подумал, что наградившей торговца прозвищем угадал, начиная с роста и телосложения и кончая огромной рыжей бородицей, частью заплетённой косичками. А рыжие лампы автономного питания — на освещении торгового зала хозяин не экономил и явно мог прикупать элементы в Городе — были похожи на факелы, усиливая сходство с подземной сокровищницей гномов.

— Продать? Купить?

— Продать, уважаемый.

Глеб положил на прилавок товар: устройство ориентирования. Мини-компьютер с камерой, способный по звёздам и солнцу достаточно точно определить, где ты находишься. Гном повертел прибор. Заметил сделанный на боку рисунок ромашек, перекрещённых за звездой — кодовый знак, по которому владелец лавки должен отправить сообщение. Он не будет знать ни конечного получателя, ни содержания. Просто доставит сообщение до определённого адресата в Первой полосе. Платой же будет прибор. Исправный, со свежими картами — Глеб их качал из базы данных рейдеров перед выездом. Продать карты Гном сможет в несколько раз дороже самого прибора, не считая, сколько он дополнительно срубит денег на прошивке. Но игру хозяин решил соблюдать до конца.

— Не работает. И карты старые.

— Да карты прошить можно. И всё работало, там ремонта на копейку.

— Это в Городе на копейку.

Торговался Гном с азартом, явно из любви к искусству. Так что в итоге выторговал себе продажную цену навигатора раза в полтора меньше, чем вроде бы должен был заплатить. Но у Глеба настроение от этого наоборот подскочило, и в сторону территории «осьминогов» он шёл, насвистывая весёлый мотивчик.

Несмотря на кажущийся хаос и отсутствие формальных границ, нормально проходимых дорог среди развалин, холмов и барханов было ограниченное количество. Чужака встретили сразу на краю подконтрольной территории. Трое парней с татуировкой осьминога на ладонях. Но говорил их командир без наездов, со спокойствием, за которым чувствовалась сила. И хотя тут был не тракт, старший в группе «пограничников», увидев пустытника, спросил, причём вежливо:

— Доброй воды. С товаром или просто ночевать?

— И вам чистой воды в достатке. Передайте Багру. Человек пришёл, весточку притаранил. И такие слова: «Смиранный парус рыбарей, Твоею прихотью хранимый, Скользит отважно среди зыбей: Но ты выиграл, неодолимый, И стая тонет кораблей», — про себя же Глеб усмехнулся: всю учёбу терпеть не мог поэзию Пушкина, особенно когда эти древние стихи наизусть заставляли учить. А теперь паролем брат по сиб-группе выбрал именно Пушкина — его четверостишие про море посторонний на Опале точно никто не поймёт и не вспомнит.

«Пограничники» переглянулись. С одной стороны идти к помощнику самого бонзы им не почину. Но и пустытник шёл конкретно к Багру. Раздумывал командир тройки недолго.

— Щерь, запомнил? Тогда одна нога здесь, другая там. Скажешь, гость к самому Багру хочет попасть. И слова передашь. А вы уважаемый, пока с нами посидите, — и показал «караулку»: в груди камня то ли бывших развалин, то ли природного холмика, отрыли небольшую пещерку, укрепили и установили козырёк.

Паренёк оказался шустрым, конвой пришёл быстро. Глеба проверили, забрали пистолет и нож.

— Клянёмся на воде на выходе всё вернуть обратно.

— Верю слову перед водой и духом пустыни.

Территорию «осьминоги» контролировали не маленькую, мимо домов-контейнеров и развалин, приспособленных и перестроенных под жильё, идти пришлось больше часа. Бонза и его ближайшие подручные жили в неплохо сохранившемся бункере. Дверь с улицы представляла собой кожаную завесу, дальше простирался широкий не разрушенный временем коридор, облицованный шестиугольными плитками. Часть из них когда-то представляла собой световые панели, в настоящий момент коридор освещали лишь синие лампы аварийной системы. Но и тут за порядком следили, аварийные лампы сидели в штатных гнездах, и по большей части работали. Вентиляция оставляла желать лучшего, зато перекрытия отлично держали жару, и пусть затхлым, но прохладным воздухом дышалось намного легче.

Багор ждал гостя в отдельном самом настоящем кабинете, разве что стол был грубо сварен из металлических листов, как и прочая мебель. Встречал один, сопровождающие остались в коридоре. Грузный, уже немолодой, хозяин напомнил Глебу земного зверя бегемота, которого он видел в учебных лентах. Вроде издали полный и неповоротливый — но только пока его не трогать, не давать повода показать свою неуязвимость, скорость и силу. Не просто так древние люди считали бегемота опаснее крокодила.

— Здравствуйте. Я смотрю, по Лисицыну можно заказывать отходную? И отлично, дрянь человек был. И не расстраивайтесь. Наоборот, у вас, смотрю, карьера рейдера закончилась не хуже моей.

Глеб похолодел, хотя внешне остался бесстрастен. Сделали его как щенка, вот уж точно без помощи Виктора он в интригах полное ничтожество. И не спишешь на случайность и что Багор, оказывается, тоже бывший рейдер. Мог бы и сам сообразить: не надо опознавать конкретно Глеба в лицо, достаточно сложить с информацией, какие группы уходили и не вернулись. Оставалось надеяться, что сдавать его Багор не станет. Пару лет назад он Вадиму обещал помощь перед духом пустыни, когда миротворец во время рейда в Первой полосе «закрыв глаза» и проверку арестованных провёл формально. Сына беглого рейдера не узнали, посадили в общую камеру для бродяг и обычных мелких воришек, парень смог бежать.

— Лисицын кормит падальщиков. Лично пристрелил, и жалею, что не сделал этого раньше. Из-за него подохла большая часть роты. Но всё я готов сказать только при вашем бонзе.

Оставалось надеяться, что если в тактике его переиграли, то общую ситуацию Глеб оценил всё-таки верно.

— Хорошо. Великий кракен готов тебя принять немедленно.

Подземными коридорами Багор вёл гостя самолично. Бонзой «осьминогов» был уже старик, невысокий, седой, коричневый от загара и жилистый как высушенный на солнце ремень. В синем цвете ламп татуировки осьминогов выглядели живыми, особенно если сидевший на коврик по-турецки хозяин делал движение. А ещё здесь запах пустыни и затхлого подземелья уступал место цветочному аромату: в уголке стояла немыслимая ценность, самый настоящий цветок в горшке.

— Хорошего пути и сладкой воды, — не вставая поприветствовал бонза. Сесть тоже не

предложил.

— Долгой и спокойной жизни вам, Великий кракен.

— Багор сообщил мне, что ты принёс весть, которую хочешь мне передать.

— Я принёс дурную весть. Командир нашей роты Лисицын, уходя в рейд, знал, что мы найдём завроидов. Много. Тот, кому он продался, тоже знал — и скрыл от остальных. Мы должны были стать мясом, пока Лисицын удостоверится, что стая в нужном квадрате, а сам потом сбежит. Пусть завроиды выйдут к людям, поближе к Городу. Мы ушли, но большая часть роты осталась на клыках. Лисицын много чего сказал перед смертью, а ещё больше интересного мы у него нашли. Боялся, тварь, что его кинут, и таскал с собой компромат.

Багор и бонза переглянулись, глаза у обоих сейчас стали похожи на узкие щели. Они поверили и сразу. Старая бойня далеко, но зависит от Города. И про противостояние группировок в Совете отделов бонза знал. Пустынная бригада была на стороне Тоцкого, миротворцы — на стороне координатора Гостинцева и начальника отдела связи Навалова. Идея выходила вполне в духе Навалова: всё пропало, командование Бригады не справляется, завроиды подходят к самому Городу. Но со стороны эко-купола в пустыню смотрят батареи, поэтому обнаруженную стаю подманят ко второму подъёму на плато. Резня случится в Старой бойне.

— Какую помощь вы хотите от нас?

— В роте подозревали, что дело нечисто. Потому один из наших и получил слова, которые я передал вам. И другие слова, я их отправил, и ко мне придут на встречу надёжные люди. Я согласился рискнуть. Привёз и доказательства, что сюда готовятся приманить стаю в сотню голов, и остальное. Мне нужно где-то пересидеть, пока я не смогу передать то, что укоротит слишком шустрые руки.

Фамилии Навалова и Гостинцева не прозвучали, но бонза и Багор кивнули. Группировка Тоцкого их тоже устраивала больше: сейчас торговля с пустыней шла через логистов, связи и тарифы посредников давно отлажены, баланс интересов и взаимной выгоды соблюдается — а новый хозяин обязательно устроит передел. Заодно попытается или устранить, или подмять под себя всех старых бонз.

— Добро. Своим словом я обещаю вам на нашей территории жильё и защиту.

Обратно Багор гостя проводил до улицы, Глеб всю дорогу гадал зачем. Там, недалеко от входа, прохлаждались, конечно, с десятков бойцов. Но не будут же они устраивать разборки поперёк слова бонзы?

— Жильё тебе будет, за воду и еду как платить собираешься? — поинтересовался Багор.

— А у него морда хороша, — услышав старшего и заметив чужака, решил вылезти один из бойцов, — ночью за бабу сойдёт. А-бу-а-а...

Спускать подобную шутку — потерять лицо. Глеб стремительно сблизился и пнул парня по яйцам. Потом, когда тот согнулся, добавил, чтобы шутник ткнулся лицом в песок. Также плавно и быстро вернулся к Багру и укоризненно на него посмотрел: и зачем надо было устраивать этот цирк? Прежде чем остальные бойцы схватились за оружие, помощник бонзы строго сказал:

— Ты мне парней не порти, — и уже старшему десятки скомандовал: — Эго полудурка отдерёшь сам. Пусть учится башкой думать, а не яйцами. К бывшему рейдеру полез — пусть спасибо скажет, что живой.

Приятеля невезучего шутника на Глеба теперь смотрели уважительно, со страхом. Про пустынных рейдеров слухи ходили разные, нередко страшные и тёмные. Зато отныне к

чужаку точно никто больше не сунется.

— Давай за мной, — скомандовал Багор. — Насчёт оплаты жратвы подкину работёнку.

Они вошли в тот же бункер, но с другой стороны. Когда-то здесь был капонир для временного содержания техники. Машины тут стояли и сейчас. Латаные, наверное, собранные из обломков по помойкам. Несколько пустынных багги, переделанные в броневики грузовики, что-то большое и совсем непонятного назначения. Для Старой бойни огромное сокровище и источник силы группировки. Как раз здесь вентиляция была хорошая, но она всё равно не могла перебить запахов старого пластика, сварки, машинного масла и всего остального, без чего гараж не гараж.

— Хасан, я тебе помощника привёл. А ты не говори, что в этом ничего не понимаешь.

Глеб даже не стал скрывать улыбки. Любой рейдер хоть по минимуму, но разбирался в ремонте машины: в пустыне от этих навыков зависела его жизнь. И в любом случае у городского специалиста квалификация будет выше местных самоучек. Сейчас Багор сообразил, что может на этом попутно дать группировке заработать, не нарушая законов гостеприимства.

Богдан примчался через неделю. И как он потом смеялся, Глеба отыскал ещё издали: уж больно громко друг спорил с главным механиком «осьминогов» дедом Хасаном. Старик был гениальным самоучкой, проявлял просто потрясающее умение из мусора изготовить нужные запчасти. Но если какое-то предложенное решение противоречило его личному опыту, ругался до хрипоты. В итоге, как правило, всё равно соглашался: технику он любил как иные дорогую собаку или кошку, поэтому готов был на всё ради её «лечения». Да и новый помощник ему нравился, вдвоём они сумели запустить и отладить немало давно безжизненно стоявших агрегатов. Спорить деду Хасану это всё равно ничуть не мешало.

Поначалу Глеб не сообразил, кто пришёл. Ну заглянул очередной обитатель местных трущоб — до того Богдан не походил на щеголеватого белобрысого сержанта-миротворца. Узнав друга и брата, на полуслове бросил разговор и кинулся навстречу обниматься.

— Живой, чертяка рисковый, живой. Как вы всей ротой пропали, мы чуть с ума не сошли.

— Так, мужики, — скомандовал Хасан. — Вам поговорить и без лишних ушей надо? Тогда давай в каморку, я прослежу.

Каморкой был склад запчастей, святая святых мастерской. Доступ посторонним сюда был строго закрыт, никого не удивит, если Хасан скажет хоть самому бонзе, что помощник там и его трогать пока нельзя. Здесь же приделали к стене небольшой столик, на котором механики обедали. За ним и расположились Богдан и Глеб.

— Обстановку, — сразу начал Глеб. — Я сначала без связи, а потом был в посёлке Пустынного хана. Спрашивать у него про текущие расклады по Городу было в тот момент недальновидно.

— Мы оказались правы. Тоцкий рвётся в кресло координатора, и все понимают, что Гостинцев не усидит. Но клан Гостинцевых хочет пересадить на своё место Навалова. Они тогда и сами останутся при делах. Совет начальников отделов ещё не раскололся открыто, много тех, кто занял выжидательную позицию. Таких активно тянут на свою сторону, уже начались провокации. Тоцкий подставляет нынешнего полковника рейдерской службы, при этом его заместитель подполковник Баскаков впервые нарушил нейтралитет и активно встал на сторону Тоцкого. В ответ Навалов, пользуясь, что через связистов идут все городские

газеты, пытаются нагнетать атмосферу страха, дескать, Бригаду пора чистить от ненадёжных элементов. В самой Бригаде и в самом деле отыскивались следы... Нет, пока не заговора, но очень многие майоры и подполковники недовольны: при нынешней системе путь в генералы им почти закрыт, — Богдан криво усмехнулся. — Поторопились наши начальники делить нас на белую кость и простолюдинов. Мой прогноз — минимальный запас прочности три месяца, максимальный полгода. В этом промежутке полыхнёт драка.

Глеб скривился. Не зря Багор и Великий кракен в его историю поверили сразу. Похоже, своей выдумкой на скорую руку про использование завроидов Глеб попал не в бровь, а в глаз. Разве что Лисицын про стаю наверняка не знал, и его точно так же использовали «втёмную». Перестрелки с Гладовым и посланцами Хана, и промежуточной базы именно в том оазисе хватило бы всполошить тварей. Из пустыни не должен был вернуться ни один рейдер. А то, что, для отчётности имитируя поиски, одна из групп нашла кладку, всего лишь ускорило развязку.

— Успеем. И хорошо, что всё случилось именно сейчас. Это наш шанс.

Рассказывал Глеб долго и без утайки, в том числе про Землю и джинну. Богдану он верил как себе, к тому же, в их крайне рискованной игре, ближайший соратник должен обладать всей полнотой информации, просчитывая риски и варианты. Некоторое время Богдан переваривал историю, причём его, похоже, новость, что брат и друг скоро женится, удивила больше, чем рассказ про параллельный мир.

— Приказывай, командир. План у тебя есть. И не спорь. Ты всё начал, не просто так Василиса стала именно твоей невестой. И не зря у нас появился шанс, — голос Богдана задрожал от гнева. — Я тогда запомнил слова Владиславы насчёт того, что творят с девочками из сиб-групп. С этого года решили дело поставить официально и на поток. Программу обучения заточат под прислугу... Превратить сиб-группы в филиал борделя и школы по подготовке элитных шлюх! Мы с Вадимом уже начали работу. Кроме наших братьев, мы можем рассчитывать ещё примерно на сорок Псов. Вероятно, когда начнём, к нам присоединятся другие. Особенно как узнают про завроидов и зомби вирус. Старшие девочки, когда узнают, что с ними хотят сделать, думаю, пойдут все — теперь нам есть куда уходить. Стопроцентно нас поддержит часть курсантов.

— Итого сотня девочек и как минимум сотня Псов, — хмыкнул Глеб. — Масштабы у вас, царственный брат мой, истинно царские. Тогда так. Я остаюсь здесь, даже в Первой полосе мне лучше пока не светиться. В купол сунуть только к началу. Но до этого устрой мне встречу с Баскаковым. Я солью через него информацию про завроидов и подкину материалы, которые нашёл у Лисицына. Там шикарный компромат, им можно отлично зацепить Навалова. Этот говнюк Лисицын, оказывается, хранил копии логов всех транзакций денег от посредника из связистов за «сотрудничество». В обмен потребую от Баскакова совсем мелочь. Небольшая просьба насчёт закрыть глаза, когда я выведу из Города кое-какую контрабанду. Один раз, услуга за услугу. Баскаков согласится, чтобы внешние батареи нас не заметили. Заодно через него скормлю легенду, что Гладов нашёл в двухсотом секторе старые законсервированные склады «Победоносного». Отсюда и буровая, и такая нужда в специалистах, что Хан готов нас принять с распростёртыми объятиями, несмотря на потенциальные проблемы потом с координатором. Для Тоцкого такой расклад идеален. Хан со старой техникой подминает всю пустыню, вести дела с одним человеком Тоцкому проще, чем договариваться с кучей группировок. Но при этом Хан остаётся намного слабее Города и зависит от Тоцкого даже сильнее, чем раньше — уже по запчастям. А тебе, чтобы

подготовить всё чисто...

Глеб вынул и положил на стол два приказа за подписью командира полка рейдеров. «Содействовать в подготовке, оформить допуски на склады, обеспечить...» Богдан взял документы, прочитал и покрутил. Явно заполняли не на плоттере, а писали от руки. Приказы самые настоящие.

— Глебушка, признайся честно. Ты случайно не ясновидец, оформишь эти бумажки ещё перед рейдом? Мысли заодно не читаешь? А то я без экранирования и прямо перед тобой сижу.

— Всё намного проще, — рассмеялся Глеб. — Помнишь, я говорил, мне Баскаков сунул пару пустых бланков, если соратничков Лисицына придётся пугать по месту? Моя невеста — художница. Образец почерка из первого приказа был. Остальное — рука профессионала и дело техники. Графологов там не будет, а люди и компьютеры поверят: я уже проверял, разницы типовой сканер не видит.

Сначала взвыла сирена оповещения. Плотная толпа, придавившая Глеба к ржавому забору, слитно вздрогнула, будто она была неким единым, могучим организмом, а не скопищем четырёх сотен обычных работяг из дальних посёлков. Толстая стальная дверь дрогнула и с лязгом поползла в сторону, открывая вход в обшарпанное двухэтажное здание администрации. Толпа встрепенулась и качнулась вперёд. Глеб почувствовал, как, несмотря на жару, рубашка между лопатками намокла, а на лбу и висках выступила испарина. Через КПП впускали на работы вокруг купола, но без доступа внутрь. С перепрограммированными идентификаторами на большее рассчитывать было нельзя: слишком небольшой срок на подготовку, чтобы внедрить фальшивые коды по всем базам данных. Для внешних же работ, которые при этом оплачивались день в день, визы проверяли халатно, не заглядывая в общий список разрешений. Достаточно чтобы на КПП идентификатор просигналил о том, что в миграционном центре допуск на работы продлён на сегодняшнее число. Потому весь десяток диверсантов сегодня для первого этапа использовал именно работы в граничной полосе.

Дверь уже отодвинулась настолько, что из щели ударил прохладный воздух — чиновники и охрана на кондиционировании не экономили. Когда стальная плита доползла до ограничителя, в открывшемся проёме появились несколько хмурых клерков в сопровождении десятка фигур в бронежилетах. Даже не миротворцы, обычная полиция. Люди заволновались и начали пихаться: их вот-вот начнут запускать. Плата за труд шла почасовая, из-за этого все старались пролезть поближе к входу, стремясь как можно быстрее оказаться по ту сторону турникетов и получить внутренний территориальный идентификатор.

Команда на проход что-то задерживалась, и Глеб начал волноваться, но толпа терпеливо ждала — видимо, это было в порядке вещей. Наконец загорелись огни на турникетах впереди. Толпа распалась на десяток ручейков по числу турникетов, чтобы по ту сторону все ручейки вытянулись в колонну по одному. Иногда турникет не поворачивался, и загорался красный огонёк. Неудачника сразу хватили несколько охранников и лупили резиновыми дубинками: не насмерть, но больно. Дальше выкидывали обратно на улицу. Полицейским было плевать, то ли это посторонний стащил чужую визу и по ней хотел пробраться на территорию и что-то украсть, или же законный владелец забыл вовремя зайти в миграционный центр на продление срока действия визы.

Глеб воткнул идентификатор в прорезь и толкнул ручку турникета. Электроника внутри металлического пенька была вообще не защищена, поэтому на всякий случай Глеб «посмотрел» на контроллер, если что-то не сработает. Но примитивные «мозги» и так проглотили фальшивку не раздумывая. По другую сторону очередь двигалась быстро. Вскоре Глеб уже положил на стол брезгливо смотревшему на рабочих клерку пластинку визы. Тот поставил у себя в журнале отметку, второй клерк взамен надел работнику на шею ошейник. В посёлках про эти ошейники ходило множество слухов. И телекамеры в них есть, которые следят за каждым шагом. И якобы внутри запаян заряд взрывчатки, способный оторвать нарушителю голову. Глеб еле удержался от смеха: кто-то придумал для отслеживания рабочих приспособить самые обычные собачьи ошейники с электронной меткой местоположения. Сейчас это заметно сэкономило Глебу время. Закрывайся замок на ошейнике механическим путём, с ним пришлось бы повозиться — но из-за общего упадка специалисты по механическим запорам снаружи эко-купола попадались не в пример чаще умельцев ломать электронные системы.

Здание, в которое, как и планировалось, определили трудиться Глеба, было построено на основе старой башни ПВО. После окончания войны питающие кабели городской энергосистемы обрезают, но проходы по всему периметру купола не стали заливать бетоном, это выходило чудовищно дорого. Вместо этого тоннели запечатали личным кодом координатора. Потом вообще списали информацию в архив и забыли, а охранные системы отключили из экономии. Всё равно ни у кого снаружи не имелось техники пробиться через бронированные переборки. Когда девушка из клана координаторов бежала с отцом своего ребёнка, именно благодаря найденным в семейных архивах кодам доступа она и смогла выбраться наружу.

Люк нашёлся спустя час работы и перемещения всяких ящичков. Дальше Глеб снял и спрятал маяк. Пусть, если его надумают искать, решат, что нерадивый работник надумал вздремнуть в укромном уголке, мол, деньги-то всё равно по времени капают. После чего разделся донага. Базовые контрольные датчики в таких туннелях были автономны и могли работать до сих пор, но рассчитаны древние устройства были на войну — то есть тревожно пищать о любой попавшей в туннель посторонней органике или металле, но не реагировать на людей.

Младший техник службы ассенизации свою работу любил. И пусть некоторые, услышав о его профессии, брезгливо морщились, сидеть в уютной камерке промежуточной диспетчерской было очень приятно. Вонючую работу на самом деле вели дроны, за которыми и приглядывал техник. В его обязанности, конечно, входило в случае нештатной ситуации надеть костюм и помочь дрону справиться с проблемой, но за все годы, пока он тут сидел, ни разу ничего подобного на его участке не случилось. Зато от начальства далеко, в такие дыры оно никогда не заглядывало. Засунь в уши наушники, выведи на один из мониторов какой-нибудь фильм, всю смену радуйся жизни — да ещё получай за это деньги. Когда за спиной возникла голая фигура, техник сначала решил, что это у него из экрана монитора герой очередного фильма вылез, даже успел подумать: «Прикольно». А потом голова у мужика взорвалась болью, и сознание померкло.

Убивать постороннего и без нужды Глеб не собирался, так что лишь связал и запихнул незадачливого техника в кладовку, а сам переделался в его форму. Затем ввёл в систему принесённые с собой программы. Точно так же сейчас поступали его товарищи. По нормам безопасности системы жизнеобеспечения имели собственную автономную сеть связи,

которая сейчас перейдёт под управление восставших. Пока связисты сообразят, пока смогут пробиться через собственные же защитные файрволы, время окажется упущено.

«Аз — сто», — сигнал ушёл, как только система сообщила Глебу о полном доступе администратора.

Дальше пришлось ждать, пока не пришёл следующий сигнал:

«Буки — сто плюс пятьдесят».

Это была уже отличная новость. Дежурную роту корпуса миротворцев внедрённые в состав Псы не просто заблокировали вместе с внутренним арсеналом: теперь все подкрепления противнику придётся вводить снаружи и через шлюз. А ещё большая часть дежурной роты миротворцев перешла на сторону восставших.

«Веди — сто».

Сосредоточение безоружных участников недалеко от арсенала, с которого в том числе снабжались рейдеры и для которого были готовы фальшивые коды и приказы завершено.

«Глаголь — сто. Жёлтый».

— Какого чёрта! — ругнулся Глеб. Жёлтый код означал, что воспитатели кадетов и девочек из сиб-группы нейтрализованы, но возникли непредвиденные сложности. — Богдан, что у вас?

— Командир, узнав правду, нас поддержали оба старших курса кадетов. Они забрали всех девочек от двенадцати лет. Оружия мало, несколько учебных комплектов брони.

Глеб потратил несколько секунд, накладывая на карту города текущую ситуацию. О скрытности можно забыть, больше пяти сотен подростков не спрячешь. Но голыми руками даже кадеты с имплантатами много не навоюют — плюс реального боевого опыта у них нет. От полиции, может, ещё и отобьются. Но если подтянется корпус миротворцев...

— Буки, говорит Аз. У нас непредвиденная ситуация. Невооружённые кадеты прорываются к Добро. С ними триста девочек. Сколько сможете задержать миротворцев?

Ответ пришёл не сразу: одно дело быстрое восстание и отступление, и другое дело вот так встать насмерть против превосходящих сил. Кто-то из недавно присоединившихся может и отказаться...

— Аз, сколько нужно, столько и удержимся. Человечеству!

— Глаголь, это Аз. Пробивайтесь к Добро, но без фанатизма. Если что занимайте круговую оборону, вступайте в переговоры, тяните время.

— Так точно.

По плану сразу с началом восстания Глеб должен был возглавить атаку Псов на арсенал. Но сейчас события пришлось форсировать. Когда Глеб добежал до арсенала, его соратники по фальшивым ордерам уже проникли внутрь первой полосы защиты и нейтрализовали охрану. Но внутренний периметр из-за событий в городе закрылся. Он не шёл ни в какое сравнение с внешним, но штурмовать его — это время и потери: атаковать Псам придётся с лёгким вооружением.

— Командир, — Глеба встретил на КПП его заместитель по точке Глаголь. — Командующий арсеналом майор хочет переговорить с вами. Так и сказал: требую для переговоров лейтенанта Каховского.

— Передайте, что я иду.

Это был риск, особенно когда с чего-то этот неведомый майор знал его имя. Но если удастся уговорить охрану сдать? Убедить, что арсенал они всё равно захватят, но тогда охрану попросту перебьют... придётся рисковать.

Глеб и сорокалетний майор встретились ровно посередине десятиметровой полосы между периметрами.

— Здравствуйте, лейтенант. Можете не проговаривать свои условия, я про них и так уже догадываюсь. И сразу отвечаю: я соглашусь. То, что внутренний периметр успел закрыться, не отразится ни в одном логе. Условие, что тогда вы не тронете никого из моих подчинённых. Включая молодых идеалистов, которые сейчас гордо заперлись в семнадцатом ангаре и собираются сражаться до последней капли крови. Мы организованно отступим туда же, — усмехнулся майор, — и приготовимся обороняться. Снаряжение из этого сектора вам всё равно не пригодится.

— Я принимаю. И почему?

— Добавьте, откуда я знаю ваше имя. Наш товарищ, — он выделил интонацией эти два слова, — майор Гладов хорошо о вас отзывался и планировал познакомиться с остальными своими друзьями. Но потом и он пропал, и вы тоже — а затем все вместе объявились у Пустынного хана. Не беспокойтесь, именно вас заметили только мы и только потому, что точно предполагали, кого Гладов пошлёт. А ещё нам выгодно, чтобы Пустынный хан имел силу, способную удержать за собой склады «Победоносного». Не только ведь склады? По штату там должно быть кое-какое оборудование для производства запчастей и боеприпасов на местах.

— Да. И спасибо.

Снаряжение и машины для основного каравана ещё разбирали и грузили, когда сработали заряды, подорвавшие высокий забор, отделявший арсенал от основной части купола. В пролом одна за другой ринулись бронемашины на помощь курсантам.

— Говорит Аз. Добро — сто. Доложить обстановку.

— Буки. Держим оборону на Ореховом проспекте. Противник наращивает силы. Риск окружения через семь тридцать.

— Глаголь. Нас встретила полиция. Перекрёсток Победителей и Вишнёвой. Держим оборону.

Глебу захотелось выругаться. Несмотря на неожиданность и потерю внутреннего арсенала, миротворцы сработали слишком хорошо. Восставшие успеют к кадетам, но Буки к этому времени окружают и сомнут. Пленных миротворцы брать не станут. А дальше уже кадетам придётся вооружаться под огнём и с боем пробиваться к арсеналу. На стороне восставших будет тяжёлая техника, на стороне миротворцев опыт и количество. Опять его переигрывают тактически. И опять остаётся надеяться, что зато стратегическую ситуацию он оценил вернее.

— Буки. Дайте координаты ракетного накрытия и чтобы их перехватили, — и переключил канал на миротворцев. — Генерал Ковалёв. Даю вам одну минуту остановить огонь и дать моим людям отойти. Иначе я накрою ваши позиции системами залпового огня. Думаю, координаты накрытия вы тоже приняли, и знаете, что я ввёл под купол бронетехнику.

— Вы не посмеете!

Глеб вывел на забрало текущую ситуацию. Пусть генерал не поверил, что кто-то рискнёт применять под эко-куполом тяжёлое вооружение, его подчинённые были иного мнения и самостоятельно начали отступать. Восстановят или нет эко-купол после ракет — мёртвым без разницы, зенитных систем у миротворцев сейчас нет.

— Я призываю всех, кто поверил лживым обещаниям мятежников, угрожавших таким

чудовищным злодеянием, как применение под куполом тяжёлого оружия, вспомнить о присяге и сдаться. Взамен обещаю честное разбирательство.

Генерал не знал, что его слова сейчас слышали только сторонники Глеба. Зато остальной разговор через захваченную сеть жизнеобеспечения будет транслироваться и генеральским бойцам-миротворцам, и вообще всем в Городе.

— Говорит Глеб Каховский. Присяга? Кому? Координатору и клану Гостинцевых? Людям, которые скрыли, что в пустыне завроиды размножились до того, что образуются сквады? Уже погибла целая рота рейдеров. Им соврали, что слух про завроидов фальшивый и отправили обманом на верную смерть. Гостинцевым нужна провокация, и сколько ради устроенного ими шоу погибнет людей в Старой бойне? Или все те, кто не живёт под куполом, уже и не люди? Или присяга господину Навалову? Человеку, который готовил эксперименты с зомби вирусом, отправлял своих подручных привезти в свои лаборатории образцы из Чумной плещи? И больше того, готовился отравить зомби-вирусом оазис Пустынного хана. Одним Божьим провидением те, кто должен был исполнить волю Навалова, с его поручением не справились. А может ещё стоит вспомнить, что господин Навалов недавно решил, что из девочек в сиб-группах можно устроить замечательный элитный бордель? Отныне сразу после учёбы они будут отправляться в чью-то постель. Боевые псы не служат координатору, а служат всем людям колонии. Отныне Боевые псы и кадеты академии сиб-групп считают себя свободными от присяги координатору и присягают на верность Пустынному хану. А теперь дайте нам уйти. И не пытайтесь преследовать, или клянусь, немногие преследователи уйдут с того поля боя.

— Говорит лейтенант Миронов. Боевые псы в составе корпуса миротворцев поддерживают Глеба Каховского. Генерал, ваш последний приказ применить против кадетов и детей, которых они ведут с собой, огнемёты — военное преступление. Своими действиями вы доказали, что знали о преступных действиях координатора и покрывали их. Мы рассредоточились вдоль ваших войск, а что такое Псы, вы знаете.

Глеб выдохнул, быстро оценил обстановку. Текущий бой он выиграл: пока заглохла перестрелка с миротворцами, и шли разговоры, передовой бронетранспортёр смял перегородившие улицу полицейские машины и выехал к оборонявшимся кадетам. Воспитателями кадетской школы можно было гордиться. Мальчики организованными десятками подбегали к машинам, не мешая друг другу вооружались. И тут же рассредоточивались, занимая оборону. Девочки, также десятками и организованно, тащили раненых и грузились в машины.

Отступать первоначальным маршрутом мимо ракетных батарей было самоубийством. Да и караван изрядно вырос: вместо нескольких десятков сейчас в пустыню уходила тысяча человек. Жители самого близкого к куполу посёлка со страхом наблюдали, как сначала к небу поднялся столб чёрного дыма и пыли, потом донёсся грохот. Проблему блокировки внешнего шлюза Глеб решил самым простым способом, приказав взорвать ворота. Заодно аварийные системы купола наглухо отрежут сектор арсенала. С учётом низкой квалификации нынешних техников, они слишком долго будут «объяснять» излишне умным компьютерам, что вообще-то на Опале кислородная атмосфера, и так масштабно блокировать место ЧП не обязательно. Миротворцам придётся огибать весь купол. Пустынная бригада тоже дислоцирована возле главного спуска с плато.

Теоретически беглецов ещё можно догнать, но не раньше Старой бойни. Основную же

массу бойцов Глеба сейчас составляли Псы и курсанты, которых помимо разнообразной и широкой подготовки тренировали воевать по старым военным программам. В том числе их готовили сражаться в городе и в развалинах автономными мелкими подразделениями против крупной массы наступавших солдат. Обещание «с того поля боя уйдут немногие» было отнюдь не пустой угрозой. Знали это и среди миротворцев, и в Бригаде. Как бы ни понукал Совет начальников отделов, солдаты на верную смерть торопиться не станут. Но и в том, что их отпустят просто так, Глеб сомневался.

Трёхэтажки посёлка глядели вслед молчаливыми глухими окнами, за которыми не было заметно ни единого движения. Жители испуганно попрятались по домам, когда бронированные машины и транспортёры одна за другой, поднимая тучи пыли, пронеслись по улицам. На ветру развевались знамёна с гербом Псов — кадеты унесли их из училища с собой как символ, что они уходят не сами по себе, а как подразделение. На выезде колёса тяжёлых машин одно за другим давили остатки хилой баррикады. Кто-то в городе отдал приказ «задержать», от большого ума местная полиция попробовала перегородить дорогу. Хорошо, обошлось без трупов: ещё издали увидев броневики с десантом, засевшие на баррикаде полицейские пустились наутёк.

Солнце громоздилось над плоской щебнистой равниной, чёрной с редкими разбросанными кустиками сухой травы. Несколько часов покрывки однообразно скрежетали по щебню. Становилось всё жарче. Мимо время от времени проплывали какие-то заброшенные развалины эпохи первопоселенцев, потом их сменяла огромная, совершенно мёртвая равнина. Рыжая глина бесплодной почвы просвечивала сквозь чёрный мелкий щебень. О том, что здесь всё-таки бывают люди, говорили разве что глубокие канавки — следы автомобильных колёс. Дорога, по которой шло сообщение со Старой бойней.

Но вот по сторонам щебень начал казаться более тёмным, а на самой дороге гораздо светлее — пустынный загар был стёрт колёсами с камня, и щебень присыпан пылью, отчего вся дорога приняла светлый серый цвет. Признак того, что здесь ездили чаще, и до Старой бойни осталось совсем недалеко. Глеб безвылазно сидел в салоне командирской машины над картой и мучил тактический компьютер, пытаясь со своим маленьким штабом прикинуть варианты, как они бы попробовали остановить восставших. Хотя и хотелось к своим людям «на броню». Но если уж он взял на себя ответственность, о простых заботах лейтенанта, отвечающего только за свой участок, придётся забыть.

— Командир, — прозвучало с передовой машины. — На въезде в Старую бойню люди под белым флагом. Хотя говорить с вами. Бонзы.

— Скажите, что я готов разговаривать, — и мысленно вздохнул: очередной сюрприз судьбы. А такие сюрпризы обычно одних проблем добавляют.

Когда Глеб спрыгнул на песок, то порадовался, что за забралом его лица не видно. И никто не сочтёт грубостью, если сейчас он останется готов к бою. Одного человека — Великого кракена «осьминогов» — Глеб знал лично, остальные четверо были старшими бонзами сильнейших группировок.

— Долгой и спокойной жизни вам, уважаемые.

— Хорошего пути и сладкой воды, командир Каховский, — хором отозвались бонзы, дальше за всех заговорил глава «осьминогов». — Это правда, что вас принимает под свою руку Пустынный хан?

— Да. Мы принимаем руку того, кто доказал, что готов заботиться о своих людях — а не о своих интересах.

— Тогда мы пришли просить взять нас с собой. Признаём твою руку и волю Пустынного хана над нами.

Глеб на несколько секунд замер, переваривая сказанное. «Интересно, что Хан скажет, когда мы вернёмся»? Ведь ждали-то самое большое четыре десятка, которые, как он объяснял Василисе и остальным, не повлияют на политику пустыни. Сейчас за Глебом вставала немалая сила. Вместе с бойцами пятерых бонз — вторая по значимости в пустыне. Но и бросать этих людей сейчас, когда Глеб открыто обвинил Навалова и координатора — подло. К тому же когда начнётся строительство второго эко-купола, выходцы из Старой бойни перегрызут горло любому, кто попробует у них отобрать новую сытую жизнь. Если в Городе победит Навалов, военная сила им пригодится.

— Я беру вас под свою руку и обещаю говорить за вас перед Пустынным ханом. Сколько вам понадобится времени?

— Полчаса. Машины у нас есть.

— Багранов, — сейчас Глеб командовал, включив не только внутреннюю связь, но и громкую, чтобы его слышали бонзы. — Возьми два десятка. Поедешь вперёд с нашими новыми союзниками. Выдашь их бойцам гарнитуры и покажешь, как включиться в нашу сеть.

Через развалины караван двигался медленно, чтобы к ним один за другим могли присоединиться отряды новых союзников. Машины у бонз были старые и латанные, оружие у бойцов в основном пороховое, зато люди горели энтузиазмом. Ещё четыре сотни донельзя мотивированных бойцов получались на случай боя хорошим подспорьем. Глеб, сидя в штабной машине и обрабатывая сводки от висевших в воздухе беспилотников и боевого охранения, чуть ли не физически ощущал тоску находившегося рядом с ним заместителя по матчасти. Как у новых членов отряда с продуктами и водой никто не представлял. На складах они рассчитывали припасы изначально на тысячу человек, а теперь едоков числится вдвое больше.

Всё было тихо, но как только старая довоенная дорога закончилась, Глеб приказал:

— Курс прямо. Ордер ПВО. Змей по торговому тракту.

Радарные решётки немедленно перешли в пассивный режим наблюдения, активировав защитный купол радиоблокады. Теперь засечь конвой можно только оптикой на расстоянии прямой видимости — но тогда и враг демаскирует себя. Внешние камеры показали, что бойцы из Старой бойни закусили губу, про воронку ходило много страшных историй. Но никто не отвернул и не сместился в строю. Командир знает, что делает. Глебу же стало неуютно: оказывается, люди настолько в него верили.

Они успели проскочить до середины воронки, когда змеи на торговом тракте одна за другой начали подрываться на минах. И тут же вниз с граничного хребта густо пошла волна беспилотников с бомбами. Но в ожидаемом месте беглецов не оказалось. Потеряв внезапность, противник сделал ставку на число, скорость и небольшой размер целей. Глеб противопоставил опыт Великой войны. Конвой шёл ордером противовоздушной защиты, сформировав эшелонированную оборону, где даже ополчение из Старой бойни было интегрировано в общую сеть. Первыми заговорили зенитные пушки бронемашин, они доставали почти до самого края воронки. Те самолёты, которые прорывались через зенитную артиллерию, встречали подключённые к радарным комплексам бронепехотинцы. Ближнюю оборону держали бойцы бонз. Расстояние, которое бомбардировщикам пришлось лететь под кинжальным огнём, оказалось слишком велико. Несколько операторов пробовали

поднять машины на предельную высоту и потом вертикально спикировать в мёртвую зону пушек. Но в итоге превратили технику в мишень: потолок высоты беспилотника почти на километр уступал дальнобойности бронепехотинца, который при этом наводился с мощных радаров конвоя. Лишь три самолёта сумели подобраться достаточно близко, чтобы попробовать сбросить груз. Два багги с людьми посекло осколками, но обошлось вообще без убитых. Раненых подобрали, и караван спокойно двинулся дальше вглубь пустыни. В эфир полетел оговорённый перед отъездом Глеба сигнал Пустынному хану. И хотя боевое охранение по-прежнему шло, оцетинившись пушками и винтовками, а люди были готовы в любую минуту отразить новую атаку хоть по земле, хоть с воздуха, все как один кричали: «Ура!» Они победили. С каждой минутой восставшие всё дальше и дальше отдалялись от Города. Найти и догнать конвой у любых войск или самолётов, которые вдогонку мог бросить координатор, не хватит радиуса действия.

Получив при рождении сухую бюрократическую маркировку «запасной конференц-зал координатора», сегодня помещение в глубине административного сектора гордо щеголяло именем Зал совета начальников отделов. И не просто так эта комната считалась жемчужиной дизайна и сердцем эко-купола. Полы настоящего дубового паркета, на стенах деревянные панели, украшенные изысканной резьбой, росписями и огромными чеканными панно. Торжественная внушительность идущих вдоль стен огромных, сплошь вызолоченных колонн давила своим величием каждого, кто осмелился встать рядом с ними. А уж вытянутая подкова стола была по легендам доставлена с самой Земли: в центре карта земного шара, а в обе стороны карта освоенных человечеством звёздных систем. За десятилетия колонизации зал видел многое, от скупых военных совещаний до самых настоящих переворотов и убийств правителя. Но такие страсти, как сегодня, даже для этих старинных стен были неожиданностью.

Свою яростную речь координатор Гостинцев закончил словами:

— Мятеж должен быть подавлен, а зараза выжжена калёным железом. Оставшиеся Псы, как неблагонадёжные, по моему приказу задержаны. Мятежники будут уничтожены с воздуха.

— Поддерживаю, — поторопился выступить Навалов.

Но ещё ни один из сторонников координатора не успел высказаться в поддержку, как поднялся со своего места на краю подковы Тоцкий.

— Накладываю вето. Вы с ума сошли?

— Знайте своё место, Тоцкий, — сорвался координатор. — Вы получите слово в свой черёд, а сейчас не нарушайте регламент и...

— Какой к чёрту регламент! Вам так понравилось играть в гражданскую войну, что вы решили подлить в огонь бензина? Тихо! — рявкнул начальник отдела логистики. И Гостинцев невольно замолчал, хотя Тоцкий сейчас нарушал все писанные и неписанные законы. — Оставшиеся Псы и так уже доказали свою лояльность. Хотя бы тем, что остались. А своим приказом вы не просто их оскорбили. Вы на весь купол признали, что брошенные вам обвинения насчёт завроидов и зомби вируса верны с начала и до конца. У нас не просто мятеж, репутация у Боевых псов такая, что их слову поверят без вообще каких-либо доказательств.

— Вы меня обвиняете? — побагровел координатор.

— А с чего вы так торопитесь всё замять? А не начинаете расследования? Почему не

арестован по подозрению в халатности, а то и в измене командующий полком рейдеров полковник Гужев? И учтите, обвинение выдвинул лейтенант Каховский, который — я уже проверил — уходил в составе роты Лисицына как раз проверять сведения о завроидах. И теперь именно Каховский возвращается с информацией, что в пустыне бродит сквад, а Гужев про это как бы и не подозревает. Согласитесь, странно для простого совпадения.

Координатор открыл рот... и не сказал ни слова, слишком уж подозрительно смотрели на него даже соратники по коалиции. Можно сколько угодно грызться между собой — если из пустыни придут биороботы зверлингов, конец может настать всем. Тоцкий же продолжил подогрывать собравшихся.

— Если это правда, то первыми под удар попадут шахты и Озёрный. А в нынешней ситуации, когда с уходом Псов мы остались без лучшей части нашей бронепехоты, обеспечить охрану шахт и полей мы не в состоянии. Особенно когда нет уверенности, что остальные солдаты выполняют наш приказ, памятуя о роте Лисицына.

— Господин Тоцкий, вы не забыли, что занимаетесь снабжением? Вот и занимайтесь своими прямыми обязанностями. Я ввожу чрезвычайное положение. В силу чрезвычайных обстоятельств в воздух будут подняты «Валькирии».

— Я выношу на обсуждении совета вотум недоверия координатору Гостинцеву, — в голосе Тоцкого сейчас не было и тени торжества, только плохо скрываемое бешенство, причём неподдельное. — Вы с ума сошли? И не пытайтесь заткнуть мне рот. Допустим, вы расконсервируете «Валькирии». Пилотов у нас уже лет сто не готовят, но плевать. Посадить человека в кресло, дать права допуска и запустить на автоматике. Каховского вы найдёте. Сказать, чем кончится дело? Роботы против людей, которых готовили по военным программам, в том числе готовили и к отражению авианалётов. Вы потеряете большую часть «Валькирий», но разбомбите все гражданские — вы меня понимаете — гражданские цели. Псов, а скорее всего и остальных солдат, вы почти не заденете. Одним из пунктов обвинения господина Навалова было то, что их девочек хотят сдать в бордель? А сейчас вы не в бордель их отправите, а просто убьёте. И тогда они вернуться мстить. Пять. Сотен. Боевых псов. И несколько сотен обычных пехотинцев. И всем им больше нечего терять. К ним присоединятся Псы, которых вы сейчас арестовали. И Старая бойня, которая пойдёт за Каховским из страха, что иначе их сдадут завроидам на прокорм. Вам мало сегодняшней репетиции гражданской войны? Стрельбы под куполом, того, что часть миротворцев прямо во время боя перешла на сторону Каховского? Вы уверены, что вот также на сторону Каховского не перейдут рейдеры? Думаю, перейдут, причём всем полком. Они тоже не захотят умирать ради ваших интересов, как Лисицын, которого вы сначала использовали, а потом обманом послали на убой. И не отпирайтесь, Навалов. У меня есть доказательства ваших переговоров с Лисицыным, копии приказов и как вы его отправили в двухсотый сектор, заверив, что слух про завроидов фальшивый. Следом за рейдерами Каховского поддержит часть Пустынной бригады и миротворцев. А как только по остальной пустыне расплзётся слух, что мы пытались отравить зомби-вирусом оазис Пустынного хана и покрываем виновных... Тут я даже предсказывать не хочу.

— Поддерживаю недоверие Гостинцеву и задержание Навалова до окончания следствия, — неожиданно для всех встал и громко сказал один из ближайших сподвижников уже бывшего координатора. — Тоцкий прав. Сегодня мой дом чуть не попал под ракетный удар, и второй раз сидеть в подвале и слушать, как стучат пули, я не хочу.

— Поддерживаю недоверие Гостинцеву и задержание Навалова.

— Поддерживаю недоверие Гостинцеву и задержание Навалова.

Голоса начальников отделов раздавались один за другим: решение о смене власти было принято на редкость единодушно.

Сразу как Глеб уехал, Василиса дала себе обещание не переживать и не нервничать. Сделает все свои дела и обязательно вернётся. Выдержки хватило на целых три дня, после чего она отыскала Виктора — не идти же с вопросом к самому Пустынному хану, да и Глеб из-за него уехал — и спросила:

— Про Глеба что-то слышно?

Виктор не стал напоминать, что парень только уехал, и со всей возможной теплотой и уверенностью сказал:

— Не переживай, с ним всё в порядке.

— А вы откуда знаете?

— От Пустынного хана, — Виктор усмехнулся краешком рта. — Я же говорил, что он настоящий игрок? У него на каждое наше действие просчитано всё, что только можно. Сорвалась затея со свадьбой? С нашей стороны логичный ход создать свою фракцию или клан — называй как хочешь. Традиция — это хорошо, но пара десятков родственников с пулемётами надёжнее.

— У сиб-групп нет родителей, зато много братьев, — вспомнила Василиса.

— Да. Глеб с самого начала хотел пригласить их с собой. Ну а Хана это устраивает, ему остро нужны специалисты, которые будут управлять ядром. Прибавь информацию, которую твой жених везёт с собой. Это и завроиды, и про Чумную плешь. У Хана отличная разведка он только не знал целей и маршрута той экспедиции Гладова. Пока Тоцкий и координатор грызутся между собой, пустынные вокруг ядра успеют окопаться. Поэтому Хан на первом этапе напрямую поможет Глебу, да и потом стопроцентно станет приглядывать.

Рассказ убедил разум, но перестать нервничать у Василисы никак не получалось. Заметившая это Лия заявила: все нервы — от избытка времени. И уже на следующий день Василиса с удивлением обнаружила, что, оказывается, она согласилась вести математику в начальной школе. Вечером первого дня занятий уже в новом качестве Василиса шла домой, ощущая, как голова идёт кругом. Страх перед учениками давно уже не было, да и мальчики с девочками были в восторге, что математику у них будет вести «сама тётя художник». Василиса даже не знала, радоваться или нет такой популярности и характеристике. Но уж больно нового преподавателя все старались поддержать и помочь, особенно молодой парень по имени Вадим. Этот вообще, кажется, решил, что девушка не в состоянии ничего сделать сама.

Дома Василиса вдруг поняла, что силы, которых вроде бы оставалось ещё много, стоило ей переступить порог, пропали совсем. Девушка устало рухнула на стул в кухне-столовой. Дома как раз была не только Лия, но и её муж. Они с понимающей улыбкой переглянулись, Василисе сразу сунули в руки кружку горячего местного аналога чая и тарелку с ужином.

— Замучили тебя сегодня, — посочувствовала Лия, когда поняла, что девушка немного пришла в себя. — Или это Вадим так достал своими ухаживаниями?

— К-каким ухаживаниями? — не поняла Василиса.

— Ну... Я ничего не стала говорить, но Вадим так на тебя глядел с самого начала. Видимо решил, что раз свадьба не состоялась, а твой жених уехал, то ты свободна? Вот целый день и расточал намёки, а ты вроде бы дала ему понять...

— Он что? — Василисе показалась, что она ослышалась. Потом до неё дошёл смысл рассказа Лии. Кровь прилила к лицу, девушка вскочила, даже не заметив, как в ярости сжался кулак. — Он что пытался? Да я его!.. Да прямо завтра!.. И откуда он?

— Вадим мой двоюродный брат, — пояснил сын Пустынного хана.

Василиса машинально отметила, что Глеб был прав. История с несостоявшейся свадьбой не спонтанное решение «помочь молодым» со стороны Лии и её мужа, как они пытались показать тогда — а приказ старшего в роду. Иначе остальная семья про это не знала бы. По крайней мере, в посёлке точно никто про случившееся во время праздника даже не подозревал. И тут же мысль ушла на задворки сознания, ибо ярость вскипела с новой силой.

— Ну попадись он мне завтра, донжуан недоделанный!

— Я дура, — всплеснула руками Лия. — Видела, что ты вроде его не гонишь, даже ответные намёки подаешь. Подумала, ты его поддразниваешь... А ты, оказывается, просто не сообразила. Ты настолько хорошо у нас освоилась, что я забыла — ты же из Города. У вас там ухаживать по-другому принято.

— Так. Спокойно. Лия, это нам урок на будущее. А ты, Василиса, успокойся. Я с Вадимом сам поговорю. У него характер немного без царя в голове, вдобавок, если чего себе в голову вобьёт... Но не дурак. Он поймёт и больше к тебе приставать не станет.

— А я прослежу.

Обещание и Лия, и её муж выполнили. Больше Вадим и близко к Василисе не подходил. Иногда бросал, правда, странные взгляды, но за это же не обвинишь в чём-то нехорошем? Василиса постаралась выбросить невезучего ухажёра из головы, тем более Виктор неожиданно подкинул задачу. И он, и Андрей с отъездом Глеба стали жить отдельно. Виктор вообще чуть ли не переселился на электростанцию — весело при этом шутил, что когда неожиданно сбывается мечта первого курса стать главным энергетиком, надо пользоваться моментом. У Андрея появилась девушка, но встречались пока оба, стараясь не особо афишировать свои отношения. Но если жить как первые недели в гостях в чужом доме, элементарная вежливость требует предупреждать, к примеру, когда задерживаешься — чтобы на тебя не готовили ужин. Поэтому Андрей переехал жить отдельно: ему, как и другим неженатым работникам завода и электростанции, дали место в общежитии. Но занятые каждый своим делом, виделись друзья теперь нечасто. Поэтому Василиса соскучилась, сначала накормила и напоила Виктора ужином, потом утатила к себе рассказывать про себя и Андрея. И насчёт цели своего визита заговорил Виктор нескоро.

— К нам приезжает делегация от последнего большого племенного союза, который отказывался признавать власть Хана. Пусть и давно уже не спорит с ним напрямую, всё равно их оазисы остаются местом, куда может уйти любой недовольный новыми законами и порядками. Но перед намёком, что Хан готов, используя свою буровую, изготовить каждому племени по новой скважине, противники объединения не устояли. А уж когда возле столицы Хана из-под земли забил источник, и возродилось пересохшее озеро, — ухмыльнулся Виктор, — по всей пустыне заговорили о знамении свыше. Дескать, пришёл человек, который подарит живущим в песках спокойствие и процветание.

— А я тут причём? — Василису несмотря на жару охватило зябкое ощущение, она как от холода поёжилась. — Я не геолог. И от политики папа всегда советовал держаться подальше.

— В политику мы уже вляпались по полной. Скоро приедут целых пять послов, каждый

от своего оазиса. Здесь есть традиция — перед началом переговоров принято друг друга одаривать чем-то дорогим. А твоя слава художницы шагнула далеко за пределы посёлка. Желательно, чтобы с нашей стороны подарком стали твои картины. Такого никто и нигде больше не найдёт.

— Надо — сделаем, — вздохнула девушка.

— Не только. Вдвойне почётно, когда от лица владыки картину вручит лично мастер...

— Ой... Я...

— Девочка. Извини, что впутываем тебя... Но мне объяснили, и я согласился. Договориться с гостями и ублажить их надо именно сейчас. Пока они не знают: их оазисы лежат далеко от Города, но ближе всех к ядру. Они будут торговаться и получают даже больше, чем хотят.

— А потом сообразят, насколько их надули — но поздно. Хорошо. Надо — сделаю. И вручу, и остальное. Только танцевать и петь при этом не заставляйте.

— У нас тут не индийский фильм, — расхохотался Виктор, — если я правильно понял намёк и правильно помню вкусы твоей мамы. Да и Хан на раджу из Болливуда не тянет.

— Скорее уж он похож не на слона, а на ядозуба, — мрачно парировала Василиса. — Жду тему, размеры заказа... И чувствую, я ещё об этом пожалею.

Гостей Василиса встречала в свите самого Хана. Прибыли целых пять послов, каждый от своего оазиса и в сопровождении небольшого отряда. В отличие от приезда буровой, остальные жители посёлка навстречу не вышли, как бы намекая: это гости приехали с просьбой, а не равный к равному. Всадники подъехали на расстоянии полусотни метров, спешили. Навстречу друг другу на середину свободного пространства вышли послы и Пустынный хан.

— Долгой и спокойной жизни вам, уважаемые.

— Хорошего и сладкой воды и процветанию твоему дому, хозяин. Дозволишь ли гостям заночевать у твоей воды? Обещаем перед водой и пустыней, что пока мы под твоим домом — это и наш дом, а твой враг — это и наш враг.

— Будьте в моём доме желанными гостями, разделите со мной воду и пищу.

Дальше пошёл обмен подарками. От двух оазисов по сигналу своего посла выходили и вручали мастера, прочие отдарились из своих рук. Когда настала очередь Пустынного хана, навстречу в сопровождении нёсших картины гордых доверенной миссией мальчишек-учеников вышла Василиса. Подходила к каждому гостю, говорила положенные слова, которые заучила под диктовку Лии и её мужа. Сама же вглядывалась в лица послов. Два старика и двое мужчин лет сорока пяти. Делегацию пятого оазиса возглавил лично его хозяин Степан Удалой — Василиса из объяснений так и не поняла, прозвище у него такое или фамилия.

В конфедерации это был самый маленький и экономически слабый оазис, но зато под рукой Степана ходило больше всего бойцов. Вероятно, они не брезговали и грабежом. Но не пойман — не вор. А в конфедерации удалы не шалили и вообще выступали как ударная сила, потому их вождя-атамана остальные и признавали равным себе. Если племена союза принимали руку Хана, Удалой терял больше всех, поэтому с самого начала он старался противиться союзному договору как мог. Но когда делегация всё-таки отправилась, своё посольство возглавил лично, чтобы попробовать выторговать себе хоть что-то. Глядя на него, Василиса почувствовала себя кроликом перед удавом, до того Степан был похож на братка из девяностых, как их описывали и показывали в фильмах. Крепкий, бритая голова на

мощной шее, толстощёкое лицо с тяжёлой квадратной челюстью и не глазами, а глазками. Его свита тоже напоминала печально знаменитые «бригады», не оставляя сомнений насчёт их основного промысла. Вернувшись обратно к свите Пустынного хана, Василиса ощутила, что, несмотря на жару, вспотела как мышь.

Первый раз в посёлке Пустынного хана Василисе стало неуютно. И хотя никто всерьёз не боялся, что кто-то из приехавших нарушит данную в первый день клятву и законы гостеприимства, особенно когда темой переговоров была вода — всё равно присутствие такого количества чужаков заставляло всех нервничать. А уж стоило Василисе вспомнить, как Степан Удалой на неё смотрел, будто взглядом раздевал и готовился завалить и изнасиловать, как девушку снова передёргивало. И оттого, что за ней теперь, не скрываясь, ходила охрана, не обижало каким-то недоверием — присматривают как за маленькой. Наоборот, с охраной было спокойнее.

Василиса надеялась, что её первый в политике день станет последним. С удовольствием вообще спряталась бы на всё время дома и в школе. Но на второй день к ней неожиданно пришёл с просьбой сам отец Сергей. В дальних племенах религия играла намного более весомую роль, чем в чисто светском посёлке Хана. Поэтому участие настоятеля оказалось необходимым в протокольных встречах. А Василису хорошо знают за пределами родного посёлка не только как художника, но и как иконописца. И её присутствие на официальных мероприятиях как сопровождающей отца Сергея очень пригодится: священников много, а иконописец пока по всей пустыне один-единственный. Девушку передёрнуло, едва она вспомнила атамана Степана Удалого — иначе ей называть вождя пятого оазиса почему-то в мыслях не получалось. От одного вида атамана, когда они пару раз случайно сталкивались в церкви, у неё начинали дрожать колени — и настоятель это замечал. Но и отец Сергей без крайней нужды не пришёл бы... Потому в ответ всё равно прозвучало: «Да».

Зато теперь она чуть ли не каждый день видела Виктора — Пустынный хан ещё при первой встрече оценил его дипломатические таланты, и на время переговоров забрал с электростанции. Василиса же могла хоть каждый день спрашивать у Виктора, как там Глеб — и точно знала, что «хорошо» это не отговорка. Виктор, как посвящённый в ситуацию до конца, наравне с остальным ближним кругом повелителя сводки разведки, в том числе и из Города, получал одним из первых. Но когда до конца переговоров осталось чуть больше недели, рутинный ответ Виктора «всё хорошо» прозвучал со странной интонацией. Да и в глазах стоявшего неподалёку Пустынного хана первый раз за всё время Василиса заметила растерянность. Следом растерянность охватила и Василису, хотя она и старалась этого не демонстрировать. Что там произошло с Глебом?!

Всё отныне валилось из рук, вещи падали, чашки опрокидывались. А ведь ещё Василиса обещала, что обязательно закончит второй комплект «подарочных» картин. Их преподнесут по окончании переговоров — и отказаться гости не смогут, но и сразу отдариться им будет нечем. Василиса откладывала рисование несколько раз. Наконец, отругала своё поведение и то, что подводит людей. Заставила себя сесть за работу. Выключиться из окружающего пространства до тех пор, пока хотя бы в первом приближении картина не будет завершена.

Андрей пошёл за советом к отцу Сергею именно сегодня, потому что совпали две вещи: у него был выходной на электростанции и сегодня в посёлке будет мало людей. Делегацию гостей поведут на новое озеро, там случится подписание соглашения, а за ним небольшой праздник. Андрея же волновал вопрос поважнее: как родители девочки, за которой он ухаживал, отнесутся к нему? Его возлюбленная очень хотела своего парня с папой и мамой

официально познакомить — но её семья жила в оазисе несколько поколений, а он получался как бы примакком. Пришлым без роду и племени. Все в посёлке в один голос говорили, что лучше всего подобные узелки умел развязывать настоятель церкви. Вот Андрей, наконец, и решил к нему наведаться и посоветоваться.

Отец Сергей выслушал парня внимательно и с самым серьёзным видом, завёл беседу. Сам же с самого начала про себя откровенно посмеивался. Не ценит парень своих талантов как должно и сам не понимает, что на самом деле он завидный жених. Не чужак, а официально принят в посёлок. Сделал для рода достаточно, чтобы молодым сразу помогли справиться собственное хозяйство. Из Города, значит, генетически здоров. И вдобавок работает на электростанции, там на хорошем счету и с перспективами служебного роста. Родители его ненаглядной давно уже заметили и взаимный интерес молодых людей, и оценили самого Андрея. Теперь ждут, пока дочка созреет, чтобы официально ввести жениха в дом. Но сказать всё это парню в лоб нельзя, может загордиться. Поэтому надо подвести его к нужной мысли осторожно.

Дверь церкви хлопнула пушечным выстрелом, и ворвался пацан лет десяти. Тяжело дыша и сглатывая слова, он торопливо начал говорить:

— Дядя Андрей, дядя Сергей. Там это. Мы с Родионом к тёте Василисе пошли Домашнее задание показать. А к ней чужие пошли. Не наши. Из приезжих. Нехорошие они какие-то. Родион присмотреть остался. А меня сюда.

Андрею и отцу Сергею одна и та же мысль пришла одновременно. И как назло, в посёлке никого из мужчин!

— Бегом к озеру. Зови на помощь!

Сами же кинулись к дому Василисы. Андрей был моложе, потому заметно опередил старого священника. Выскочил в переулок, когда чужак уже склонился над телом лежавшего без сознания мальчишки, собираясь перерезать тому горло. Таскать с собой пистолет Андрей так и не привык. На работу брал, а в церковь пошёл без оружия. Но сейчас ему хватило и пудового кулака: удар бандиту в висок Андрей нанёс, не сдерживая силы. Подхватил нож и следующего заглянувшего в переулок похитителя встретил ударом в живот. Был ещё третий! Уйти в сторону Андрей не успел, грудь обожгло, но темнеющее сознание успело подумать: враг всё равно проиграл. Тихого похищения не получилось. Стрельба переполошит всех соседей, даже если мальчишка-гонец не успеет добежать до озера.

Андрей только много позже узнал, как бежавший следом отец Сергей, услышав выстрел, не стал выскакивать сразу в переулок, а выхватил пистолет, занял позицию на углу и несколько минут не давал подобраться и добить раненых. Дальше из домов начали выскакивать соседи. Пусть мужчин в посёлке сейчас не было, многие женщины в пустыне тоже умели сражаться. Вскоре в бой вступила спешившая от озера подмога, но перестрелка вышла долгой и жаркой. Нарушившие священные законы гостеприимства люди атамана Удалого дрались как загнанные в угол крысы. Самое страшное выяснилось потом. Когда похищение обнаружили, и поднялся шум, бросив ватагу и с несколькими ближайшими подручными, прихватив Василису, атаман скрылся в пустыне.

Суд вершили тем же вечером. Рядом с пленными бандитами на коленях стоял племянник самого Пустынного хана. Вадим. Оказалось, парень многое сумел подслушать, при этом, несмотря на внушение, продолжил заглядываться на Василису. Привык считать себя на особом положении и не поверил, что его ухаживания в тот день не приняли благосклонно, потом девушке тоже приказали — а Василиса просто ничего не поняла. На

этом и сыграл Степан. Влил дураку в уши рассказ о вольной жизни своих удальцов, расписал, что с его талантами парень запросто может стать ближайшим заместителем самого атамана. Заодно наобещал, что девушку в итоге тоже отдадут Вадиму. За это племянник Хана помог нейтрализовать охрану — от него удара в спину не ожидал никто. И тут же предатель стал не нужен. Его оглушили и вместе с издевательским разоблачающим письмом бросили прямо возле недорисованной картины. Атаман рассчитывал зажечь скандал, который хоть ненадолго, но тоже задержит начало поисков.

Судили преступников не только старейшины посёлка, но и возмущённые старейшины гостей. Один за другим выносили вердикт: виновен. Но вот дело дошло до племянника, и все взгляды сошлись на младшем брате владыки.

— Простите меня люди за то, что воспитал такое. Нет у меня больше сына. Виновен. Повелитель пустыни, мы все признали этих преступников виновными и передаём под твою руку.

Хан ответил не сразу, но паузу он сейчас сделал отнюдь не для солидности. В душе никак не хотела успокаиваться ярость. Сколько лет он шёл к этому дню. Не просто объединить пустыню — стать равным Городу! Получить ядро керхеров и силу, способную ядро защитить даже от координатора. Знал, конечно — мальчишка-лейтенант талантлив. Но и в самых смелых мечтах не предполагал, что Каховский приведёт с собой не пару десятков специалистов, а настоящую армию. Армию, прилюдно присягнувшую на верность Пустынному хану! И всё может пойти прахом из-за амбиций одного дурака, не вовремя подумавшего не головой, а тем, что у него между ног.

— Слушайте меня, люди. Те, кто сейчас перед нами, не только нарушили людской закон, но и согрешили перед законом пустыни. Они напали на тех, кто принёс воду их селению и роду. Потому пусть отвечают не перед людьми, а перед духом пустыни.

Толпа ответила одобрителем рёвом, пленники завизжали сквозь кляпы. Этой же ночью им поставят на лица клеймо, чтобы каждый знал про их преступление. А потом как есть завяжут глаза и отвезут в незнакомый район пустыни. Развяжут и бросят там. Сколько отведёт тебе жизни дух пустыни — столько и протянешь, конец будет всё равно один.

Оставшись наедине с младшим братом, Пустынный хан положил ему руку на плечо и посмотрел в глаза:

— Нет твоей вины, брат.

— Есть. Я воспитал такое вот позорище. И это сейчас...

— Да. Сейчас. А помнишь, как мы с тобой тогда лежали, смотрели на звёзды и обещали, что исполним нашу мечту? Ты не виноват брат. Каждый мужчина решает сам за себя. Тот, кого ты звал когда-то сыном, тоже решил за себя сам. Но ещё не всё потеряно. Удалой не знает, что движется в сторону отряда Каховского, и там есть самолёты. Я выезжаю навстречу к нему... И клянусь, мы с тобой ещё исполним то, что пообещали друг другу тогда!

Получив известие о похищении Василисы, Глеб сел и застыл, обхватив голову руками. Первый раз он вообще не понимал, что ему делать. Бросать всё и мчаться наперерез — но сейчас на нём ответственность за тысячи людей. И он-то знает, что присутствие Василисы в контрольном центре ядра хоть и желательно, но уже не является критичным условием. Новые протоколы введены, центральный компьютер перепрошит. Из ступора его вывел Богдан. Бесцеремонно с силой тряхнул за плечи и скомандовал:

— Чего замер? Мобильная группа готова, ждут одного тебя. Оставь кого-то официально

заместителем здесь. Доберёмся. И пришла радиogramма от Пустынного хана. Он выехал лично и присоединится к твоим поискам. Вперёд.

Секунду Глеб ещё переваривал слова Богдана, дальше вскочил и помчался отдавать приказания. Мобильная группа из десяти бронемашин уже стояла «под парами». Плюс умница-Богдан включил в её состав самую большую ценность каравана: мобильную зарядную станцию. С ней они будут не ограничены ёмкостью аккумуляторов беспилотников и смогут держать самолёты в воздухе круглосуточно. Как далеко не уйдёт атаман, от наблюдения с воздуха он не скроется.

Василиса очнулась от того, что её кто-то бесцеремонно начал раздевать. Последнее, что она помнила — это скрип открывшейся двери... потом темнота. И почему так болит голова? Почему она в пустыне?

— Очнулась, птичка. Давай, мужики, надо осмотреть. А вдруг маячок подвесили на нашу птичку?

Василиса удержалась от того, чтобы закричать, хотя до крови закусил губу. А вот не дождутся! С неё сначала грубо сорвали всю одежду, попутно облапав. Потом силой заставили принимать те или иные непристойные позы, чтобы бандиты могли «осмотреть и ощупать для проверки». Поток сыпались сальные шуточки, что и как надо поступать с бабой. И было понятно, что если бы похитители знали насчёт того, что «биологическая чистота ключа» уже не является строго обязательным условием, её бы сейчас скопом насиловали. Василиса пыталась себя уговаривать: её найдут, Глеб её спасёт... И понимала — нет. Глеб сейчас далеко, а пустыня велика. С головой залил страх, руки и ноги отнимались, словно кукла, девушка послушно выполняла все требования.

Бандитов это развеселило. Жертве дали одеться — но исключительно для того, чтобы она не умерла на солнце. Привязали к коню. Небольшой отряд, выстроившись цепочкой, двинулся куда-то в непонятном направлении. Было жарко, хотелось пить, но воды ей специально давали мало. Только чтобы девушка не умерла, но не имела никаких сил. На второй день, пользуясь тем, что на ночь ноги ей связали свободно, Василиса попробовала бежать. Хоть куда, но подальше от атамана. Убедившись, что все вроде спят, и костёр потух, Василиса встала, и медленно, проклиная то, как затекли и не слушаются ноги, попробовала идти в пустыню. Она отошла примерно на полсотни метров и уже почти поверила — у неё получилось, когда в нос ударил аромат конского пота и давно немытого тела, за волосы больно ухватила жёсткая рука и поволокла обратно.

— Птичка-то наша. Полетать решила. Проверим ещё раз, мужики?

Раздевание, лапание и выламывание рук и ног, чтобы девушка стояла в непристойных позах, повторились. В этот раз Василиса тоже смогла заставить себя не орать, но слёзы всё равно текли помимо воли. Она даже не представляла, что в ней, оказывается, осталось столько жидкости.

— Догнала, птичка? Если да, то кивнула. Пасть не открывать.

Василиса медленно кивнула. Она поняла, что после каждого побега над ней будут издеваться вот так же, а то и придумают что-то пострашнее. Тогда лучше внешне смириться, и ждать, пока не представится подходящий случай. Теперь дни тянулись бесконечно...

Отряд похитителей встал неожиданно, причём намного раньше, чем принято было делать обеденный привал. Атаман грязно выматерился, начал тыкать пальцем в какой-то прибор. Василиса замерла, ощущая, как бешено забилося сердце. Их нашли! Если верить ругани Удалого, пеленгатор засёк радиосигнал с беспилотника! Это могли быть только

преследователи.

— И не надейся, вон как лыбится, шлюха. Чалый, пробегись пока. А я погутаю.

Василиса закусила губу, уговаривая себя не впадать обратно в отчаяние. Она уже поверила... Но у атамана, похоже, и такой вариант был просчитан.

— Эй, как тебя? Слышишь?

— Меня зовут Глеб Каховский, и я тебя слышу, — рация у атамана была не самая хорошая, динамик безбожно орал, так что разговор разнёсся на весь отряд. — Верните нам пленницу живой и невредимой, и я гарантирую вам, что ни я, ни мои подчинённые не будут вас преследовать. Клянусь перед пустыней.

— Нашёл дураков. Бабу свою хочешь? Тогда заberi у меня. По законам пустыни. И не надейся, слышал я про твоих «призраков». Или ты сейчас мне клянёшься, или я немедленно перережу ей горло. Поединок.

— Поединок. Пусть судить нас будет дух пустыни. И если я проиграю, мои подчинённые останутся на месте.

Глеб отключил рацию и посмотрел на стоявшего рядом Пустынного хана. Тот молча кивнул и уважительно сделал небольшой поклон. Поединок по законам пустыни — двое уйдут в определённый квадрат с ножами, вернётся лишь один: тот, кому поможет сама пустыня. И нарушить клятву нельзя. Но Хан и его люди под обещание не попадали. Про то, что в посёлке есть несколько современных машин, на которых Хан и его люди смогли догнать поисковый отряд, не знала ни единая душа кроме нескольких доверенных инженеров. Глеб же, пообещав, что его подчинённые останутся на месте, ничего не сказал про наблюдение. Даже если Глеб проиграет, Степан Удалой далеко не уйдёт.

В лагере атамана царила деловитая суета. Пленницу сняли с коня, и снова связали. Как раз вернулся посланный с поручением бандит, начал рисовать кроки и докладывать:

— Повезло. Я думал там лысый хорь сидит. А оказалось — ядозуб. Основной лаз из норы вот здесь. Заряд я поставил вот тут, у него там запасной лаз из норы.

— Тогда как я вот сюда доберусь, — атаман чиркнул ногтем по карте, — а этот будет вот здесь, запускай.

Василиса похолодела. Атаман убьёт Глеба. Обманом. Снаружи никто не заметит, а от взрыва в норе перепуганный ядозуб выскочит как раз Глебу навстречу. У любимого из оружия лишь нож: про обычай поединка она в посёлке наслушалась. А Удалой потом спишет всё на «мне помог сам дух пустыни, вывел на врага ядозуба». Василиса забилась в путах, но этим только развеселила охранников. Вскоре девушка выбилась из сил, охранником глядеть на её метания тоже надоело. Они отвернулись, а Василиса чуть не разрыдалась от ощущения беспомощности и собственной бесполезности. И почему она тогда, в ядре керхеров, отказалась учиться драться?

«В тебя однозначно попала часть памяти капитана Ольги Лихачёвой: то, как ты стреляла в зомби и как ударила бутылкой. Да, решение ты принимала сама и сознательно, а вот потом уже запустились рефлексy, как всё сделать правильно». Так, кажется, сказал Глеб? И где она эта память, когда нужна? Василиса попробовала найти в себе военные способности... бесполезно. Пусто и страшно. «Нет уж! Просто так я его вам не отдам! Эй Ольга или как тебя там! Где ты?! Даже если потом, после твоей памяти, я буду не совсем я, Глеб должен жить!» Ярость и уверенность, что просто так покорно по течению она плыть не станет, захлестнула Василису, аж потемнело в глазах. И тут же в голове что-то словно переключилось.

Сейчас девушка отчётливо понимала: связали её безграмотно. Руки впереди, ноги замотаны, но рядом очень удобный камень, за который можно зацепить узел. Ободрать кожу, но рывком сдёрнуть верёвку. Остальные бандиты ушли смотреть за поединком за бархан, рядом спиной к пленнице сидел единственный охранник. И то он постоянно отвлекался. А ещё рядом валялось брошенное седло, у которого выступала отличная стальная пластина.

Как только охранник в очередной раз повернулся к девушке спиной, Василиса начала действовать. Рывком сдёрнула верёвку с ног. Одним прыжком оказалась рядом с седлом, подхватила и с силой острой стальной пластиной ударила врага по голове. Навыки, доставшиеся от капитана Лихачёвой, не подвели: височная кость оказалась раздроблена. Радоваться или переживать не было времени. Перерезав верёвки ножом, Василиса торопливо обыскала тело. Есть пистолет, все винтовки рядом с лошадьми. Но лошади пасутся в стороне. Обнаружат. Василиса осторожно двинулась к бархану, за которым расположились остальные бандиты. Удача в этот раз была на её стороне. Враги настолько увлеклись ожиданием зрелища, как ядозуб будет рвать человека, передавая друг другу бинокль, что заметили нового человека только когда Василиса уже подошла на дистанцию гарантированного поражения. И то сначала приняли её за своего.

— Денис, бабу одну оставил?! Какого х...

Выстрелы прозвучали один за другим короткими смешками. Вспомнив прочитанные когда-то детективы, девушка, хоть и проклинала себя за капающие секунды, всё равно добавила каждому бандиту контрольный выстрел в голову. А потом побежала за винтовкой. Заняв позицию на высоком, бархане Василиса принялась обшаривать в бинокль выбранный для поединка квадрат, приготовившись немедленно открыть огонь. Взрыв не прозвучал, ядозуб из норы не вылезет? Или всё-таки вылезет? Рисковать жизнью любимого Василиса не собиралась. А что придётся заодно пристрелить атамана, переживать она станет потом.

Последние дни перед свадьбой запомнились одинаково плохо и Глебу, и Василисе. Когда два года назад они рассуждали насчёт «организуют всё по городским обычаям», то не ожидали, что, во-первых, свадьба станет закладывать новые традиции, а во-вторых будет делом государственного уровня. Ведь женился один из основателей второго города! Среди гостей оказался не только Пустынный хан и его родственники. На праздник прибыли старейшины многих оазисов, а ещё совсем неожиданно для всех поздравить молодых приехал лично координатор Тоцкий.

Политика никогда не помогала сделать какой-нибудь праздник лучше. А уж в главный день своей жизни общаться с людьми, которых хочется прибить, та ещё радость. Но приходилось ещё до начала церемонии улыбаться, пожимать руку, принимать поздравления, искренние и неискренние. И стараться забыть о том, что вот с этим человеком, случись вам встретиться в иной обстановке, вы с удовольствием вцепились бы друг другу в плечо. Оставалось мечтать, что вся парадная шумиха протянется ровно до момента, когда молодых объявят мужем и женой. А дальше банкет, где получится спрятаться в кругу самых близких друзей, оставляя политических крокодилов грызть друг друга.

До полноценного эко-купола второму поселению было ещё далеко, но вокруг пирамиды уже раскинулся небольшой город из заводских корпусов и небоскрёбов с контролируемым микроклиматом. Заодно архитекторы творчески развили опыт прошлой столицы пустыни и придумали оригинальную капиллярную систему орошения. На зависть всем гостям прямо под открытым небом вдоль улиц росли густые зелёные насаждения. А небольшой, но самый настоящий парк и тоже под открытым небом все называли истинным чудом. Приехавшие в город пустынники при виде парка вообще сразу начинали креститься.

Обычаи в пустыне по поводу брака были отшлифованы годами и отличались редкой скрупулёзностью, каждый жест нёс какое-то значение. Можно венчаться или не венчаться в церкви, но, чтобы брак признали, остальные традиции должны быть соблюдены. Ванна, ночь друг с другом, а потом глава посёлка или оазиса прилюдно произнесёт положенные слова и признает молодых мужем и женой. Сегодня выстраивался новый обычай, и потому последнюю ночь перед свадьбой жених и невеста провели отдельно. Парк тоже преобразился. Две аллеи с двух разных входов застелили идеально белыми ковровыми дорожками, а на деревьях вдоль всего пути повесили белые ленты. А ближе к центру парка горели свечи. Множество свечей, две широкие свечные дороги шли теперь, образуя огненную дорожку, и сходились к столу. Там стояли и ждали. Пустынный хан, он сегодня объявит молодых мужем и женой. Отец Сергей — даже на чисто светской церемонии присутствие священника считалось обязательным, чтобы небеса подарили молодым удачу. И Виктор как ближайший родственник невесты.

Вошедший через свою аллею Глеб сначала не понял, что видит: мерцающее и переливчатое снежно-серебряное облако бросилось в глаза, затмевая все вокруг. Жених аж запнулся, взгляда не мог оторвать от девушки. Но всё же взял себя в руки и медленно пошёл по своей дорожке. Полтора десятка шагов показались Глебу невероятно долгими, почти бесконечными, но вот серебряное облако оказалось совсем рядом. Платье обливало изящную фигурку невесты, подчёркивая высокую грудь, талию и гордые плечи, ниже оно колыхалось пышным снежно-белым цветком. У всех перехватило дыхание. Глеб сделал последний шаг,

жених и невеста встали перед столом напротив Пустынного хана. Глава города зачитал положенные слова, жених сдёрнул длинную, до самого локтя, белоснежную перчатку невесты. Обручальных колец здесь не признавали. Нужно было соединить руки, именно с этого момента пара и считалась мужем и женой. Но и тут имелась своя тонкость — наверху ложилась рука того, кто в семье будет главным, как правило это был мужчина.

Молодые одновременно протянули вперёд руки, невеста, как положено, держала свою ладонью вверх. Гости замерли, сейчас жених опустит свою сверху и... Глеб и Василиса переглянулись, одновременно повернули ладони так, что теперь обе находились перпендикулярно земле, и ни одна не оказалась наверху. И тут же все увидели переплетённые пальцы.

— И сим объявляю, что по нашим законам вы считаетесь мужем и женой, — загрохотал по округе голос Пустынного хана.

— Только так. Вместе навсегда, — шепнул Глеб.

— Вместе навсегда, — и Василиса покрепче сжала ладонь теперь уже своего мужа.

Больше книг на сайте - Knigoed.net